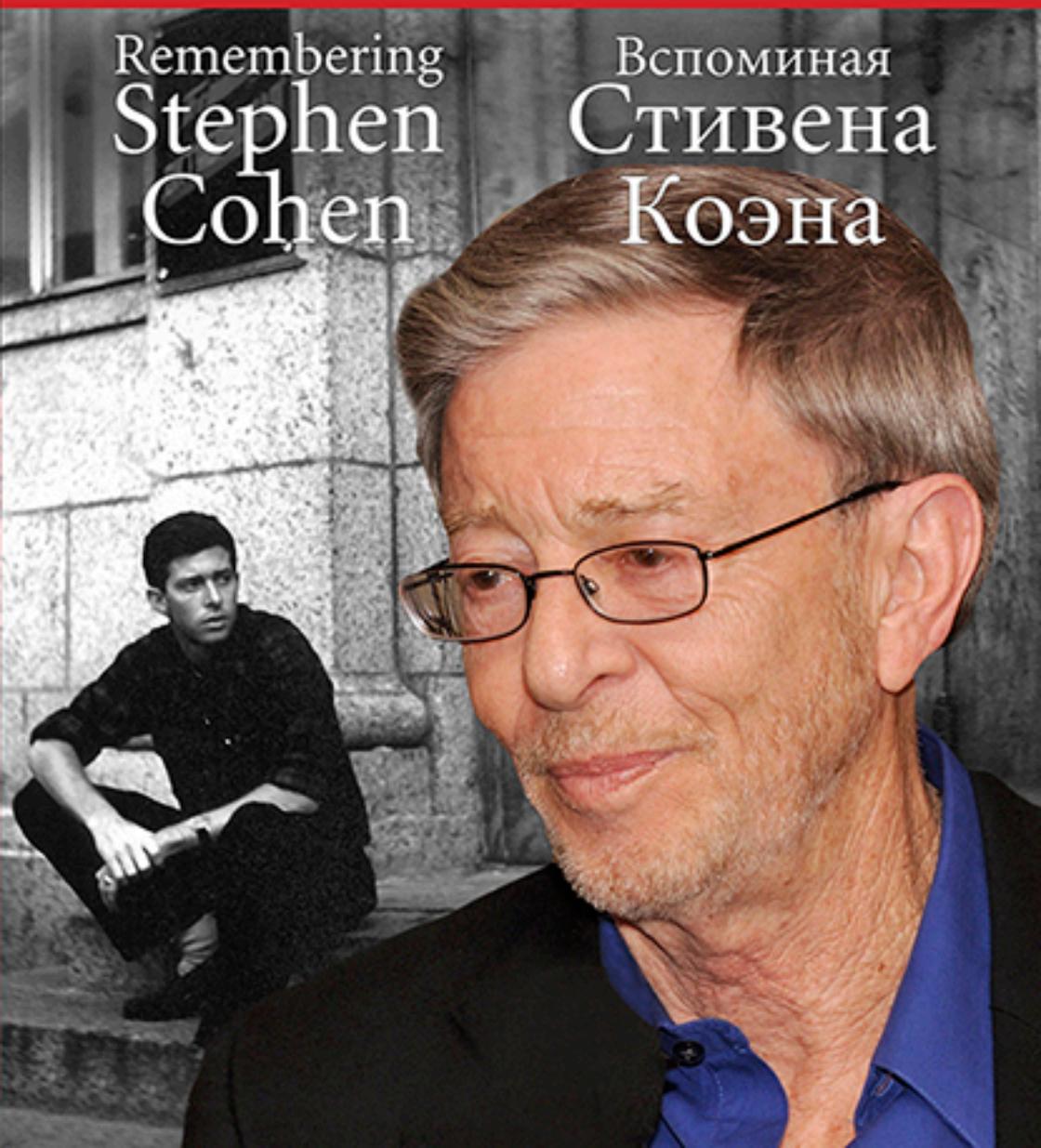

HIS WAY | ЕГО ПУТЬ

Remembering
Stephen
Cohen

Вспоминая
Стивена
Козна

HIS
WAY

Remembering
Stephen
Cohen

Moscow
2021

ЕГО
ПУТЬ

Вспоминая
Стивена
Коэна

Москва
2021

Creative Designer
Sergey Scherbina

Creative Designer, Cover
Robert Best

Дизайн и вёрстка
Сергей Щербина

Дизайн обложки
Роберт Бест

HIS WAY. Remembering Stephen Cohen.
Editors Katrina vanden Heuvel and Gen-
nady Bordyugov. – М.: АИРО-XXI, 2021. –
404 с.

ISBN 978-5-91022-492-0

- © Editors, authors, 2021
- © Translation Bouis Antonina, Golinkin Lev,
Davidian Irina, Lih Lars, Rothrock Kevin,
Solovieva Maria, 2021
- © ЦНИ «Актуальная история», 2021
- © АИРО-XXI, 2021

ЕГО ПУТЬ. Вспоминая Стивена Коэна.
Сост. Катрина ванден Хювел и Генна-
дий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2021. –
404 с.

ISBN 978-5-91022-492-0

- © Составители, авторы, 2021
- © Перевод: Буис Антонина, Голикин
Лев, Давидян Ирина, Ли Ларс, Ротрок
Кевин, Соловьева Мария, 2021
- © ЦНИ «Актуальная история», 2021
- © АИРО-XXI, 2021

ЕГО ПУТЬ.

Предисловие

Смерть Стивена Коэна – это огромная утрата для того небольшого, что осталось от общественного здравомыслия в Соединенных Штатах. Его мудрость проистекала из знания, а еще – из благородства духа, из его врожденной способности относиться к людям, которых он изучал, как к живым и знакомым.

Диана Джонстон

Близкие и друзья знали, что у Стивена Коэна был CD с дюжиной вариаций песни «My Way», от Билли Брэгга до Фрэнка Синатры. Поэтому естественно было связать название нашей мемориальной книги с путем Стивена. Его уход вызвал огромное количество соболезнований и откликов в общественной и академической средах многих стран мира. Однако и спустя год трудно осознать потерю выдающегося американского ученого, его вклад в историческую науку, педагогику, развитие отношений между США и Россией.

Авторы обращаются прежде всего к тем фактам жизни и судьбы, которые отличали историка и политолога от других – его несогласие с точкой зрения, что Советский Союз возник в 1917 году нелегитимным путем, открытие настоящего Бухарина, влияние на архитекторов советской перестройки, доказательства того, что Советский Союз не был обречен на смерть и мог быть реформирован. Наконец, еще можно

вспомнить выступление на демонстрации 1989 года на Красной площади – уникальный случай для иностранного ученого, его дружбу с семьей Лариных–Бухариных. Какой еще историк так глубоко погрузится в прошлое семьи, которая станет воспринимать его как близкого родственника.

В то же время, несмотря на обращение к похожим фактам пространства жизни Стивена, каждый автор книги делает свой акцент – для кого-то важны разработка им НЭПа как альтернативы сталинизму или особый «принстонский подход» к высокой политике 1920–1930-х годов, других больше интересуют жизнь вернувшихся после ГУЛАГа, инакомыслие и судьбы инакомыслящих, всесторонняя поддержка А.В. Антонова-Овсеенко в создании и развитии Музея ГУЛАГа. Не раз читатель встретит оценки его страсти к правде истории, его таланта педагога и лектора, его удивительной дружбы с семьей Н.И. Бухарина и М.С. Горбачевым.

Известно, что главной научной темой Стивена была альтернативность, то есть убеждение в том, что всегда и везде существует выбор. Но и в жизненном пути Коэна были свои альтернативы. К примеру, весной 1959 года он выбирал между поездкой в испанскую Памплону и путешествием по пяти городам Советского Союза, «страны-великана», как он выразился, только пробудившейся и приходившей в себя после десятилетий государственного террора. Стивен был склонен отказаться выступить на Красной площади 1 мая 1989 года, но он внял убеждениям своих русских друзей и принял приглашение. «Это была судьба», как выразился он в интервью для проекта по устной истории.

Путь Коэна был особенным и неповторимым. Он выбрал его и неуклонно, последовательно следовал ему. Многие со-

бытия на этом пути оказались связанными, но не predetermined, они зависели от его воли и решительности. Надо было обладать мужеством, чтобы обвинить политиков в Вашингтоне в том, что, движимые духом триумфализма, они принялись расширять НАТО на восток, разместили на границах России американские системы ПРО, развязали слепую антироссийскую истерию и демонизировали Владимира Путина. Все это стало поводом для безосновательных обвинений и буквально публичной травли Стивена из-за его позиции по Грузии, Украины, Крыму, Сирии. Он пережил болезненный эпизод с попыткой ряда коллег ликвидировать именную «стипендию Коэна–Такера» для студентов, изучающих историю России, и ежегодную премию за докторскую диссертацию по русской истории. Он познал одиночество и в академическом мире, и в медийной среде. Но Стивен оказался готов к этим неожиданным поворотам и не сошел со своего пути. «Очень обидно, что Стив не сумел сам дожить до того дня, – пишет его ученик Маршалл Ауэрбэк, – когда его правота восторжествует, но за него это сделает его внушительное письменное наследие, которое, несомненно, выдержит испытание временем».

Свидетельством тому и наша книга, ее авторы, а также все те, кто помогал ей выйти, – дизайнеры, корректоры, переводчики и авторы фотографий. Всем им мы выражаем свою искреннюю благодарность.

Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов

The death of Stephen Cohen is a huge loss to what little is left of public sanity in the United States. His wisdom drew on knowledge but also on generosity of spirit, on his inherent capacity to regard the people he studied as fellow human beings.

Diana Johnstone

Those close to Stephen Cohen knew he had a CD with a dozen versions of the song «My Way», from Billy Bragg to Frank Sinatra. It was natural, then, to name our memorial book of Stephen «His Way». His passing inspired an immense outpouring of condolences and tributes in both social and academic fields across numerous nations. And yet, even a year later it's difficult to grasp both the full impact of losing such an outstanding American scholar as well as the scope of his contributions to history, pedagogy, and the course of US-Russia relations.

Our contributors often begin by addressing what set the historian and politologist apart from others: his disagreement with the notion that the USSR's creation in 1917 was illegitimate; his discovery of the true history of Bukharin; his influence on the architects of perestroika; and his theory that the Soviet Union was not doomed to end but could've been reformed instead. There's also Steve's speech at the 1989 May Day parade on Red Square – a unique opportunity for a foreign scholar – as well as his friendship with the Larin-Bukharin family. What other historian could immerse himself in a family's past to the point of being considered a close relative himself?

At the same time, while all our authors touch on the same overarching aspects of Steve's life, each one found something unique to focus on: some stressed his development of NEP as an alternative to Stalinism or the distinctive «Princeton approach» to the high politics of the 1920s-1930s; others were drawn to Steve's work chronicling the fates of dissidents who had returned from the gulag and his unwavering support of Anton Antonov-Ovseyenko in the creation and development of the GULAG History Museum. The reader will often encounter reflections on Steve's passion for history's truths, his talent as an educator and lecturer, or his amazing friendship with the family of Bukharin and with Gorbachev.

Steve's primary academic field was the study of alternatives – options and consequences of decisions made at inflection points in history – buoyed by his firm belief that there's always a choice. His life, too, had choices and inflection points. In the spring of 1959 he had to decide between going on a trip to Pamplona or a tour of five cities in the Soviet Union, the sleeping giant just beginning to awaken and recover after decades of state terror, as he described it. Thirty years later, Steve was about to decline the chance to speak at the 1989 May Day celebrations on Red Square, only to heed the urges of his Russian friends and accept the invitation. «It was fate,» he reflected in an interview for an oral history project.

Cohen's path was inimitable, one-of-a-kind. It was a path he had chosen and invariably hewn to. Many of the twists were interconnected but not predetermined, and in the end were shaped by his determination and willpower. It took courage to denounce the Washington politicians who, impelled by triumphalism, expanded NATO eastward, placed US anti-ballistic missile systems

on Russia's borders, fomented blind anti-Russian hysteria in America, and demonized Vladimir Putin. His stances on Georgia, Ukraine, Crimea, and Syria led to baseless smears and public harassment. He survived a particularly painful episode when a group of colleagues attempted to abolish the Cohen-Tucker Dissertation Research Fellowship and yearly dissertation prize for Russia scholars. Steve was ostracized in academia and the media, yet he was prepared for these unexpected turns and stayed true to his path. «It hurts to know that Steve didn't live to see his truths prevail,» writes his student Marshall Auerbach, «but he is survived by an impressive written legacy which will no doubt withstand the test of time.» Another testament to that legacy is this book, its authors, and all those who played a role in its creation – designers, editors, translators and photographers. We are deeply grateful to them all.

Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov

Translated by Lev Golinkin.

I

CONDOLENCES
СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

* * *

Dear Katrina,

Please accept my sincere condolences on Steve's passing. He was one of the closest people to me in his views and understanding of the enormous events that occurred in the late 1980s in Russia and changed the world. Steve was a brilliant historian and a man of democratic convictions. He loved Russia, the Russian intelligentsia, and believed in our country's future. I always considered Steve and you my true friends. During perestroika and all the subsequent years, I felt your understanding and unwavering support. I thank you both. Dear Katrina, I feel deep sympathy for your grief and I mourn together with you and Nika. Blessed memory for Steve.

*I embrace you,
Mikhail Gorbachev*

19.09.2020

Дорогая Катрина,

прими мои искренние соболезнования в связи с кончиной Стива. Он был одним из самых близких мне людей по взглядам, пониманию смысла тех огромных событий, которые произошли в конце 80-х в России и изменили мир. Стив был блестящим историком, человеком демократических убеждений. Он любил Россию, российскую интеллигенцию, верил в будущее нашей страны. Я всегда считал Стива и тебя своими настоящими друзьями. В Перестройку и все следующие годы я чувствовал ваше понимание и неизменную поддержку. Благодарю вас обоих. Дорогая Катрина, глубоко сочувствую твоему горю, скорблю вместе с тобой и Никой. Светлая память Стиву.

*Обнимаю,
Михаил Горбачев
19.09.2020*

* * *

It is with great sorrow that I learnt of the passing away of your husband. An outstanding scholar, Professor of Princeton and New York Universities, Dr. Stephen Cohen did a lot to study and objectively describe the most important events of the Russian history of the 20th century. Through his works, he became well-known and respected within the scientific community and made a significant contribution to the development of American and world history. Professor Cohen was rightfully awarded for his achievements with the Russian Order of Friendship, as well as

Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров вручает Стивену Коэну Орден Дружбы. Зал приёмов МИД РФ. 19 марта 2009 г.

Russian Foreign Minister Sergey Lavrov presents Stephen Cohen with the Order of Friendship at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2009, March 19.

other signs of professional and public recognition. His teaching, publishing and social activity, which was aimed at preserving historical truth, earned wide respect. He always strove, to the best of his ability, to help defuse international tensions, as well as to find ways to improve relations between such great powers as Russia and the USA. Please accept my words of condolences and sympathy.

*Sergey Lavrov
September 19, 2020*

С огромным сожалением я узнал о кончине Вашего мужа. Выдающийся ученый, профессор Принстонского и Нью-Йоркского университетов, доктор Стивен Коэн многое сделал в области изучения и объективного изложения важнейших событий российской истории XX века. Благодаря своим работам он обрел известность и уважение в научном сообществе и внес значительный вклад в развитие американской и мировой исторической науки. Профессор Коэн был заслуженно награжден за свои достижения российским Орденом Дружбы, а также отмечен другими знаками профессионального и публичного признания. Своей преподавательской, публицистической и общественной деятельностью, направленной на сохранение исторической правды, он снискал широкое уважение. Он прилагал все возможные усилия, чтобы помочь снизить международную напряженность и найти способы улучшить отношения между двумя великими державами – Россией и США. Пожалуйста, примите мои слова соболезнования и сочувствия.

Сергей Лавров
19 сентября 2020

Перевод Ирины Давидян.

* * *

Dear Katrina,

I am so sorry to learn that Stephen has died. In this darkening time, with minds closing down to rational thought everywhere one looks, his forthright brandishing of truth in the face of uni-

versal ignorance was brave and heartening. Condolences on your loss.

Best wishes, Andrew Cockburn

September 19, 2020

Дорогая Катрина,

с большим сожалением я узнал, что Стивен умер. В наше все более мрачное время, когда умы повсюду, куда ни глянь, оказываются выключены для рационального мышления, его привычка открыто потрясать правдой перед лицом всеобщего невежества была храброй и вдохновляющей. Соболезную твоей утрате.

С наилучшими пожеланиями,

Эндрю Кокберн

19 сентября 2020

Перевод Ирины Давидян

Andrew Cockburn is a British and American journalist and writer, the Washington editor of *Harper's Magazine*. He is the author of numerous books and articles mainly on national security, and a producer of many documentary films.

Эндрю Кокберн – известный американский журналист и писатель, автор многочисленных книг и статей, в основном на тему национальной безопасности, и продюсер многих документальных фильмов.

* * *

Дорогая Катрина,

Я потрясён вестью об уходе моего и моей семьи незабвенного друга и товарища Стива.

Уверен, что эту потерю будут оплакивать многие в России, ставшей его второй родиной. Многие самых разных взглядов и убеждений.

Стив был выдающимся учёным и блестящим журналистом. Настоящим, близким другом нашей страны в горе и в радости

Для меня его уход оставляет никем и ничем не заполняемую лагуну в душе. Но он навсегда в моей памяти

Прими, пожалуйста, заверения в нашей любви и солидарности. Передай самые горячие соболезнования Нике.

Держись мужественно.

Обнимаю, твой друг

Леонид

19.09.2020

Dear Katrina,

I'm shaken to the core by the news of the passing of Steve – my and my family's unforgettable friend and comrade.

I am certain that this loss will be bemoaned by many in Russia, which became a second homeland to him. By many people with most diverse views and convictions.

Steve was an outstanding scholar and brilliant journalist. A true and close friend of our country through thick and thin.

His passing has left the void in my soul that nobody and nothing can fill. But he is to stay forever in my memory.

Please be assured of our love and solidarity. Pass my most heartfelt condolences to Nicola.

Stand firm.

Your friend

Leonid

19.09.2020

Translated by Maria Solovieva.

Доброхотов Леонид Николаевич,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова.

Dobrokhotov Leonid Nikolaevich –
professor at the Lomonosov State
University of Moscow.

* * *

Dear Katrina,

I was very sorry to learn yesterday of the death of Steve and wish to send you my sincere condolences on this sad loss. It was only a few weeks ago that I heard that Steve was gravely ill, and that came as a shock. He seemed so irrepressible and indestructible. Although the last time I saw both of you was, I'm fairly sure, at the 2015 ASEES conference in Philadelphia in 2015, I always valued meeting Steve,

whether in Moscow (as happened more than once) or every few years in the US. We didn't concur on everything. I am more critical of developments in the Russian political system during the Putin presidency, but I think that Steve was right in his vigorous criticism of the Yeltsin years. He was right also in noting the double standards that were applied when Russian foreign policy was condemned, and in showing the extent to which this was in reaction to Western disregard for Russian opinion and legitimate Russian interests in the post-perestroika years. Steve was likewise absolutely right to criticize American triumphalist accounts of the Cold War's ending. It would not have ended when it did, and in the peaceful and negotiated way it did, had any member of Chernenko's Politburo other than Mikhail Gorbachev succeeded the second last general secretary of the CPSU. As you know, I share your and Steve's high regard for Gorbachev and for his historic role in Russian and world politics. Steve was an important presence in Soviet and Russian historiography and as a public intellectual. His work had an influence not only in the West but in Russia, especially during the perestroika period with the translation of his Bukharin book. I know that his more recent books have also been published in Russian, but the time of greatest impact was in the second half of the 1980s. Those were years in which books and articles became major events in Russia, as people probed the limits of the new freedoms. Interest in ideas and in filling in the blank pages in the writing of Russian history has never been higher before or since. Steve was a stimulating scholar, an excellent writer, and a courageous controversialist. We always need people prepared to

challenge the conventional wisdom. In the current political polarization in the United States, there is surely more conventional ignorance on the Trump and conservative side, but also too much conventional wisdom and unquestioned assumptions (including those which tend toward demonizing Russia) on the liberal side. Steve was in neither camp. I did not always agree with him, but I respected his refusal to bow to political or intellectual fashion.

*With all good wishes,
and with great sympathy
at this difficult time,
Archie
September 19, 2020*

Дорогая Катрина,

вчера я с большим сожалением узнал о смерти Стива и посылаю тебе мои искренние соболезнования по случаю этой печальной утраты. О том, что Стив был тяжело болен, я узнал лишь несколько недель назад, и это стало для меня шоком. Он казался таким несокрушимым и неудержимым. Хотя последний раз я видел вас обоих, наверное, в 2015 году, на конференции ASEEEES в Филадельфии, я всегда ценил встречи со Стивом, будь то в Москве (что случилось не раз) или каждые несколько лет в США. Мы не были с ним во всем согласны. Я более критически, чем он, оцениваю происходящее в российской политической системе при президенте Путине, но думаю, что Стив был прав в своей решительной критике ельцинского периода. Он

был также прав, обратив внимание на двойные стандарты, применяемые в процессе осуждения российской внешней политики, и показав, в какой степени она была реакцией на пренебрежительное отношение Запада к мнению России и ее законным интересам в послеперестроечные годы. И Стив был абсолютно прав, когда критиковал американский триумфализм в подходе к оценкам окончания «холодной войны». Она не закончилась бы тогда, когда закончилась, и не закончилась бы так мирно, путем переговоров, окажись на месте Михаила Горбачева любой другой член черненковского Политбюро, занявший кресло генсека. Ты знаешь, что я разделяю вашу со Стивом высокую оценку Горбачева и той исторической роли, которую он сыграл в российской и мировой политике.

Стив занимал важное место в советско-российской историографии и был заметным публичным интеллектуалом. Благодаря своей деятельности, он имел влияние не только на Западе, но и в России, особенно в период перестройки, когда вышел русский перевод его книги о Бухарине. Я знаю, что его последующие и относительно недавние книги тоже переводились и публиковались в России, но временем наибольшего триумфа для него стала вторая половина 1980-х годов. В ту пору книги и статьи становились большими событиями в России, так как люди пытались нащупать границы новой свободы. Никогда больше, ни до, ни после этого периода, интерес к идеям, к заполнению белых пятен в российской истории не был так велик. Стив был вдохновляющим ученым, превосходным писателем и бесстрашным спорщиком. Всегда нужны люди, готовые бросить вызов стандартному мышлению. В усло-

виях нынешней политической поляризации в Соединенных Штатах, правда, наблюдается больше стандартного невежества – со стороны Трампа и консерваторов, но и со стороны либералов избитых теорий и безапелляционных суждений (в том числе ведущих к демонизации России) тоже хватает. Стив не принадлежал ни к тем ни к другим. Я не во всем был с ним согласен, но я уважал его нежелание кланяться политической или интеллектуальной моде.

*С наилучшими пожеланиями
и большим сочувствием
в это трудное время,
Арчи
19 сентября 2020*

Перевод Ирины Давидян.

Archibald (Archie) Brown is a British political scientist and historian. He is an emeritus professor of politics at the University of Oxford and an emeritus fellow at St. Anthony's College, Oxford, where he served as a professor of politics and director of St. Anthony's Russian and East European Centre. He is a Fellow of the British Academy.

Арчи Браун – известный британский историк и политолог, член Британской академии, почетный профессор политики Оксфордского университета, бывший директор Центра российских и восточноевропейских исследований в колледже Св. Антония в Оксфорде.

* * *

У Стивена Коэна был рак. Он и его семья во главе с прекрасной Катриной ванден Хювел боролись с болезнью, и до последних дней у них и у нас была надежда.

Катрина и Стив вместе изучали Союз. Рукописи многих историков стали известны благодаря их смелой работе. Это Стивен, преодолевая немислимые барьеры, познакомился с вдовой Бухарина Анной Михайловной Лариной – и его книга стала для советских студентов настоящим открытием и противоядием от диктатуры.

Он дружил (и абсолютно бескорыстно, в отличие от нынешних политологов) со многими государственными людьми России, но неустанно издавал книги о сталинизме, и самую трогательную из них – как зэки возвращались из лагерей. Редакция выложит ее в открытый доступ.

Мы были друзьями, оппонентами и, конечно, собутыльниками – его ядовитые реплики обладали эстетическим достоинством аристократической полемики. Он любил бывать у нас, любил Москву, а мы любили его манеру вежливо разбивать аргументы и рассматривать их осколки в длинных пальцах бывшего баскетболиста.

Он сделал почти все, что хотел, а нам и Кате недодал.

*Его редакция,
19 сентября 2020*

Stephen Cohen had cancer. He and his family with fair Katrina vanden Heuvel at the helm fought against the illness, and until the very last days they and we had hope.

Katrina and Steve together studied the Soviet Union. Manuscripts of many historians became known thanks to their fearless work. It was Stephen who, jumping through the hoops, became introduced to Bukharin's widow, Anna Mikhailovna Larina, and his book became for Soviet students a veritable discovery and an antidote against dictatorship.

He was friends (absolutely disinterestedly, unlike present-day political scientists) with many Russian statesmen but continued publishing books about Stalinism, including the most moving among them – an account of prisoners' return from the camps. Our newspaper will post this book online for everyone to read.

We were friends, opponents and, sure enough, drinking partners – his vitriolic remarks had an aesthetic quality of aristocratic polemic. He liked visiting us, liked Moscow, and we liked the

way he used to politely tear arguments to shreds and stare at their smithereens between the long fingers of the former basketball player.

He did almost everything he had wanted but gave to us and Katya less than he should.

His «Novaya gazeta»,

September 19, 2020

Translated by Maria Solovieva.

* * *

Dear Ms. vanden Heuvel,

Please accept my deepest condolences over the passing away of your husband Mr. Stephen Cohen.

An outstanding American scholar, he devoted his entire life to the Soviet and Russian studies. During the most difficult times in US-Russian bilateral relationship, he always showed political wisdom and foresight and was a vocal proponent of a constructive dialogue between Moscow and Washington. We will always cherish the memory of Stephen Cohen as a genuine friend of the Russian Federation. I would like to pass words of heartfelt sympathy and support to all members of your family. May you have endurance during this time of grievous and tragic loss.

Sincerely, Anatoly Antonov

20.09.20

Уважаемая г-жа ванден Хювел,

Пожалуйста, примите мои глубочайшие соболезнования по поводу кончины Вашего мужа, г-на Стивена Коэна.

Выдающийся американский ученый, он посвятил всю свою жизнь изучению Советского Союза и России. В самые трудные времена в истории американо-российских двусторонних отношений он всегда демонстрировал политическую мудрость и дальновидность и был откровенным сторонником конструктивного диалога между Москвой и Вашингтоном. Мы будем бережно хранить память о Стивене Коэне как подлинном друге Российской Федерации. Позвольте передать слова сердечного сочувствия и поддержки всем членам Вашей семьи. Желаю, чтобы Вам достало сил и выдержки пережить эту горестную и трагическую утрату.

*Искренне Ваш,
Анатолий Антонов
20.09.2020*

Перевод Ирины Давидян.

Анатолий Антонов – *Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в США с 2017 года.*
Anatoly Antonov has been the Ambassador of Russian Federation to the United States of America since 2017.

* * *

Dear Katrina,

I am so sorry to know that Steve is no longer with us. My sincere condolences to you and to your family. I will miss Steve greatly. I think of his kind, warm nature often. I admire the way

he could make a personal connection even in the shortest conversation, even when the demands on his time were great. Perhaps it was the Kentucky in him – a strain I appreciate as a childhood resident of that state. It is a rare gift to combine such intense intellectual passion with such personal warmth. I am honored to have been able to get to know him and you over the last decade. My wife Iza and I remember fondly the occasion when we hosted you and Steve in Bloomington. Please know that we are thinking of you, and sending you our heartfelt wishes.

Warmly,

Padraic

September 23, 2020

Дорогая Катрина,

с большим сожалением я узнал, что Стива больше нет с нами. Мои искренние соболезнования тебе и твоей семье. Я буду очень скучать по Стиву. Я часто думаю о нем, его доброте и сердечности. Меня восхищает легкость, с которой он, при всей своей загруженности, мог установить личный контакт с человеком даже в самом коротком разговоре. Возможно, это в нем осталось от Кентукки – мне, ребенком жившем в этом штате, импонирует эта черта. Это редкий дар – сочетание такой страстной интеллектуальной мощи с такой душевной личной теплотой. Я счастлив, что имел возможность познакомиться и общаться с ним и с тобой на протяжении последних десяти лет. Моя жена Иза и я тепло вспоминаем, как принимали вас со Стивом у нас в Блумингтоне. Пожа-

луйста, знай, что мы думаем о вас и шлем сердечные пожелания.

С самыми теплыми чувствами,

Порик

23 сентября 2020

Перевод Ирины Давидян.

Padraic Kenney is a Professor of History and International Studies at Indiana University.

Порик Кенни – профессор истории и международных исследований в Индианском университете.

* * *

Dear Katrina,

I've tried writing this more than once over the past two days, and even now I know that I can't find the words to adequately express my condolences, and the depth of my sadness at Steve's passing. I know I did not keep in touch in the last years like I should have; always thinking we had time to catch up. Steve was without question the most important person in my intellectual life, and I count it a singular honor to have been his student and his friend. To say that he was my mentor falls so short of what he meant to me, but I don't think any word could capture how I feel. He gave more to me in time, insight, opportunities, and in-

spiration than anyone else ever has or ever will. I think back with incredible fondness on the times we spent together—in the classroom, the basketball court, in Moscow, and at your apartment. They were some of the best times in my life. I will miss him very much. I spent part of yesterday re-reading the contributions in *Dve Rodini*. And as I read your wonderful remembrance in *The Nation* today, I came away with renewed confidence that his legacy is secure, and that his voice will continue to be heard. Thank you for sharing your thoughts and experiences.

All my best to you and your family.

Kindest regards,

Paul

September 21, 2020

Дорогая Катрина,

за последние два дня я несколько раз принимался за это письмо, но не мог и до сих пор не могу найти слова, чтобы выразить во всей полноте мои соболезнования и всю мою печаль по поводу ухода Стива. Я знаю, что в последние годы не слишком часто выходил на связь: все думал, что еще есть время, успеется. Стив, без сомнения, был самым важным человеком в моей интеллектуальной жизни, и я считаю, что мне выпала исключительная честь быть его студентом и другом. Сказать, что он был моим наставником, значит не передать и малой части того, что он значил для меня, но я не могу придумать слово, которое бы выразило всё, что я чувствую. В том, что касается времени, мудрости, возможностей и вдохновения, он дал мне больше, чем кто-либо до или после него. Я с невероятной теплотой вспоминаю проведенное с

ним время – в университетской ли аудитории, на баскетбольной площадке, в Москве или в вашей квартире. Это были одни из лучших моментов моей жизни. Мне будет очень его не хватать. Вчера я провел часть дня, перечитывая статьи из сборника «Две родины Стивена Коэна». А когда сегодня я прочел твое чудесное воспоминание о нем в The Nation, я утвердился в мысли, что его наследие живо и будет жить, а голос его продолжит звучать. Спасибо, что поделилась своими мыслями и переживаниями. Желаю всего наилучшего тебе и твоей семье.

С самыми добрыми чувствами,

Пол

21 сентября 2020

Перевод Ирины Давидян.

Paul T. Christensen is a Professor of the Practice in Political Science Department, Boston College, and International Studies Program Director, Boston College.

Пол Кристенсен – адъюнкт-профессор факультета политологии, директор программы международных исследований Бостонского колледжа.

* * *

Dear Katrina,

I am so sorry for your loss, and so sorry that you have been enduring these hard losses, your mother and now Steve. The poet Ed Hirsch says that at a certain point you carry these losses

like a sack of concrete on your shoulders, and I cannot imagine the weight of this. I first encountered Steve at Princeton, and it feels as though I was learning from him, debating him, arguing with him ever since; I even remember playing basketball with him in Moscow, and he was no shrinking violet on the court, either. His insight into the plasticity of Soviet history and the Soviet regime, as well as his scholarly and human allegiance to dissent outside and even within the regime—to say nothing of his early evaluation of Gorbachev as a figure of immense possibility and breakthrough – that was all something I learned from deeply; and even where we disagreed in the years that followed, I valued that, as well. But for you, of course, this is something immeasurably deeper, a universe beyond debates.

Katrina, I wish for you easier days; days, for you and your daughter, of good health, diminishing pain, and much love,

David

September 21, 2020

Дорогая Катрина,

я очень сожалею о твоей утрате и о том, что тебе придется переживать такие тяжелые утраты: сначала твоя мать, теперь Стив. Поэт Эд Хирш сказал, что мы несем эти утраты как мешок с цементом на плечах, и тяжесть твоего мне даже трудно представить. Я впервые столкнулся со Стивом в Принстоне и с тех пор, похоже, только и делал, что учился у него, спорил с ним, спорил о нем. Помню даже, как играл с ним в баскетбол в Москве – он и на площадке был на виду. Его глубокое понимание советской истории и советского режима, позволившее ему увидеть в них способность к изме-

нению, как и его научная и человеческая приверженность инакомыслию вовне и даже внутри режима – не говоря уже о его ранней, провидческой оценке Горбачева как фигуры огромной прорывной способности, – это всё вещи, которые я глубоко усвоил. И даже если в чем-то мы с ним в последующие годы разошлись, я это тоже ценю. Но для тебя, конечно, это всё неизмеримо больше – целая вселенная, не меньше. Катрина, я желаю тебе дней полегче – тебе и твоей дочери, – дней хорошего здоровья, утихающей боли и большой любви.

Дэвид

21 сентября 2020

Перевод Ирины Давидян.

David J. Remnick is an American journalist and writer, and a Pulitzer Prize winner. He has been editor of the New Yorker magazine since 1998. In 1990s he was a reporter and a Moscow correspondent for the Washington Post.

Дэвид Ремник – известный американский журналист и писатель, главный редактор журнала The New Yorker; в конце 1980-х – начале 1990-х годов – московский корреспондент газеты The Washington Post.

* * *

Dear Katrina,

In the seemingness endless flood of awful and dispiriting news, I was so sorry to read of Steve's death. Dee Dee joins me in sending our heartfelt sympathy to you and Nicola on this great loss.

I know that you have had more than your share of loss and sadness in these last years, so I'm doubly sorry that this blow should come at time of such dislocation in the wider world. I just hope that memories of happier days over these last nearly 40 years can bring you a measure of comfort in the hard weeks and months ahead, and, with time, a measure of peace as well. I have fond memories of Steve's Soviet Politics class (I think you were in the same precept?) but some chagrin, too. I took the course in my junior year, and was so wrapped up in my JP on the Eisenhower-era State Department and McCarthyism that I'm afraid I did not avail myself fully of the professor's wisdom and the course's syllabus. If memory serves, I turned in a final paper, which came back with a B or B-minus, and this query from Professor Cohen: "Did you do any of the assigned reading?" I suppose the B was a sign of preparation for the slapdash standards of journalism, but I've often had occasion to regret how much I must have missed! When I read my old colleague Bob McFadden's wonderful obituary, I confess this regret was the first thing that came to mind. I hope you are safe and healthy in these strange, dark days, and that before too long we may have occasion to see each other on one coast or another. Meantime, please know that your friends are holding you in our thoughts and sending all best,

Fondly, Todd

September 21, 2020

Дорогая Катрина,

в потоке ужасных и обескураживающих новостей, который, по-видимому, никогда не кончится, я с большим сожалением прочитал о смерти Стива. Мы с Ди Ди от всего сердца сочув-

ствуем тебе и Николе по поводу этой огромной утраты. Я знаю, что за последние несколько лет тебе с лихвой досталось утрат и печалей, поэтому я вдвойне сожалею, что этот удар пришелся на время такой неурядицы во всем мире. Надеюсь лишь, что воспоминания о счастливых днях, коих было немало за эти почти сорок лет, немного скрасят тебе ближайшие трудные недели и месяцы, а со временем и принесут покой. Я с теплотой вспоминаю курс советской политики [в Принстоне], который вел Стив (ты, кажется, была в той же дискуссионной группе?), но испытываю при этом и некоторую досаду. Я записался к нему на предпоследнем курсе и был настолько поглощен своей курсовой работой о госдепартаменте эпохи Эйзенхауэра и маккартизме, что, боюсь, не сумел воспользоваться в полной мере профессорскими знаниями и предложенным им списком литературы. Если я правильно помню, последняя письменная работа, которую я ему сдал, вернулась ко мне с оценкой «четыре» или «четыре с минусом» и замечанием профессора Коэна: «Вы хоть что-нибудь прочли из списка?» Думаю, та «четверка» была мне знаком, готовившим к стандартам будущей работы в журналистике с ее вечным цейтнотом, но как же часто я сожалею о том, сколько я, должно быть, упустил! Когда я читал превосходный некролог, написанный моим коллегой Бобом Макфадденом, то, честно признаюсь, в мозгу в первую очередь всплыло именно это сожаление. Надеюсь, что ты жива и здорова в это странное, мрачное время, и мы скоро сможем увидеться на том или другом побережье. А пока знай, что твои друзья думают о тебе и шлют тебе наилучшие пожелания.

*С любовью, Тодд
21 сентября 2020*

Перевод Ирины Давидян.

Todd Stanley Purdum is a national editor and political correspondent for *Vanity Fair*. Earlier he was a reporter and the Los Angeles bureau chief for the *New York Times*. From 1994 to 1997 he was a White House correspondent for the *Times*. Dee Dee (Myers) is Purdum's wife and former White House Press Secretary.

Тодд Пурдум – американский журналист и писатель, главный редактор американского издания журнала *Vanity Fair*. Ранее возглавлял лос-анджелесское бюро газеты *The New York Times*, а в середине 1990-х был ее корреспондентом в Белом доме. Ди Ди – бывший пресс-секретарь Белого дома при президенте Клинтоне, жена Пурдума.

* * *

**My belated condolences at Professor Cohen's passing,
Katrina!**

His scholarship and his writings have been extremely foundational to my understanding of the Soviet Union/Russia. In fact, that's what prompted me to write you: I just finished teaching a Comparative Politics course at a local college here in Madison, and in all our discussions about Russia (we had a chapter on the country), I made sure to foreground Professor Cohen's research – from his work on Bukharin and Gorbachev to shock therapy and U.S. – Putin relations. How could I not? Again, my condolences!

Amit (ex-Progressive Managing Editor)

December 5, 2020

**Мои запоздалые соболезнования
по поводу кончины профессора Коэна,
Катрина!**

Его научная деятельность и его труды сыграли в крайней степени важную, основополагающую роль в моем понимании Советского Союза / России. Собственно, это то, что побудило меня написать тебе: я только что закончил читать курс сравнительной политики в местном колледже здесь, в Мэдисоне, и во всех наших дискуссиях о России (у нас был раздел об этой стране) я неизменно ссылался, в первую очередь, на исследования профессора Коэна – от его работ о Бухарине и Горбачеве до шоковой терапии и отношений США с Путиным. А как иначе? Еще раз, прими мои соболезнования!

Амит

5 декабря 2020

Перевод Ирины Давидян.

***Amitabh Pal** is a professor of political science at Edgewood College, Madison (Wisconsin). He was a longtime managing editor of the Progressive magazine.*

***Амитаб Пал** – профессор политологии в Эджвуд-колледже (Мэдисон, Висконсин) и бывший управляющий редактор (managing editor) левого американского журнала The Progressive.*

* * *

Писать трудно, потому что трудно представить, что тебя, Стив, больше нет с нами. Казалось, что такое не может случиться, что ты будешь всегда, что мы всегда будем интересоваться твоим мнением по тому или другому поводу, спорить, соглашаться и не соглашаться, но понимать, что и нас, и Россию ты любишь, а мы очень любим тебя. В 74-м мы получили твою книгу о Бухарине, и никому тогда даже в голову не могло прийти, что мы когда-нибудь сможем познакомиться с ее автором. И вот в 75-м, 45 лет назад ты буквально ворвался в нашу жизнь, в жизнь нашей семьи, тогда, когда в нашей стране общаться с иностранцами было опасно. Для мамы, ты практически стал еще одним сыном, а для нас – братом, для наших детей – дядей Степой! А после появления твоей книги на русском языке мама скажет: «Он приоткрыл крышку гроба Бухарина!» Мы вместе радовались Перестройке, реабилитации Бухарина, появлению маленькой Ники. Все эти годы и в горе, и в радости ты был с нами, а когда мамы не стало, где-то в глубине души была мысль, что у нас еще есть Стив! Это ты нас всех собирал, когда вы с Катей, а потом и с Никой приезжали в Москву. И даже сейчас, когда я и Эка живем не в России, мы все равно старались прилететь в Москву тогда, когда туда прилетали ты и Катя. И вот теперь тебя нет. И с этим как-то теперь придется жить и Кате, которая была тебе любящей женой и верным другом, и Нике, и Дасти, и Эндрю, и твоим внукам. И нам! И думаем, даже не согласным с тобой! Они потеряли достойного оппонента! И если бы мы были верующие люди, то точно бы знали, что «где-то там» тебя ждут и мама, и Бухарин, и Юра, и еще много твоих и

*С Юрием Лариным и Анной Михайловной Лариной-Бухариной.
With Yuri Larin and Anna Mikhailovna Larina-Bukharina.*

наших общих друзей, которые тебя любили и которых уже нет с нами. А мы тебя любим и будем помнить, будем всегда задаваться вопросом: «А что бы сказал Стив по тому или иному поводу?»

*Семья Анны Лариной-Бухариной
с огромной благодарностью за всё*

It is difficult to write because it is hard to imagine that you, Steve, are no longer with us. It seemed that this could never happen, that you will live forever, that we shall always be asking your opinion on one or another matter, that we shall be always arguing, agreeing or disagreeing while understanding that you love us

and Russia and that we love you very much. In 1974 we received your book about Bukharin, and nobody could imagine at that moment that we would once be able to meet its author. And then, in 1975, 45 years ago, you literally burst into our life, into the life of our family, at the time when contacts with foreigners in our country were still a risky matter. For our mother you practically became yet another son; and for us, a brother; and for our children, uncle Styopa! And when your book was published in Russian, our mother said: «He lifted a little the lid of Bukharin's coffin!» Together we were rejoicing over the Perestroika, Bukharin's rehabilitation, the birth of baby Nica. All these years, through thick and thin, you were with us, and when our mother was gone, somewhere in the heart of hearts, we thought that we still had Steve! It was you who used to bring us all together when you came to Moscow with Katya, and then with Nica. And even now, when Eka and I live outside Russia, we nonetheless tried to come to Moscow when you and Katya were there. And now you're no longer around. And now this fact will have to be dealt with somehow by Katya, who was your faithful wife and loyal friend, and by Nica, and by Dusty, and by Andrew, and by your grandchildren. And by us! And even, we think, by those who disagree with you! They lost a fine opponent! And if we were religious, we would know for sure that «somewhere out there» you are awaited by our mother, and Bukharin, and Yura, and many of our common friends, who loved you and who are no longer with us. And we love you and shall remember you, always asking ourselves «And what would Steve have to say about this or that?»

*The family of Anna Larina-Bukharin –
with enormous gratitude for everything!*

The translation from Russian is by Antonina W. Bouis.

II

OBITUARIES, TRIBUTES
AND REMINISCENCES
НЕКРОЛОГИ, ПАМЯТНЫЕ
СТАТЬИ
И ВОСПОМИНАНИЯ

The Man Who Knew Russia: A Tribute to Stephen F. Cohen

Bill Bradley*

I knew Steve Cohen for over fifty years from my time with the New York Knicks (he loved basketball) to the U.S. Senate (he loved politics) to business (it couldn't hold his attention). He was a public intellectual with core convictions informed by history. His magisterial biography of Nikolai Bukharin established his academic reputation. When I read it in the 1970s, it changed the way I thought about the origins of the Soviet Union. For Steve, ideas lived and language made a difference. He often marshaled his great clarity to challenge the status quo. Whether he was smuggling Solzhenitsyn novels into the Soviet Union in the 1970s, advising CBSNews during the Gorbachev years, pleading with everyone to avoid a second Cold War or lecturing to a rapt class, he always expressed what he saw as the truth. Above all, he felt the Russian spirit, the pain of Russian history, and the irrepressible humanity of the Russian people.

As a U.S. senator, I traveled often to Russia during the 1980s when Mikhail Gorbachev was in power. Steve saw Gorbachev as having potentially a seminal role in the history of the world and

---

* *Bill Bradley* – a former member of the New York KNICKS, a former U.S. Senator, and a presidential candidate in 2000.

he made no bones about it. With literally hundreds of Russian friends in the arts, journalism, academia, and government, Steve encouraged me to get to know the Russian people and the Russian land. So for six years between 1985 and 1992, I would travel the country from Moscow/St. Petersburg to Irkutsk with just one staffmember and a friend of Steve's who worked for the U.S. Information Agency and was a Ph. D. in Russian culture and language. We would often have meetings with Soviet officials in their offices and then we would go out and meet people in the streets or subways, at literary societies, and around Russian kitchen tables. On one of these trips, I asked a woman exiting the Tashkent subway what Perestroika and Glasnost meant to her. She paused before replying, «A new life for my children.»

When I came back from those trips, I would have lunch with Secretary of State George Shultz and tell him what I had seen, heard, and felt, which he said was much different from those things that the CIA was telling him. Through many sources, Shultz recognized that Gorbachev was a special leader, convinced Reagan of it and the Cold War ended.

When Boris Yeltsin succeeded Gorbachev and the economy went into a freefall with inflation at 1000 percent and a poverty rate of over 30 percent, Steve would say that Russia needed an FDR and instead got a Milton Friedman, leading to the rise of a kleptocracy.

Any good politician knows that when someone is down you call them up and tell them you're with them and that you know they'll get through the difficult times. The United States didn't do that with Russia. We sent free-market ideologues without any understanding of Russian history and with little appreciation for the emotional trauma and wounded pride that the end of the So-

viet Union brought to Russia. When the Russian intelligentsia offered advice on how we could work together in the world we just kept on doing what Russians felt was contrary to their interests – NATO expansion, missile defense, Iraq, Kosovo, and Libya.

As we disregarded Russian fears and ignored the chance for a true partnership, Steve worried about the resumption of hostile relations between our two countries and possibly a new Cold War. He held out hope that America would come to its senses. That view increasingly was not popular among the American foreign policy establishment and the media. In fact, in Steve's last seven years, the New York Times rejected every op-ed he submitted. Some people even labeled him «Putin's apologist.» Those comments hurt Steve deeply because he was first and always an American but one who could appreciate the legacy of Russian history and the opportunity that existed when tectonic plates shifted. Above all, he knew that it took courage and real leadership at the highest levels to create something new.

The relation between Steve and Gorbachev extended to their families. Gorbachev once told Steve that Steve's relationship with his wife Katrina reminded Gorbachev of the one he had had with his wife Raisa, who was his inseparable soulmate until she died in 1999. And when Steve's number two daughter, Nika, developed a consuming interest in both basketball and Russia, she honored her father's roots in Kentucky and his contribution to the world.

For those of us who knew and cared for him, we will carry with us the memory of a good man who tried to make a difference on a very large stage and who never let the slings and arrows of criticism slow him from calling it as he saw it.

Published: The National Interest. 2020, October 9. <https://nationalinterest.org/feature/man-who-knew-russia-tribute-stephen-f-cohen-170426>

Человек, который знал Россию: памяти Стивена Ф. Коэна

Билл Брэдли*

С о Стивом Коэном я был знаком больше пятидесяти лет, с той поры, когда я играл за «Нью-Йорк Никс» (он любил баскетбол), до той, когда стал сенатором (он любил политику) и бизнесменом (не его область). Он был публичным интеллектуалом с внутренними убеждениями, продиктованными историей. Его академическая репутация началась с магистерской диссертации – биографии Николая Бухарина. Когда я прочел ее в семидесятых, она изменила мое представление о происхождении Советского Союза. Для Стива идеи были живыми, и язык играл не последнюю роль. У него была потрясающая ясность мысли, руководствуясь которой, он часто бросал вызов существующему статус-кво. И когда он тайком провозил романы Солженицына в Советский Союз в семидесятых, и когда в годы Горбачева консультировал *CBS News*, и когда призывал всех и каждого остановить новую холодную войну, и когда читал лекции восторженным студентам – всегда он говорил и делал то, что считал правильным. Кроме того, он чувствовал дух России, боль русской истории и бесконечную человечность русского народа.

---

* *Билл Брэдли* – бывший игрок баскетбольной команды «Нью-Йорк Никс», бывший сенатор США от штата Нью-Джерси, кандидат в президенты США от Демократической партии на выборах 2000 года.

В восьмидесятые годы, когда у власти был Михаил Горбачев, я, будучи американским сенатором, часто бывал в России. Стив видел в Горбачеве потенциал лидера всемирно-исторического значения и открыто говорил об этом. Имевший, без преувеличения, сотни русских друзей в самых разных сферах: искусстве, журналистике, научных и правительственных кругах, – Стив убедил меня поехать познакомиться с Россией и русским народом. И вот шесть лет, с 1985 по 1992 год, я путешествовал по стране от Москвы/Санкт-Петербурга до Иркутска в сопровождении всего одного штатного сотрудника и друга Стива, который работал на американское информационное агентство и был дипломированным специалистом по русскому языку и культуре. Мы встречались с советскими официальными лицами в их кабинетах, а затем выходили и встречались с людьми – на улицах и в метро, в литературных обществах и за кухонными столами. В одной из таких поездок я спросил женщину, выходящую из ташкентского метро, что для нее перестройка и гласность. Она подумала и ответила: «Новая жизнь для моих детей».

Когда я возвращался из этих своих поездок, я обычно обедал с госсекретарем Джорджем Шульцем и рассказывал ему, что я видел, слышал и чувствовал и что, по его словам, очень отличалось от того, что сообщало ему ЦРУ. По информации из многочисленных источников Шульц понял, что Горбачев – особенный лидер, убедил в этом Рейгана, и холодная война закончилась.

Когда Горбачева сменил Ельцин и экономика оказалась в состоянии свободного падения с инфляцией под 1000 процентов и уровнем бедности выше 30 процентов, Стив гово-

рил, что России нужен ФДР [Франклин Делано Рузвельт], а ей дали Милтона Фридмана, и это породило клептократию.

Любой хороший политик знает, что когда кто-то болен, ему звонят, его подбадривают, говорят «мы с тобой, мы знаем – ты выкарабкаешься». Ничего подобного Соединенные Штаты не сделали в отношении России. Мы послали русским идеи свободного рынка, не понимая толком ни русской истории, ни того, какой эмоциональной травмой обернулся для них конец Советского Союза, как он уязвил их гордость. Когда русская интеллигенция давала нам советы, как мы могли бы сотрудничать в мире, мы в ответ продолжали делать то, что русские считали противоречащим их национальным интересам: расширение НАТО, противоракетная оборона, Ирак, Косово и Ливия.

Когда мы отмахнулись от интересов России и упустили шанс завязать настоящее партнерство, Стив с тревогой заговорил о возвращении враждебных отношений между нашими странами и даже о возможности новой холодной войны. Он выразил публичную надежду на то, что Америка одумается – взгляд, который чем дальше, тем больше становился непопулярным среди американских политиков и массмедиа. По сути, за последние семь лет жизни Стива *The New York Times* не приняла ни единой его статьи, написанной для полемической колонки. Некоторые даже прозвали его «апологетом Путина». Такое отношение глубоко ранило Стива, потому что прежде всего и всегда он был американцем, но американцем, который мог оценить наследие русской истории и возможность, которая представилась, когда произошел сдвиг тектонических плит. Кроме того, он знал, что для

того чтобы создать что-то новое, требуется мужество и подлинное лидерство на самом верху.

Связь между Коэном и Горбачевым коснулась и их семей. Горбачев однажды сказал Стиву, что их отношения с Катриной напоминают ему его собственные отношения с Раисой, которая до самой смерти в 1999 году была ему самым близким человеком, его половиной. И когда у второй дочери Стива, Ники, проснулся живой интерес к обеим страстям отца – баскетболу и России, – она смогла по достоинству оценить и его кентуккские корни, и то, что он сделал для мира.

Те из нас, кто знал и любил его, сохраняют в сердце память о хорошем человеке, который пытался повлиять на ход вещей на очень большой сцене и которому камни и стрелы критики никогда не мешали называть эти вещи своими именами.

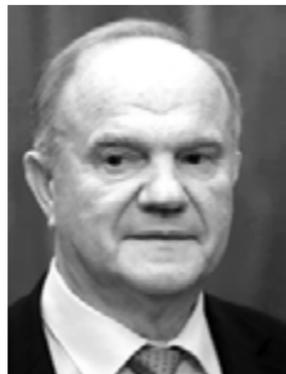
Опубликовано: The National Interest. 2020, October 9.

Перевод Ирины Давидян.

Стивен Коэн: друг истины и друг России

Геннадий Зюганов*

Из Нью-Йорка пришла трагическая весть о кончине ведущего американского исследователя России и критика американской русофобии во всех ее видах, одного из немногих в США друзей нашей страны, моего доброго знакомого Стивена Коэна.

Высоко оцениваю профессора Коэна как ученого и человека. Причина уважительного к нему отношения понятна. Мы знакомы уже почти четверть века. Из многочисленных личных контактов с ним в Москве и Нью-Йорке, из чтения его книг и статей мне давно стал известен портрет его личности. Для меня вполне очевидно, что речь идет о высокопрофессиональном историке СССР и России, неординарном мыслителе и аналитике, искреннем доброжелателе нашей страны.

Интересна и показательна диалектика развития его политической мысли и отношения к России, к ее истории. Ученик историка Роберта Такера, ведущего в США критика Сталина,

---

* Зюганов Геннадий Андреевич – председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме ФС РФ.

он в начале своей научной карьеры избрал Николая Бухарина в качестве центральной фигуры своей исследовательской деятельности. Казалось бы, Коэн был обречен пойти по пути большинства американских советологов с их стандартными в своей одиозности представлениями об истории и политике СССР. Однако пристальный интерес к первоисточникам и исключительная научная добросовестность позволили ему прийти к неожиданным для западного исследователя выводам и представлениям о том, что происходило в России и в СССР в прошлом веке. Это сделало его книгу о Бухарине, особенно после ее издания у нас на русском языке, важным событием научной и общественной жизни, причем событием долговременного действия.

Говорю об этом не потому, что разделяю оценки Коэна в отношении Николая Бухарина, а тем более Сталина и его эпохи. Высказываюсь потому, что введенные им в нашу жизнь забытые или неизвестные факты советской истории, их нетривиальная интерпретация и часто неожиданные выводы во многом обогатили наше представление о собственной стране. Подходы Стивена задали тот научный стандарт, с уровня которого наши лучшие историки, включая новое поколение ученых, изучают предмет исследования, зачастую не соглашаясь с коэновским видением нашего былого.

Однако для меня как для практического политика наибольшее значение имеют взгляды и оценки Коэна в отношении современности – того, что происходило в СССР и России, в отношениях наших двух стран за последние 30 лет, и того, что происходит сегодня.

Исходя из своих мировоззренческих и научных взглядов, Стивен, как и большинство нашей интеллигенции, не мог не

стать энтузиастом перестройки, гласности и всего, с этим связанного. Но он занимал особую позицию, отличную от абсолютного большинства его коллег – специалистов по России на Западе. Он оценил последовавшее за перестройкой уничтожение великого Советского Союза, ельцинщину (это его термин) и гнусную роль во всем этом правящих кругов США как великую трагедию нашего государства и народа. А ещё, он считал это крупным провалом внешней политики его собственной страны, несущий угрозу национальной безопасности США.

Исходя из последних публикаций и высказываний Коэна, представляется, что все произошедшее и происходящее у нас сегодня подталкивало его ко второму прочтению многих постулатов, казавшихся ему ранее незыблемыми в его оценках и периода Горбачева, и более ранних периодов советской истории. К их переосмыслению. Думаю, что это так, поскольку знаю его научную щепетильность и гражданскую ответственность. Ведь к нему прислушиваются очень многие. И в нашей стране, конечно, особенно.

Хочу сказать ещё о двух качествах Стивена Коэна. Именно они привлекают меня и многих моих товарищей по партии больше всего. Это его глубокая и искренняя вера в принципы демократии, воплощение которых в нашей стране всегда было его главной мечтой. При всех понятных для русского коммуниста и американского либерала разночтениях по ряду фундаментальных вопросов, нас всегда объединяло прежде всего это.

Мы, КПРФ, именно в проблемах с политической демократией, с правом на разномыслие и оппозицию, свободой на информацию и честными выборами видим одну из главных

Профессор Л.Н. Доброхотов и Г.А. Зюганов в Нью-Йоркской квартире семьи Коэнов.

Professor Leonid Dobrokhotov and Gennady Zyuganov in the Cohens' apartment in New York.

причин той трагедии, которая произошла с нашей партией и со страной в конце прошлого века, и того, что происходит в России сегодня. И мы сделали из этого необходимые выводы.

Сегодня КПРФ во внутривнутрипартийной жизни, в той повестке дня, которую мы предлагаем для страны, в нашем видении социализма XXI века является последовательным сторонником демократии, свободы слова и собраний, права

свободно исповедовать свою веру. К сожалению, ничего похожего на это у нас в России сейчас нет. В этом мы видим угрозу повторения той трагедии, которая уже произошла с нашим Отечеством в прошлом веке. В критике сложившейся ситуации и в том, что мы предлагаем, мы видим в Коэне не просто симпатизанта, а во многом единомышленника.

Другое редкое для человека с Запада, а потому чрезвычайно высоко ценимое нами в Стивене качество – это его искренняя любовь к России, способность сопереживать и надеяться на лучшее в её судьбе. Везде и всегда он говорил: Россия – великая страна, уникальная цивилизация, мы – американцы – не вправе навязывать русским наши рецепты, заставлять их осуществлять наши нередко эгоистические, неправые цели и интересы. Мы можем и должны изучать их великую историю и культуру, делиться с русскими своим национальным опытом, высказывать свои суждения по поводу их политики. Однако только они сами вправе распоряжаться своей судьбой. Залог мира и согласия между нашими народами – мощная, независимая и демократическая Россия.

Уникальным для родившегося в США советолога является значимое признание ученого: Россия – моя вторая Родина.

Так я понимаю жизненное послание Стивена Коэна.

За настойчивое, многолетнее разъяснение американцам правды о нашей стране, за готовность противостоять ее врагам мы в свое время поддержали решение о его награждении российским Орденом Дружбы.

О многом, что говорю я сейчас, мне доводилось писать и раньше. Но в этот раз необходимо особо сказать о гражданском мужестве человека. В условиях бушующей сейчас в США русофобской чумы Стив, как рыцарь печального об-

раза, до последнего дня жизни сражался с современными маккартистами. И это, конечно же, не проходило незамеченным. Он нередко становился объектом охоты на ведьм. Но никогда и ни в чем он не отступал от принципа говорить и писать только правду.

Убежден, что эта правда еще многие годы будет служить делу борьбы с мракобесием. Она станет продолжением той практики взаимопонимания, которая всегда существовала в наших отношениях с Соединёнными Штатами – от активной поддержки в России Декларации независимости США до встречи наших солдат на Эльбе.

Stephen Cohen: The Friend of Truth and the Friend of Russia

Gennady Zyuganov*

A tragic news came from New York – the news of the demise of America's leading Russia researcher and a critic of all types of American Russophobia, one of the few American friends of our country, my good friend Stephen Cohen.

I hold Professor Cohen in high esteem as a scholar and a person. It is easy to understand why. We had known each other for nearly a quarter of a century. From my numerous meetings with him in Moscow and New York, from his books and articles, I long

---

* *Gennady Zyuganov* is the head of the Communist Party of the Russian Federation and leader of the CPRF in the State Duma.

ago formed a picture of him as a person. It's altogether obvious to me that Cohen was a highly competent historian of the USSR and Russia, an unorthodox thinker and analyst, a genuine champion of our country.

The dialectic of the evolution of his political thinking and attitudes toward Russia and its history is noteworthy and illuminative. A student of Robert Tucker, who was America's foremost critic of Stalin, Cohen at the beginning of his academic career focused his research on Nikolai Bukharin. One would think that Cohen was destined to take the path chosen by most American Sovietologists with their stereotypically repugnant concepts of the history and politics of the USSR. But a keen interest in primary sources and exceptional scholarly honesty caused him to arrive at conclusions and form ideas about what was happening in Russia and the USSR in the last century that were untypical for a Western researcher. This put his book about Bukharin, especially after the release of its Russian translation in our country, at the forefront of academic and public life for a long time to come.

I'm saying this not because I share Cohen's ideas about Nikolai Bukharin, much less about Stalin and his era. I'm saying this because the forgotten or unknown facts from Soviet history that he unearthed, his non-trivial interpretations of them, as well as frequently surprising conclusions, greatly enriched our understanding of our own country. Stephen's approach set the standard of scholarship which our best historians, including the younger ones, apply to their research, oftentimes disagreeing with Cohen's vision of our past.

What matters the most for me as a practicing politician, however, is Cohen's views and judgments regarding our times – what has been happening in the USSR and Russia, in the relations be-

tween our two countries during the last 30 years, and what is happening today.

Given his general worldview and academic principles, Cohen, like the majority of our intelligentsia, could not but respond enthusiastically to the perestroika, glasnost and everything related to it. But his was special stance, different from that adopted by the majority of his colleagues – Western experts on Russia. In his mind, the destruction of the great Soviet Union in the wake of perestroika, «Eltsinshchina» (Yeltsinism, his term), and the odious role of the U.S.'s leadership in all this were a great tragedy for our state and our people. What's more, he regarded all this as his own country's colossal foreign policy failure that jeopardized the U.S.'s national security.

If Cohen's last publications and pronouncements are any indication, one is led to believe that all that happened and is happening now in our country may be pushing him to reconsider many dogmas related to Gorbachev and earlier periods of Soviet history that he previously took for granted. Pushing him to re-think these dogmas. I think that this is so because I know his scholarly integrity and sense of civic responsibility. For many people take seriously what he has to say. Especially in our country, of course.

I want to mention two other traits of Stephen Cohen. They are the ones that endear him to me and my party comrades most of all.

It's his profound and genuine belief in the principles of democracy, the realization of which in our country had always been his major wish. That was what united us in the first place, despite all the differences over a number of fundamental issues – the dif-

ferences which are quite natural when people involved are a Russian communist and an American liberal.

As we, members of the Communist Party of the Russian Federation (CPRF), see it, it is precisely the problems with political democracy, with the right to have a differing opinion and be in opposition, with freedom of information and honest elections that were one of the major causes of the tragedy that happened to our party and the country at the end of the last century and of what is happening in Russia today. And we drew appropriate conclusions from it.

Today the CPRF in its internal affairs, in the agenda we propose for the country, in our vision of socialism for the 21st century is a consistent champion of democracy, freedom of speech and assembly, the right to freely practice a religion of choice. Regrettably, Russia presently has none of this. We think that this state of affairs can result in a repetition of the tragedy that already befell our Fatherland in the last century. We not only regard Cohen as a sympathizer but also believe that he shares many of our views with regard to the present state of affairs and to our proposals.

Yet another trait of Stephen's – the one that you rarely come across in Westerners and, for this reason, is highly appreciated by us – is his genuine love for Russia, his ability to empathize and hope for the best for it. He would say anytime and anywhere: Russia is a great country, a unique civilization and we, Americans, mustn't force our recipes on Russians, mustn't pressure them into pursuing our goals and interests, which are often egoistic and unjust. We can and we must study their great history and culture, share our national experience with Russians, articulate our opinions about their policies. But Russians and only Rus-

sians have the right to decide their fate. A powerful, independent and democratic Russia is the base for peace and agreement between our nations.

It is a unique occasion when a U.S.-born Sovietologist makes this significant confession: Russia is my second homeland.

This is how I understand Stephen Cohen's life message.

We once endorsed a decision to award Cohen with the Russian Order of Friendship – in recognition for his persistent, decades-long work to convey to Americans the truth about our country and for his willingness to oppose our country's foes.

Much of what I'm saying here I set down in writing before. But this time one feels obliged to highlight this person's civic courage. Amidst the Russophobic pestilence raging now in the U.S. Steve, like the Knight of Rueful Countenance, was fighting present-day McCarthyites to the last breath. And sure enough it did not pass unnoticed. He often became a target of a witch hunt. But he never once, for whatever reason, had forsaken his principle to say and write only truth.

I'm certain that this truth will be useful in the struggle against the madness for years to come. This truth will continue the practice of mutual understanding which has always existed in our relations with the U.S. – from Russia's support for the United States' Declaration of Independence to the meeting of the Soviet and American troops at the Elbe River.

Translated by Maria Solovieva.

In Memoriam Stephen F. Cohen

Alex Rabinowitch*

My decades-long friendship with the late Stephen F. (Steve) Cohen, eminent historian of twentieth-century Russia and courageous public intellectual, began in fall 1961 when we were graduate students in Russian/Soviet studies at Indiana University, Bloomington (IU). Having recently received an MA in international relations and history at the University of Chicago, I was completing course requirements for the PhD in Russian history at IU. Steve, who originally came to IU on a partial golf scholarship, had received a BS in economics and public policy and was then completing requirements for an MA in government and Russian studies. Already at that time, the IU Russian and East European Institute (REEI) was one of the premier American centers for interdisciplinary study of Russia, with especially great strength in Soviet politics, culture, and history. The historically grounded approach to studying that part of the world practiced by my primary advisor, noted diplomatic historian and innovative pedagogue John M. Thompson, and Steve's chief mentor,

---

* *Alexander Rabinowitch* – Professor Emeritus Indiana University Bloomington.

distinguished political theorist and leading Sovietologist Robert C. Tucker, dovetailed. This was also the approach of a large cohort of advanced graduate students with Soviet and East European specializations in both the government and history departments at IU. We tended to take many of the same courses, frequently developed related scholarly interests, and formed close, sometimes life-long, mutually supportive friendships—as was the case with Steve and me.

In spring 1962, Tucker accepted a permanent senior position at Princeton University and left IU. At about the same time, Steve received an MA in government and Soviet studies and transferred to Columbia University to begin work on a PhD in Russian studies. However, my close association with him continued during the 1962–1963 academic year when I was conducting research in New York libraries and archives for my doctoral dissertation on the Bolsheviks and the July 1917 uprising in Petrograd. During that period, we met often as both of us were living just four blocks apart on New York's upper West side, not far from the Columbia campus.

One of the last times I saw Steve was in September 2019 when we, together with our spouses and soul mates (Katrina vanden Heuvel, editorial director and publisher of *The Nation* with extensive first-hand experience in Moscow, and Janet Rabinowitch, a historian of modern Russia and long-time senior editor and director of Indiana University Press), participated in an REEI-sponsored roundtable titled «Russian Odysseys.» The «odysseys» were Steve's and mine. We were to reflect on the roots of our long engagement with Russia, the importance of our educational experience at IU, and our professional careers in the Russian studies field. In addition to both of us being IU alums, the university had

Stephen Cohen with Princeton University Professor Emeritus Robert C. Tucker.
Стивен Коэн с почетным профессором Принстонского университета Робертом Такером.

been my home base for most of my professional life, while Steve and Katrina had been generous supporters of REEI's student financial aid program and were frequent, always well-received guest lecturers.

According to the roundtable format developed by Katrina and Janet, they were to take turns «deposing» us. The large, informal room where the event took place was packed for the occasion—Steve and Katrina could always be counted on to draw big crowds. The mood was friendly and relaxed, yet focused. This was due largely to Steve, whose pioneering research on the Soviet

historical experience was well known and greatly admired, and who was as engaging, intellectually lively, and even entertaining in such congenial surroundings as he was crisp, quick, passionate, and often simply overwhelming in serious semi-private or public debate. To give a few examples from our «odyssey» round-table: I responded to an initial question from Janet about how and when my Russian odyssey began by describing my birth and upbringing in a prominent Russian emigre family. Responding to a follow-up question from Katrina about what had brought me to IU and the impact of my IU experience, I described the effect of my youthful interactions with prominent Russian refugees, military service, and the first Cold War on the formation of my early, thoroughly negative view of Soviet history and politics. I then touched on how my graduate training at the University of Chicago with Leopold Haimson and at IU with John Thompson, along with research in Western and Russian libraries, radically reshaped my views.

Steve's responses to these same questions were riveting. He began by describing how in 1989 Mikhail Gorbachev, General Secretary of the Communist party, who had been drawn to the applicability of Nikolai Bukharin's moderate, gradual program of economic development in the 1920s to his own reform plans, was well along in the process of formally rehabilitating him. Steve's classic biography of Bukharin had been published in 1973, and two notable ex-prisoners with ties to Bukharin, his son Iurii, a budding artist, and Evgenii Aleksandrovich Gnedin, a former Soviet journalist, diplomat, colleague, and long-time close friend of Bukharin, had undertaken the task of translating it into Russian. Their translation became the core of the first Russian edition of Steve's biography, which was published in the United States in

Left to right: Stephen Cohen's son Andrew, Anna Larina, Evgeny Gnedin, Stephen Cohen, Yuri Larin, Inga Ballod. Moscow. Late 1976.

Слева направо: сын Стивена Коэна Эндрю, Анна Ларина, Евгений Гнедин, Стивен Коэн, Юрий Ларин и Инге Баллод. Москва. Конец 1976 года.

1980. An estimated 2,500 copies of this edition that were smuggled into the Soviet Union and widely circulated spurred interest in Bukharin and cemented Steve's expanding reputation there. In fact, the book became an overnight, underground sensation. Naturally, however, this riled Brezhnev-era Soviet authorities. Steve and Katrina were denied Soviet visas from 1982 until 1985, when Gorbachev came to power. A legal Soviet edition was finally published by Progress publishers in 1989 at the height of perestroika. Well before then, many of Gorbachev's closest advisors and likely the First Secretary himself had read it. In 1987 Steve had been introduced to Gorbachev and the two had talked

casually about the book at a reception at the Soviet embassy in Washington. This combination of circumstances (especially Bukharin's rehabilitation), Steve later concluded, explained an invitation he received from the Gorbachev government to give a brief nationally televised May day speech on Red Square in 1989 focused on Bukharin's approach to Soviet economic modernization. At the urging of Bukharin's family, Steve, with understandable trepidation, accepted the invitation.

At our REEI roundtable, Steve segued from this unforgettable episode to the question at hand or, as he re-framed it, how an aspiring professional golfer without any serious academic interests beyond enjoying history and, hailing from Owensboro, a rigidly segregated small town in rural Kentucky, had developed the profound, life-long professional and personal concern about Russia that had brought him to Lenin's mausoleum on Red Square a row below the Soviet Politburo. His explanation was that it had all been purely accidental.

In spring 1959, he related, he was finishing a year and a half of overseas study at the University of Birmingham, which he had planned to cap with a dream three-day trip to Spain for the running of the bulls in Pamplona. However, during a casual walk in a Birmingham factory district he had happened across an advertisement for a low-budget, thirty-day, five-city tour of the Soviet Union. Weighing his options, he elected to forgo the bulls in favor of the Soviet tour. During this initial trip, which began with a cruise from London to Leningrad, he had been blown away by constant images of, as he put it «this giant of a country which was just then awakening from twenty years of state-sponsored terror.» Wherever he went, crowds surrounded him. Young people especially—with help from some bystander who could get by

in English—were eager to talk to an American for hours at a time, not about politics but rather about every conceivable aspect of everyday life abroad. Invariably, Steve attributed what would become his insatiable thirst for expert knowledge about imperial Russian, Soviet, and post-Soviet Russian history and culture, especially as they helped explain Russia's past and present domestic and foreign policies, to that first, chance, eye-opening trip to the Soviet Union in the summer of 1959.

Returning to IU in fall 1959, Steve searched out its offerings in Russian studies and began taking courses with Tucker. Soon, he was captivated by the latter's rich and illuminating insights into Soviet affairs, rooted in his profound understanding of Russian history and over a decade of first-hand experience with daily life in Stalin's Russia as a foreign service officer. At our roundtable, Steve termed Tucker «the greatest Russianist of his generation if not *the* greatest Russianist the United States has ever produced.» Under Tucker's typically low-key and subtle yet deeply learned tutelage, Steve first began intense study of Soviet history and politics. Steve also credited Tucker with steering him toward Nikolai Bukharin as a promising subject for future study. This had occurred, he remembered, during preliminary discussions of his longer-term research interests. Tucker interpreted comments he made about his early unease with segregation in Kentucky and possible alternatives to it as Steve's particular concern about «alternate forms of development.» In this context, Tucker had advanced the potential value of devoting serious scholarly attention to alternatives in Soviet history, which naturally eventuated in his fascination with Bukharin.

In 1962, the year Steve transferred to Columbia, its Russian Institute was arguably the West's richest, most intellectually

lively and accessible center for advanced study and scholarly research on Russia and the Soviet Union. Steve thrived on the diversity of backgrounds, views, and constant interaction among the Institute's distinguished permanent faculty as well as its regular flow of similarly notable and stimulating visiting scholars. Steve completed requirements for his PhD in 1968, after producing an ambitious, two-volume doctoral dissertation, «Bukharin and Russian Bolshevism.» In fall of that year, thanks partly to Tucker's efforts, he was offered and accepted a tenure-track position in the government department at Princeton University. There, his close relationship with his original mentor blossomed anew. Their common aversion to heavily social science infused approaches to international studies at the expense of advanced area studies (in their case, Russian history and culture) prompted Tucker to found an interdisciplinary Russian studies center at Princeton which Steve, in turn, directed for two decades. Moreover, during that time Steve's large lecture course on Russian history and politics since 1917 was one of the university's largest and most popular offerings. Last year, not long after Steve's passing, the well-known historian of Russia and Princeton alumnus Michael David-Fox recalled that when he took the course in 1984, Steve held an auditorium of 400 students spellbound. He credited the course with prompting him to pursue a career in Russian history.

During his three decades at Princeton, Steve retained strong ties to Columbia, commuting to Princeton from his home near the Columbia campus and «moonlighting» undergraduate and graduate courses at the Russian Institute until forced to stop by the Princeton administration. A «basketball junkie» since his youth playing pick-up games in black neighborhoods in Owens-

boro, he also remained involved in the street basketball culture of nearby Harlem that had engaged him since the 1960s, during his doctoral student days. Then in 1998, «after 30 years of fighting traffic on the Jersey Turnpike from Manhattan to New Jersey,» Steve retired from Princeton. A short time later, he joined the history faculty at NYU, where he continued to offer his still hugely popular lecture course on modern Russian history and politics until 2012. Concurrently, if less intensively than before, he remained engaged with youth basketball as well as with the scholarly life of the Harriman Institute. For some time, he seems to have been open to an offer from Columbia which never materialized. In April 2017, in interviews for an oral history project conducted under the auspices of the Harriman, he had this to say about his experience there:

I recall above all, and value even more as the years pass, the wonderfully eclectic collection of senior scholars gathered at the Institute in the 1960s—all of them devoted in their own ways to understanding and teaching about Russia, none of them instilling any orthodoxy on their students, and few of them afflicted by the cold-war passions of time. I know of no academic institution that could have been a better place to study, then or now.

Steve's classic work, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938*, a brilliant revision and valuable expansion of his doctoral dissertation, was published by Alfred A. Knopf in 1973. Historically and politically, the book restored Bukharin, whom Stalin condemned to be shot in 1938, to his rightful place as an original, immensely influential Marxist theoretician (likely second in stature only to Lenin) and as a high-

ranking Russian Communist leader in 1917 and, most importantly, in the mid and late 1920s during the bitter power struggle in the aftermath of Lenin's death. Yet the book was much more than a «political biography.» Deeply researched, uniquely insightful and powerfully written, it set Bukharin squarely in the context of his complex, ever-changing, and treacherous times. Moreover, it presented Bukharin's moderate and balanced proposals for gradual economic development that had originated with Lenin in the early 1920s as a promising, relatively moderate alternative to Stalin's ultimate ultra-radical course—the sacrifice of the Russian peasantry to breakneck, forced industrialization. A finalist for a National Book Award, the book was widely and enthusiastically praised. Writing in *The New York Review of Books*, Leonard Schapiro, a foremost historian of the Russian Communist Party and global authority on Soviet politics, credited Steve with producing the first «full, fair, balanced, and enormously well documented, sympathetic yet not uncritical study of Bukharin's life and thought.» «I confidently predict,» Schapiro went on, «that this magnificent book will come to be regarded by those whose opinions are worth listening to as one of the two or three really outstanding studies in the history of the Soviet Union of the past twenty-five years.»

Schapiro's prediction was spot on. What is more, as one looks back over the historical literature published inside and outside Russia during the nearly half century since the publication of *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, it is apparent that the book remains a near universally acknowledged classic and one of only a relatively small number of required works for all serious students of the Russian revolution, NEP, Stalinism, and the Russian/Soviet historical experience generally. Equally important,

beginning in 1985 during Gorbachev's *perestroika*, the book took on a significant contemporary political importance. Beyond this, its publication led to Steve's and later Katrina's and their daughter Nika's embrace of Bukharin's widow, Anna Mikhailovna Larina, and her family as a beloved and admired «second family.»

Therein lies a fascinating story. During the late 1960s, 1970s, and late 1980s, Steve had made regular extended trips to the Soviet Union, initially to gather material for revision of his doctoral dissertation and later as a consultant and a Moscow correspondent for CBS news. Later still, beginning in the early 1990s, following the gradual opening of Soviet/Russian historical archives, a primary professional purpose of his frequent Moscow trips was to gather previously unavailable archival documents for a new, expanded, though never completed edition of his Bukharin biography. Meanwhile, the book's initial publication in Russian in 1980 had made him a celebrity, indeed something of a hero, especially among Stalin's former political prisoners who had been freed from the gulag and had gradually returned to Moscow during the period of Soviet de-Stalinization triggered by Nikita Khrushchev. In 1959, among the latter were Bukharin's devoted and courageous widow, Anna Larina-Bukharina, then in her mid-forties, and, a year later, Bukharin's son Iurii, then in his mid-20s. Among them as well was Nadezhda (Nadia) Fadeeva, Anna Larina's daughter by a second marriage in the camps. In 1974, Nadia procured a smuggled copy of *Bukharin and the Bolshevik Revolution* for her family's perusal and, as it turned out, for their thrilled, deeply felt appreciation. Years later, after reading a Russian translation of the book, Anna Larina would comment that it had it literally «lifted the lid off Bukharin's coffin.»

The first meeting with Bukharin's widow Anna Larina and their son Yuri in Larina's Moscow apartment. August 1975.

Первая встреча с вдовой Бухарина Анной Лариной и сыном Юрием в московской квартире Лариной. Август 1975 года.

Meanwhile, word of the family's resettlement in Moscow had reached Steve and in August 1975 the Larin family, ignoring the increasing risk of interacting with foreigners (this was, after all, the height of the partial re-Stalinization of the late Brezhnev era), collaborated in arranging Steve's first visit to meet them. So began an incredibly close, meaningful, and mutually fulfilling cross-family friendship. Anna Larina and Nadia Fadeeva have both written lovingly of the countless ways in which Steve (invariably weighted down by books, medicines, and presents for them, their close ones, and especially the children), and later Katrina along with their young daughter, Nikola-Anna (Nika), became an integral part of the Larina-Bukharina family. (Nika was named after Nikolai Bukharin and Anna Larina; she first vis-

ited her «Moscow family» in 1991 as a two-month-old baby!). Anna Larina who, according to Nadia came to love Steve as another son, asked that he represent her in dealings with Soviet archival authorities and foreign publishers, which he gladly did, with remarkable success.

Steve introduced me to the Larina family in the late 1970s, when I was spending extended periods in Moscow conducting historical research. On numerous occasions beginning then, the dreariness of the Academy of Sciences hotel or the nearby dormitory of the Mining Institute where I usually stayed was broken by long, memorable evenings in the warmth of the family's small but cozy, centrally located apartment. Thus, I can personally attest to the strong bonds that quickly developed between the Steve and Larina families. Initially, Anna Mikhailovna had been wary of me because of my close family association with the well-known Menshevik and prominent archivist of the Russian revolution Boris I. Nicolaevsky. She believed—mistakenly, I think—that Boris Ivanovich was at least partially responsible for her husband's tragic fate. Soon, however, thanks most of all to Steve's gentle, calming influence, her unease about me melted away and she, Iurii, Nadia and some of those closest to them became my treasured friends.

At this time Steve, and later Katrina as well, were interacting regularly with other prominent former political prisoners and Soviet dissidents, many of whom had their own vitally important personal stories to tell. On a few occasions, I was included in lively evening gatherings with these new friends and can also attest to the deep personal bonds that were quickly established between them. In such interactions Steve rarely interjected his own views. Most of all, he was a profoundly earnest «listener.» Over

time, he came to sympathize with the personal disappointments and/or dreams of many of them for democratic political, social, economic, cultural reform of the existing system of government. (Two decades later, he would bring several of these remarkable figures to life in his book *The Victim's Return: Survivors of the Gulag After Stalin* [Exeter, 2010]). Steve and Katrina had also become trusted conduits for the transfer and publication abroad of dozens of unpublished manuscripts (*samizdat*), and for the smuggling into Russia of important Russian-language political and literary works then being published in the West (*tamizdat*). Not surprisingly, all this was too much for wary Soviet authorities. Between 1982 and 1985, when Gorbachev came to power, the two were denied Soviet visas and, hence, were separated from their «second family» and coterie of newfound friends. However, their close relationships were quickly restored and enhanced under Gorbachev.

Beginning in the 1970s, Steve had devoted considerable time to sharing with popular audiences his insights into evolving Soviet realities, as well as his unease with the commonly held views about them held by American colleagues and government officials. He was among the first to challenge the dominant, rigidly «totalitarian» or «Pipesian» view of the entire Soviet experience. Also, in the 1970s and 1980s – through the daily press, weekly and monthly periodicals, radio, and soon also television (a medium that seemed especially suited for him), Steve emerged as a highly visible, effective, prominent, and continuing voice for reasoned, balanced *detente* in relations between the two global powers. Also, between 1982 and 1987 his monthly columns on Soviet Affairs and U.S. Soviet relations appeared in *The Nation* and were syndicated in such influential dailies as *The New York Times* and

The Washington Post. A selection of them were republished in his compilation *Soveticus: American Perceptions and Soviet Realities* (W.W. Norton, 1985). In 1985 Steve also published what was perhaps his second most important book after the Bukharin biography, *Rethinking the Soviet Experience: Politics & History since 1917* (Oxford University Press). It was a concise, revelatory, and broadly accessible distillation of Steve's thinking about Soviet political history from its beginnings. Together with his frequent public commentaries on Soviet affairs and Soviet-American relations in this country and abroad, these commentaries insured his place as one of one of the West's most respected commentators on these subjects. Even President George H.W. Bush sought his advice on appropriate responses to Gorbachev's reformist domestic and foreign policies.

Steve's sustained criticism of American policies toward Russia, which were aimed at Westernizing the newly established Russian Federation, and of their disastrous consequences for the Russian people and for global survival in the nuclear age, intensified in the 1990s, during the Yeltsin/Clinton years. Some of his essays on these themes were republished in his book *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia* (New York, 2000).

During the Obama administration (2009–2017), Steve shared his profound and growing fear that provocative U.S. policies on Russia's borders in Eastern Europe and the Baltics were setting the stage for a new, potentially catastrophic Cold War. This seems to be what gave rise to the frequent but unfounded charge that Steve had become an «apologist» for Putin, «Putin's puppet.» Rather, drawing on his decades of expertise on the political realities and forces shaping policy making on both sides, he pre-

sented a cogent argument that the United States, not Russia, bore primary responsibility for their deteriorating relationship. As regards the major international crisis that erupted in 2013 over hegemony in Ukraine, he argued that the United States had renege on Ronald Reagan's commitment to Gorbachev that NATO would not expand eastward to Russia's borders. By seizing control of the Crimean peninsula in 2014, he continued, Russia was asserting a legitimate, centuries-long national military and economic interest. More broadly, having concluded that collaboration between Russia and the United States offered the best hope for the survival of humanity in the nuclear age, he worried aloud about risks inherent in the «new Washington-driven Cold War,» and the still escalating need for constructive *detente* between the two global powers. A consequence of this unpopular stance was the sharp reduction of Steve's opportunities to air his views in most of the influential print, broadcast, and cable outlets (The Nation remained an important exception). Consequently, beginning in summer 2014, Steve communicated his opinions about the developing «New US-Russian Cold War» in weekly hour-long discussions on «The John Batchelor Show,» a news program broadcast nationally by WABC AM in New York. With minor interruptions, these weekly broadcasts, frequently adapted for publication on the website of The Nation, continued until Steve's illness and death in September 2020. A compilation of some of these broadcasts is contained in one of Steve's last books, *War with Russia? From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate*, published in 2019.

During the second half of 2014 the hostility toward Steve triggered by his «pro-Russian» stance erupted into what must have been one of the more personally painful episodes in Steve's dis-

tinguished scholarly career. Briefly, beginning almost a decade earlier, Steve and Katrina had drawn on the latter's family foundation (the KAT Charitable Foundation) to create «Cohen-Tucker scholarships» for the study of modern Russian history at Indiana, Princeton, and NYU, universities where Steve had either studied or taught, as well as an annual doctoral dissertation prize in Russian history through the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES). In 2012, loss of federal funding for advanced student research in Russia under Title VIII prompted the leadership of ASEEES to intensify its private fundraising efforts for such purposes. A year and a half later, this enhanced fund-raising campaign eventuated in what appeared to be a singular triumph. On August 11, 2014, an agreement was signed for doctoral dissertation fellowships in advanced Russian historical studies between ASEEES and the KAT Foundation. The contract provided that these fellowships, to be called Stephen F. Cohen – Robert C. Tucker Dissertation Fellowships, would be awarded to up to six fellows at \$22,000 per year for at least three years, with a strong likelihood of multi-year extensions. Steve's and Tucker's long-standing concern with the enhancement of advanced, historically informed training and research on Soviet/Russian affairs by American experts in the field was reflected in a provision of the contract specifying that the competition for funding was to be open to US citizens or permanent residents in any discipline whose dissertation topics fell within 19th-early-21st-century Russian historical studies.

This ambitious new program, a generous complement to the annual ASEEES Cohen-Tucker Dissertation Prize, was enthusiastically and unanimously welcomed by the ASEEES Executive Committee which forwarded a signed contract to the ASEEES

Board of Directors for what was assumed would be *pro forma* approval by its 24 members. Indeed, hurried preparations for the program were begun weeks earlier so as to facilitate competition for initial awards in the fall of 2014 to fund research during the 2015–2016 academic year. Thus, for example, a three-person selection committee for these first awards began working with ASEEEES Executive Director Lynda Park on details relating to the program in late July. (I chaired this committee alongside Richard Wortman and Katerina Clark.) However, our work was abruptly halted after initial discussions with ASEEEES board members revealed that at least a few of them, hostile to Steve because of what they viewed as his pro-Russian stance in the still expanding Ukraine crisis, might resign if the program was accepted as named. Faced with this opposition, the ASEEEES leadership elected to postpone final action on the matter and to revisit it at the Board's annual meeting in San Antonio in November.

Steve and Katrina were naturally stunned and offended by this completely unexpected turn-about. To them, the fact that an unidentified minority of the ASEEEES Board, likely unfamiliar with the details of Steve's criticism of American foreign policy vis-a-vis Ukraine and completely discounting his scholarly stature and history of major contributions to the field, could torpedo sorely needed doctoral student aid evoked «McCarthyism.» No less important, it threatened ASEEEES's stature as a respected international forum for the free exchange of fresh ideas and differing perspectives on major historical and political questions. On behalf of the KAT Foundation, Steve and Katrina reluctantly withdrew financial support for the program.

Informed of this unexpected turn, the now dismissed selection committee appealed to the ASEEEES leadership, protesting

the Board's action as an unjustified, damaging blow to advanced Russian historical studies in the United States at a time of extraordinary need and as an egregious violation of ASEEEES's principles and professional standing—to no discernable avail. At its annual meeting on November 20 the Board returned to the question of the Cohen-Tucker Fellowship program. After some Board members expressed concern about a provision in the original contract that gave the donors a say in the make-up of selection committees, Steve and Katrina quickly registered their willingness to withdraw this provision. The Board then agreed to apply for reinstatement of the program as originally specified on condition that Cohen's name was excised from it. Understandably, the donors rejected this condition.

On January 13, 2015 Steve sent a detailed letter to the ASEEEES President, Executive Committee, Board, and «interested ASEEEES members» in which he described the origins, structure, and purpose of the fellowship program and his concern about the implications of its cancellation for the future role and standing of ASEEEES. Steve's letter struck a responsive chord within the ASEEEES membership. A letter of protest to the ASEEEES leaders drafted by former association president David Ransel was signed by more than 75 ASEEEES colleagues.

A sympathetic report by Jennifer Schuessler in the New York Times on January 28, 2015, brought to public attention the expanding and potentially embarrassing controversy over rejection of KAT Foundation funding for the Cohen-Tucker Dissertation Fellowships. Soon after, Hank Reichman, chair of the AAUP's Committee A on Academic Freedom and Tenure, condemned Steve's treatment on AAUP's Academe Blog. Further heated controversy ensued. Ultimately, at a special ASEEEES Board meeting

on May 11, a majority voted to accept the Stephen F. Cohen – Robert C. Tucker Dissertation Fellowship program as named, should it be re-offered. The KAT Foundation then reoffered the award. Launched in 2016, it has subsequently been renewed to the great benefit of the field.

Between 2015 and his passing in 2020, Steve continued and even intensified his crusade for a halt to what he termed the «New Cold War.» Moreover, having defined Putin's Russia as the injured party in the escalating controversy, he assigned primary responsibility for ending it to the Obama administration. In 2016, the election of Donald J. Trump shifted Steve's focus for ending «the new Cold War» to the incoming administration. Trump's interest in fostering good relations with Putin, which Steve welcomed, was interpreted by many Western observers as confirmation of Trump's obligation to Putin for his electoral victory. In response Steve pointed to American meddling in Russian political affairs, expressed strong doubts about most of the charges against the Russian government, and labeled the ensuing scandal «Russiagate.» Additionally, he contended that American intelligence services had played a significant role in concocting «Rus-siagate,» terming the result «Intelgate.» In the face of growing unease among even some of Steve's steadfast supporters about his apparent support for Trump, he insisted that he had not and did not favor Trump. Rather, he was continuing to advocate for detente in relations between the United States and Russia as critical to the solution of such immediate existential global problems as the threat of nuclear conflict, international terrorism, and climate change. Until the end of his life, Steve remained wholly committed to ending the «New Cold War. In this spirit, the «Russian Odysseys» conversation with which this tribute be-

gan was preceded by a lively discussion of War with Russia? From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate.

Bibliographical note: for a comprehensive volume reflecting the totality of Stephen F. Cohen's scholarship and his writings aimed at enhancing public understanding of Russian affairs, see Стивен Коэн, Избранное (Moscow: AIRO-XXI, 2018).

Памяти Стивена Ф. Коэна

Александр Рабинович*

Моя многолетняя, длиной в несколько десятилетий, дружба со Стивеном Ф. (или просто Стивом) Коэном, выдающимся историком, исследователем России XX века и бесстрашным публичным интеллектуалом, началась в конце 1961 года, когда мы оба были студентами-выпускниками отделения русской и советской истории Индианского университета в Блумингтоне (ИУ). Получив незадолго до этого магистерскую степень по международным отношениям и истории в Чикагском университете, я завершал подготовку к защите диссертации по русской истории в ИУ. А Стив, который поначалу собирался заниматься в ИУ гольфом, получил бакалаврскую степень по экономике и государственной политике и готовился к магистерской степени по госуправ-

---

* *Александр Рабинович* – профессор Индианского университета, Блумингтон.

лению и россиеведению. Уже тогда входивший в состав ИУ Русский и восточноевропейский институт (РВЕИ) был одним из ведущих центров США по междисциплинарному изучению России, с особым упором на советскую политику, культуру и историю. Научно-исторический подход к изучению этой части мира, практикуемый моим научным руководителем, известным историком дипломатии и педагогом-новатором Джоном М. Томпсоном, совпадал с подходом главного наставника Стива, выдающегося политолога и ведущего специалиста по Советскому Союзу Роберта Ч. Такера. Такого же подхода придерживалась и большая когорта студентов старших курсов с русской и восточноевропейской специализацией обоих факультетов – госуправления и истории. Мы часто посещали одни и те же курсы, у нас возникали схожие научные интересы и складывались тесные дружеские отношения, иногда на всю жизнь, как в нашем со Стивом случае.

Весной 1962 года Такер получил постоянную высокую должность в Принстонском университете и покинул ИУ. Примерно в то же время Стив получил магистерскую степень по госуправлению и советологии и перешел в Колумбийский университет, где начал работать над докторской диссертацией по россиеведению. Однако наша с ним связь не прервалась: в 1962/63 учебном году я работал над своей докторской диссертацией о большевиках и июльском восстании в Петрограде в 1917 году и собирал научный материал в нью-йоркских библиотеках и архивах. Мы тогда часто встречались, так как жили всего в четырех кварталах друг от друга в верхнем Вестсайде, недалеко от кампуса Колумбийского университета.

Одна из моих последних встреч со Стивом произошла в сентябре 2019 года, когда мы вместе с нашими супругами и единомышленницами (Катриной ванден Хювел, главой редакции и издателем *The Nation*, и Джанет Рабинович, историком современной России и многолетним старшим редактором и директором издательства Indiana University Press) приняли участие в организованном РВЕИ круглом столе под названием «Российские одиссеи». «Одиссеи» были наши – моя и Стива. Предполагалось, что мы порассуждаем о причинах нашего многолетнего увлечения Россией, о важности полученного в ИУ образования и о наших профессиональных достижениях в области изучения России. Индианский университет был не только нашей общей alma mater – для меня он стал вторым домом, где прошла большая часть моей профессиональной жизни, а Стив и Катрина были щедрыми спонсорами, поддерживавшими программу студенческой финансовой помощи РВЕИ, и часто и с неизменным успехом выступали там с лекциями.

Согласно формату круглого стола, разработанному Катриной и Джанет, они должны были по очереди «допрашивать» нас. Большое неформальное помещение, где проходила встреча, было предсказуемо забито до отказа: на Стива и Катрину всегда собиралось много народа. Атмосфера была дружеская и расслабленная, но при этом слушали все внимательно. Этим круглый стол был обязан в основном Стиву, которого знали и уважали как автора пионерского исследования в области советского исторического опыта и который демонстрировал, в равной степени, обаяние, живость ума и даже шутливость в столь располагающей обстановке – и резкость, быстроту реакции, страстность и зачастую просто по-

давлял оппонентов в возникавших серьезных дебатах. Вот лишь несколько примеров, характеризующих тот круглый стол. В ответ на первый вопрос Джанет о том, как и когда началась моя российская одиссея, я описал свое детство в известной русской эмигрантской семье. Затем Катрина спросила меня о том, что привело меня в ИУ и какое влияние оказал на меня университетский опыт. Я рассказал о встречах в юности с известными русскими эмигрантами, которые, наряду со службой в армии и первой холодной войной, повлияли на становление моего первоначального, резко негативного, взгляда на советскую историю и политику. Однако мои занятия на выпускных курсах сначала Чикагского университета с Леопольдом Хэймсоном, а затем ИУ с Джоном Томпсоном и самостоятельные исследования в западных и российских библиотеках радикально изменили мои взгляды.

Затем на те же вопросы отвечал Стив, и его ответы получились захватывающе интересными. Он начал с рассказа о том, как в 1989 году Михаил Горбачев, генеральный секретарь ЦК КПСС, увлеченный идеями Николая Бухарина и решивший приспособить его программу умеренного и постепенного экономического развития 1920-х годов к собственным планам реформ, начал процесс официальной реабилитации этого репрессированного политика. Написанная Стивом классическая биография Бухарина была опубликована в 1973 году, а вскоре после этого два бывших зэка, имевших отношение к Бухарину: его сын Юрий, подающий надежды художник, и Евгений Александрович Гнедин, бывший советский журналист, дипломат, а также близкий друг и коллега Бухарина, – взялись перевести ее на русский язык. Их перевод лег в основу первого русскоязычного издания

книги Стива, вышедшего в США в 1980 году. Примерно 2500 экземпляров этого издания, тайком провезенные в Советский Союз и широко разошедшиеся, подстегнули интерес к Бухарину и укрепили авторитет Стива в этой стране. Книга в одночасье стала сенсацией тамиздата и, естественно, вызвала раздражение брежневских властей. Стиву и Катрине был запрещен въезд в СССР с 1982 по 1985 год, до прихода к власти Горбачева. Первое официальное советское издание «Бухарина» было выпущено издательством «Прогресс» в 1988 году, на пике перестройки. Но многие ближайшие советники Горбачева и, вероятно, сам генсек прочитали ее задолго до этого. В 1987 году на приеме в советском посольстве в Вашингтоне Стив был представлен Горбачеву, и они поговорили о книге. Именно этим сочетанием обстоятельств (главным из которых была реабилитации Бухарина) Стив объяснял впоследствии полученное им от правительства Горбачева приглашение принять участие в первомайской демонстрации 1989 года на Красной площади и выступить по центральному советскому телевидению с краткой речью о бухаринской программе экономической модернизации. Вняв настоятельному совету семьи Бухарина, Стив, с объяснимым волнением и трепетом, согласился.

От рассказа об этом незабываемом эпизоде Стив перешел непосредственно к ответу на заданный вопрос, который он переформулировал так: как будущий профессиональный гольфист родом из Оуэнсборо, маленького городка в провинциальном Кентукки с жестким делением на белых и черных, не интересовавшийся серьезной наукой, просто любивший историю, оказался так тесно, профессионально и лично связан с Россией, что эта пожизненная связь привела

его на гостевую трибуну Мавзолея Ленина, всего ступенью ниже членов советского Политбюро? По версии Стива, всё это было чистой случайностью.

Весной 1959 года, рассказал он, он был в Англии, заканчивал полуторагодовалый курс обучения в Университете Бирмингема и планировал осуществить мечту: съездить на три дня в испанскую Памплону, побегать с быками. Однако, гуляя по фабричному кварталу Бирмингема, случайно наткнулся на рекламное объявление, предлагавшее за небольшие деньги совершить тридцатидневное путешествие по пяти городам Советского Союза. Взвесив все за и против, он решил отказаться от быков в пользу советского тура. Во время этой ознакомительной поездки, начавшейся с морского круиза Лондон–Ленинград, он был поражен образами этой, как он выразился, «страны-великана, только пробудившейся и приходившей в себя после двадцати лет государственного террора». Куда бы он ни шел, его повсюду окружали толпы народа. Молодые люди особенно горели желанием поговорить с американцем – обычно при помощи случайного прохожего, худо-бедно знавшего английский язык, – не о политике, а о повседневной жизни за рубежом во всех мыслимых аспектах. Именно с этой первой, случайной, открывшей ему глаза поездкой в СССР летом 1959 года Стив связывает проснувшийся в нем непреходящий интерес к истории и культуре имперской, советской и постсоветской России и особенно к тому, как они помогают объяснить особенности ее внутренней и внешней политики в прошлом и настоящем.

Вернувшись осенью 1959 года в ИУ, Стив решил выяснить, что в нем предлагается в плане россиеведения, и остановился на курсах Такера. Вскоре глубина и ясность понимания

этим человеком советской действительности, основанные на совершенном знании русской истории и более чем десятилетнем личном опыте жизни в сталинской России в качестве сотрудника дипломатической службы, покорили Стива. На нашем круглом столе он назвал Такера «величайшим россиеведом своего поколения, если не величайшим россиеведом Соединенных Штатов вообще». Под деликатным и ненавязчивым, но глубоко профессиональным руководством Такера Стив впервые углубился в изучение советской истории и политики. Именно Такер, по уверению Стива, подтолкнул его и к выбору Николая Бухарина в качестве темы будущего исследования. Это случилось во время их разговора о более широких исследовательских предпочтениях Стива. Такер обратил внимание на замечание Стива о том, как ему в юности не нравилась система сегрегации в Кентукки и он считал, что у нее должна существовать альтернатива. Сделав вывод о том, что Стива волнуют «альтернативные формы развития», Такер предложил ему в качестве предмета научного исследования обратить внимание на альтернативы в советской истории, что и привело в конечном счете к его увлечению Бухариным.

В 1962 году, когда Стив перешел в Колумбийский университет, входивший в его состав Русский институт был, вероятно, самым богатым, интеллектуально динамичным и доступным центром углубленного изучения России и Советского Союза на Западе. Разнообразие взглядов и научных школ, а также постоянное взаимодействие между постоянными сотрудниками института – известными и заслуженными учеными, как и неиссякаемый поток не менее выдающихся приглашенных лекторов, стали той питательной почвой,

которая взрастила Стива как профессионала. В 1968 году он защитил амбициозную двухтомную диссертацию «Бухарин и русский большевизм» и получил степень доктора философии. Осенью того же года, благодаря отчасти заботам Такера, он получил профессорскую должность (с перспективой пожизненного контракта) на факультете госуправления Принстонского университета. Там его дружеские отношения с первым учителем возобновились и окрепли. Их общая нелюбовь к преобладавшему социологическому подходу к изучению других стран в ущерб углубленному страноведению (в их случае, изучению истории и культуры России) подтолкнула Такера к созданию в Принстоне междисциплинарного Центра русских исследований, директором которого на два десятилетия стал Стив. Кроме того, у Стива был свой большой курс лекций о русской истории и политике после 1917 года, который пользовался в Принстоне большой популярностью. Известный историк России и выпускник Принстона Майкл Дэвид-Фокс вспоминал вскоре после смерти Стива, что в 1984 году, когда он пришел на этот курс, аудитория в 400 студентов внимала Стиву как замороженная. Сам Дэвид-Фокс считает, что своей карьерой в русской истории он обязан именно этому курсу.

Все три десятилетия работы в Принстоне Стив сохранял тесные связи с Колумбийским университетом: поскольку жил он в тот период по-прежнему в Нью-Йорке, в доме неподалеку от кампуса Колумбии, то в свободные дни «подрабатывал», читая курсы лекций в Русском институте, пока администрация Принстона ему не запретила. Страстный любитель баскетбола со времен уличных баталий его юности в черных кварталах Оуэнсборо, он также продолжал под-

держивать культуру уличного баскетбола в соседнем Гарлеме, увлекшись этим делом еще в 1960-е годы. В 1998 году, «после 30 лет борьбы с траффиком на “Джерси Тэрнпайк” – платной магистрали от Манхэттена до Нью-Джерси», Стив уволился из Принстона. Чуть позже он устроился на работу в Нью-Йоркский университет, на исторический факультет, где до 2012 года продолжал читать свой по-прежнему чрезвычайно популярный курс современной русской истории и политики. Одновременно, хотя уже не так интенсивно, как прежде, он продолжал участвовать и в жизни уличных баскетбольных клубов, и в научной жизни Русского института (получившего имя Гарримана). Одно время он был готов рассмотреть приглашение от Колумбийского университета, но оно так и не последовало. В апреле 2017 года в интервью для проекта устной истории, организованного Институтом Гарримана, он так отозвался о времени, проведенном в нём:

Больше всего я вспоминаю и со временем все больше ценю замечательно эклектичный состав старших преподавателей, собравшийся в институте в 1960-е годы. Все они были по-своему преданы изучению и преподаванию науки о России, никто из них не навязывал своим студентам никакой ортодоксии и мало кто подвергся фобиям, характерным для эпохи холодной войны. Я не знаю ни одного научного института, который был бы лучшим местом для учебы, ни тогда, ни теперь.

Классическая работа Стива, «*Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938*», ставшая мастерски переработанной и расширенной версией его докторской диссертации, была опубликована издательством

Альфреда Кнопфа в 1973 году. Книга извлекла из небытия – исторического и политического – Николая Бухарина, расстрелянного Сталиным в 1938 году, и вернула ему заслуженную славу оригинального мыслителя, влиятельного теоретика марксизма (возможно, второго после Ленина) и одного из высших руководителей партии большевиков в 1917 году и, что еще важнее, в период борьбы за власть после смерти Ленина во второй половине 1920-х годов. Однако книга была гораздо шире, чем просто «политическая биография». Явившаяся результатом обстоятельного исследования и глубокого осмысления, убедительно написанная, она показала Бухарина в контексте его сложной, постоянно меняющейся, ненадежной эпохи. Она также представила бухаринскую умеренную и сбалансированную программу постепенного экономического развития, основы которой были разработаны Лениным в начале 1920-х годов, как реалистичную альтернативу победившему в итоге ультрарадикальному курсу Сталина, решившего пожертвовать крестьянством в пользу форсированной индустриализации. Ставшая финалистом Национальной книжной премии США, книга была встречена с энтузиазмом и одобрением. Леонард Шапиро, выдающийся историк, специалист по истории компартии России и мировой авторитет в области советской политики, в рецензии в *The New York Review of Books* написал, что книга Стива – это первое «полное, честное, взвешенное и обильно документированное, написанное с сочувствием к предмету, но при этом не лишенное критики, исследование жизни и научной мысли Бухарина». «Я уверенно предсказываю, – продолжил Шапиро, – что эта великолепная книга со временем будет признана теми, к чьему мнению стоит прислушаться, одной из

очень немногих по-настоящему выдающихся монографий по истории Советского Союза за последние двадцать пять лет».

Предсказание Шапиро оказалось точным. Более того, если окинуть взглядом историческую литературу, опубликованную в России и за ее пределами за почти столетия после выхода в свет «Бухарина», очевидно, что эта книга остается практически повсеместно признанной классикой и одной из очень немногих обязательных для изучения всеми студентами по темам: «Русская революция», «НЭП», «Сталинизм» и «Русский/советский исторический опыт вообще». Не менее важно то, что после 1985 года, в период перестройки, книга обрела еще и политическую актуальность. Наконец, ее публикация подарила Стиву, а позже Катрине и их дочери Нике обожаемую «вторую семью» – семью вдовы Бухарина Анны Михайловны Лариной.

С этим связана удивительная история. Начиная с конца 1960-х годов Стив совершал регулярные продолжительные поездки в Советский Союз, сначала для сбора дополнительного материала для диссертации, а потом в качестве консультанта и московского корреспондента CBS news. Позднее, уже в 1990-е годы, когда стали открываться российские исторические архивы, главной целью его частых визитов в Москву стал сбор прежде недоступных архивных документов для нового, расширенного и дополненного, но так и не завершеного издания биографии Бухарина. Меж тем, первая русскоязычная публикация книги, вышедшая в 1980 году, сделала его знаменитостью, чуть ли не героем, особенно в среде бывших сталинских политзаключенных, освобожденных из лагерей и постепенно возвращавшихся в Москву после объявленной Никитой Хрущевым десталинизации. Среди них

С семьей Бухариных. Первый ряд, слева направо: Линн Блэр Коэн (первая жена Стивена Коэна), их дети Александра и Эндрю, Стивен Коэн, второй сын Анны Лариной Михаил Фадеев. Позади, слева направо: жена Юрия Инге Баллод, Анна Ларина, Юрий Ларин с сыном Колей на руках.
 With the Bukharin family. First row, left to right: Lynn Blair Cohen (Stephen Cohen's first wife), their children Alexandra and Andrew, Stephen Cohen, Anna Larina's second son Mikhail Fadeyev. Second row, left to right: Yuri Larin's wife Inge Ballod, Anna Larina, Yuri Larin with his son Kolya in his lap.

были и вернувшаяся в 1959 году преданная и мужественная вдова Бухарина, Анна Ларина-Бухарина, и (годом позже) его сын, двадцатипятилетний Юрий. Была среди них и Надя Фадеева, дочь Анны Михайловны от второго, лагерного, брака. В 1974 году Надя принесла домой раздобытый где-то «контрабандный» экземпляр «Бухарина», изучив который семья испытала восторг и признательность. Несколько лет спустя, прочитав русский перевод, Анна Михайловна сказала, что эта книга буквально «приоткрыла над Бухариным крышку гроба».

Тем временем весть о том, что семья Бухарина снова проживает в Москве, дошла до Стива, и в августе 1975 года, невзирая на опасность контактов с иностранцами (частичная рестаилинизация, имевшая место при Брежневe, достигла тогда своего пика), члены семьи совместными усилиями организовали первый визит Стива в квартиру Анны Михайловны. Так началась большая, невероятно тесная и важная для обеих сторон, семейная дружба. Анна Ларина и Надя Фадеева с любовью писали о том, насколько родным человеком стал в их семье Стив (неизменно приезжавший нагруженный книгами, лекарствами и подарками, особенно для детей), а позже и Катрина и их маленькая дочь Никола-Анна (Ника). (Нику назвали в честь Николая Бухарина и Анны Лариной, и свою «московскую семью» она впервые посетила в 1991 году, в двухмесячном возрасте!) Анна Ларина, которая, по словам Нади, полюбила Стива как родного сына, попросила его представлять ее интересы в отношениях с советскими архивами и иностранными издательствами, что он с радостью и большим успехом и делал.

Стив познакомил меня с семьей Лариной в конце 1970-х годов, когда я подолгу жил в Москве, работая как исследователь в исторических архивах. С тех пор я не раз с радостью менял унылую комнату в гостинице Академии наук или в общежитии соседнего Горного института, где я обычно останавливался, на тепло и уют маленькой ларинской квартиры в центре города. Там долгими, незабываемыми вечерами я имел возможность лично убедиться в том, насколько крепкими были узы, быстро связавшие Стива с семейством Лариной. Ко мне Анна Михайловна поначалу отнеслась настороженно из-за тесных связей моей семьи с известным

Катрина с двухмесячной Никой на руках в окружении семьи Бухарина. Слева направо: Анна Ларина, Эка, Стивен Коэн, Надя Фадеева, Ольга Максакова, жена Юрия Ларина, Юрий Ларин. 1991 г.

Members of the Bukharin family around Katrina holding two-month-old Nika. Left to right: Anna Larina, Eka, Stephen Cohen, Nadya Fadeyeva, Olga Maksakova (Yuri Larin's wife), Yuri Larin. 1991.

меньшевиком и хранителем архива Русской революции Борисом Николаевским. Она считала – ошибочно, я уверен, – что Борис Иванович был как-то причастен к трагической судьбе ее мужа. Однако вскоре, благодаря в основном мягкому, успокаивающему воздействию Стива, ее опасения рассеялись, и она, а также Юрий, Надя и некоторые другие их близкие стали моими дорогими друзьями.

В это же время Стив и позже Катрина регулярно общались с другими известными бывшими политзаключенными и советскими диссидентами, многим из которых тоже было что рассказать. Несколько раз я присутствовал на веселых вечерних посиделках с этими новыми друзьями и видел, как быстро завязывались между ними тесные дружеские отношения. Стив на этих встречах редко высказывал свое мнение; по большей части он был внимательным и преданным «слушателем». Со временем он начал с пониманием относиться к недовольству многих из них существующей системой правления и их мечтам о демократических реформах. (Два десятилетия спустя он вывел некоторых из этих выдающихся людей на страницах своей книги *«Жизнь после Гулага: Возвращение сталинских жертв»*.) Стив и Катрина также стали надежными каналами переброски через границу нелегальной литературы: из России – десятков рукописей самиздата для публикации на Западе, обратно – значимых публицистических и художественных книг, изданных на русском языке на Западе (тамиздат). Все это вместе взятое переполнило чашу терпения советских властей. С 1982 по 1985 год, до прихода к власти Горбачева, Стиву и Катрине было отказано в получении советской визы, и они оказались разлучены со своей «второй семьей» и тесным кругом новых друзей. Впрочем, при Горбачеве связи быстро восстановились и даже расширились.

Начиная с 1970-х годов Стив считал важным поделиться с широкой аудиторией своим экспертным взглядом на происходящее в Советском Союзе и своим беспокойством по поводу общепринятых воззрений на эти события, характерных для американских политиков и политологов. Он одним из

первых выступил против господствующей в американской историографии жестко «тоталитарной», или «пайпсианской», трактовки всего советского исторического опыта. Кроме того, в 1970–1980-е годы голос Стива – посредством периодических печатных изданий, радио, а вскоре и телевидения (оказавшегося для него, похоже, самым удачным форматом) – зазвучал громко и весомо в поддержку политики разрядки в отношениях двух мировых держав. Его ежемесячная колонка в *The Nation*, выходявшая в 1982–1987 годах и посвященная положению дел в Советском Союзе и советско-американским отношениям, перепечатывалась такими влиятельными изданиями, как *The New York Times* и *The Washington Post*. Подборка из этих статей вошла в его сборник «Soveticus: Американское восприятие и советская действительность» (W.W. Norton, 1985). Тогда же Стив опубликовал свою вторую после «Бухарина» важнейшую работу – «Переосмысливая советский опыт: Политика и история с 1917 года» (Oxford University Press, 1985). Это было поданное в сжатом и доступном для широкого читателя виде изложение взглядов Стива на советскую политическую историю с ее возникновения. Эта публикация, наряду с частыми публичными выступлениями дома и за рубежом с комментариями по поводу советских событий и советско-американских отношений, обеспечили Стиву репутацию одного из наиболее уважаемых западных комментаторов по этим вопросам. Даже президент Джордж Буш-старший обращался к нему за советом при подготовке к встрече с Горбачевым в свете проводимой последним политики реформ.

Критика Стивом американской политики в отношении России усилилась в 1990-е годы, при Ельцине/Клинтоне.

Стив непрестанно указывал на ошибочность взятого Соединенными Штатами курса на вестернизацию Российской Федерации, чреватого катастрофическими последствиями для российского народа и для безопасности всего мира в ядерную эпоху. Часть его многочисленных статей на эту тему была собрана в книге *«Провал крестового похода: Америка и трагедия посткоммунистической России»* (W.W. Norton, 2000).

В период администрации Обамы (2009–2017) Стив был глубоко озабочен и высказывал публичные опасения по поводу провокационной американской политики на границах России в Восточной Европе и на Балтике, которая готовила сцену для новой, потенциально катастрофической, холодной войны. Это, возможно, стало поводом для частых, но безосновательных обвинений его в том, что он является «апологетом» Путина, «путинской марионеткой». На самом деле, Стив, основываясь на своем многолетнем экспертном опыте в области политических реалий и сил, влияющих на принятие решений с обеих сторон, убедительно показал, что именно Соединенные Штаты, а не Россия несут главную ответственность за ухудшение двусторонних отношений. Что касается наиболее серьезного кризиса, разразившегося в 2013 году вокруг событий на Украине, то, по мнению Стива, Соединенные Штаты нарушили обещание, данное Рейганом Горбачеву, о том, что НАТО не будет расширяться на восток, к границам России. Захватив в 2014 году контроль над Крымским полуостровом, продолжал он, Россия недвусмысленно продемонстрировала свой законный, имеющий многовековую историю, военный и экономический национальный интерес. В более широком международном аспекте, будучи

уверен, что сотрудничество между Россией и Соединенными Штатами является лучшей гарантией выживания человечества в ядерную эпоху, Стив высказывал беспокойство по поводу рисков, которые несет в себе «управляемая из Вашингтона новая холодная война», и твердил о растущей необходимости новой конструктивной разрядки в отношениях двух мировых держав. Следствием этой непопулярной позиции стало резкое сокращение возможностей Стива публично высказывать свое мнение в большинстве влиятельных средств массовой информации (важным исключением оставался *The Nation*). В итоге начиная с лета 2014 года Стив начал делиться своими соображениями о ходе «новой американо-российской холодной войны» на радио, в часовой еженедельной новостной программе «Шоу Джона Бэтчелора». С небольшими перерывами эти еженедельные выступления, часто адаптированные затем для публикации на сайте *The Nation*, продолжались до самой болезни и смерти Стива в сентябре 2020 года. Подборка этих публикаций составила одну из последних книг Стива – «Война с Россией? От Путина и Украины до Трампа и Рашагейта» (Hot Books, 2019).

Враждебность по отношению к Стиву, вызванная его якобы «пророссийской» позицией, привела во второй половине 2014 года к скандалу, ставшему одним из самых болезненных эпизодов в блестящей научной карьере Стива. Предыстория вкратце такова: примерно за десять лет до этого Стив и Катрина (на основе семейного фонда Катрины *The KAT Charitable Foundation*) основали именные «стипендии Коэна–Такера» для студентов, изучающих современную историю России в Индианском, Принстонском и Нью-Йоркском университетах, а также ежегодную премию за докторскую дис-

сертацию по русской истории, присуждаемые через Ассоциацию славянских, восточноевропейских и евроазиатских исследований (английская аббревиатура – ASEEEES). В 2012 году отмена федерального финансирования студенческих и аспирантских исследований в России (в соответствии с «Разделом VIII»¹) вынудила ассоциацию приложить дополнительные усилия по поиску и привлечению частных средств на эти цели. Полтора года спустя эта расширенная кампания увенчалась успехом, который по праву можно назвать выдающимся. 11 августа 2014 года между ASEEEES и KAT Foundation было подписано соглашение об основании программы стипендий для соискателей докторской степени в области изучения российской истории. Контракт предусматривал, что эти стипендии, получившие двойное имя Стивена Коэна – Роберта Такера, в количестве от одной до шести и в размере 22 тысяч долларов в год, будут даваться на три года с большой вероятностью продления еще на несколько лет. Неустанная забота Коэна и Такера об улучшении подготовки американских специалистов в области советологии/россиеведения нашла отражение в условии контракта, предусматривавшем, что конкурс на соискание стипендии будет открыт для граждан и лиц, постоянно проживающих в США, специализирующихся по любой дисциплине, чьи диссертации касаются тем российской истории XIX – начала XXI века.

---

¹ “Раздел VIII” (Title VIII) – принятое в академической среде название американского закона об исследованиях и подготовке специалистов по СССР и странам Восточной Европы (Soviet & Eastern European Research and Training Act, 1983), предусматривавшего государственное финансирование программ в области подобных исследований. – *Прим. перев.*

Эта амбициозная новая программа, ставшая щедрым дополнением к ежегодной премии Коэна–Такера, вручаемой ASEEEES за лучшую диссертацию по русской истории, была с радостью единодушно принята исполнительным комитетом ассоциации, который направил подписанный контракт Совету директоров ASEEEES для, как считалось, чисто формального одобрения. При этом заранее были начаты приготовления к тому, чтобы ускорить ввод в действие программы, обеспечив первый конкурс на соискание стипендий уже осенью 2014 года и финансирование исследований в 2015/16 учебном году. Была, в частности, избрана отборочная комиссия из трех человек, которая в конце июля начала работу по согласованию деталей отбора кандидатов с исполнительным директором ASEEEES Линдой Парк. (Я входил в состав этой комиссии, наряду с Ричардом Уортманом и Катериной Кларк.) Однако наша работа была внезапно приостановлена, после того как выяснилось, что несколько человек из 24 членов Совета директоров, враждебно настроенные к Стиву из-за его якобы пророссийской позиции в продолжающемся украинском кризисе, собрались выйти из совета, если программа будет принята с его именем в названии. Перед лицом этого конфликта руководство ассоциации постановило отложить принятие окончательного решения по данному вопросу и вернуться к нему на ежегодном заседании совета в Сан-Антонио в ноябре.

Стив и Катрина, естественно, были потрясены и глубоко оскорблены таким поворотом дела. Сам факт того, что некое неназванное меньшинство в Совете директоров ASEEEES, едва ли знакомое с сутью критики Стивом американской политики на Украине и не пожелавшее принять в расчет его науч-

ный статус и заслуги, могло провалить программу помощи нуждающимся студентам, напомнил им о временах маккартизма. Кроме того, что не менее важно, под угрозу была поставлена репутация ASEEEES как уважаемой международной организации, являющейся форумом для свободного обмена идеями и мнениями по важнейшим историческим и политическим вопросам. От имени фонда KAT Foundation, Стив и Катрина были вынуждены отказаться от финансирования программы.

Узнав о таком повороте дел, уже распущенная отборочная комиссия обратилась к руководству ассоциации с протестом против действий совета как несправедливых и наносящих сокрушительный удар по профессиональному руссиеведению в Соединенных Штатах в тот момент, когда оно особенно востребовано, и как злостно нарушающих принципы и репутацию ASEEEES – без всякой видимой пользы. 20 ноября 2014 года на своем ежегодном совещании совет вновь рассмотрел вопрос о программе стипендий Коэна–Такера. Когда кому-то из членов совета не понравился пункт контракта, дающий спонсорам право влиять на состав отборочных комиссий, Стив и Катрина тут же заявили, что готовы отказаться от этого пункта. После этого совет согласился проголосовать за восстановление программы, но при условии, что имя Коэна будет снято с названия стипендии. Спонсоры, по понятным причинам, отказались это сделать.

13 января 2015 года Стив направил президенту ASEEEES, исполкому, Совету директоров и «всем заинтересованным членам» ассоциации письмо, в котором подробно изложил происхождение, структуру и задачи стипендиальной программы, а также свои соображения по поводу того, как ее за-

крытие может сказаться на роли и репутации ASEEEES. Письмо Стива вызвало сочувственный отклик у членов ассоциации. Составленное бывшим президентом ASEEEES Дэвидом Рэнселом письмо протеста подписали более 75 человек.

28 января 2015 года в *New York Times* вышла сочувственная статья Дженнифер Шусслер, привлекая внимание широкой публики к разгоревшемуся неприятному и потенциально постыдному конфликту вокруг отказа фонду KAT Foundation в финансировании стипендиальной программы Коэна–Такера. Чуть позже масла в огонь подлил Хэнк Рейхман, глава Комитета А (по академической свободе и правам преподавателей) Американской ассоциации университетских профессоров (ААУП), осудивший гонения на Стива в *Academe Blog* (сетевом журнале ААУП). Конфликт разгорелся с новой силой. В конце концов, на специальном заседании Совета директоров ASEEEES 11 мая большинством голосов было принято решение принять программу стипендий Коэна–Такера с изначальным названием, если соответствующее предложение заново поступит. Фонд KAT Foundation повторил предложение о выделении средств на программу. Запущенная в 2016 году, она с тех пор исправно работает на благо нашей науки.

После 2014-го и до самой своей смерти в 2020 году Стив не прекращал вести упорную борьбу против того, что он называл «новой холодной войной». Причем путинскую Россию он считал пострадавшей стороной в набирающем обороты конфликте, а главную ответственность за его прекращение возлагал на администрацию Обамы. В 2016 году, с приходом к власти Дональда Трампа, Стив переложил эту задачу на новую администрацию. Заинтересованность Трампа в налаживании хороших отношений с Путиным, которую Стив

приветствовал, многими обозревателями на Западе была воспринята как подтверждение того факта, что своей победой на выборах Трамп обязан Владимиру Путину. Полемизуя с ними, Стив указывал на вмешательство Соединенных Штатов в российскую политику, выражал большое сомнение в справедливости большинства выдвинутых против России обвинений и заклеил начавшийся скандал «Рашагейтом» («Russiagate»). Кроме того, он утверждал, что существенную роль в фабрикации «Рашагейта» сыграли американские разведслужбы, обозначив их участие как «Интелгейт». Перед лицом растущих колебаний даже среди самых твердых сторонников Стива, смущенных его явной поддержкой Трампа, он настойчиво гнул свою линию, утверждая, что никогда не поддерживал и не поддерживает Трампа. Просто он последовательно защищает дело разрядки в отношениях между США и Россией – как принципиально важное для решения таких насущных глобальных проблем, как угроза ядерного конфликта, международный терроризм и изменение климата. До конца своей жизни Стив оставался безраздельно предан задаче окончания «новой холодной войны». И оживленная дискуссия, вызванная «Войной с Россией? От Путина и Украины до Трампа и Рашагейта», предшествовала, во всех смыслах, разговору о «российских одиссеях», с которого начался этот очерк.

Библиографическое примечание: как пример исчерпывающего издания, отражающего во всей полноте научное творчество Стивена Ф. Коэна, направленное на расширение и углубление понимания России, см.: Стивен Коэн. Избранное. – М.: АИРО-XXI, 2018.

Перевод Ирины Давидян.

Мои встречи со Стивеном Коэном

Рой Медведев*

Я познакомился со Стивеном Коэном в 1969 году. Он тогда закончил работу над своей диссертацией о Бухарине, но еще не издал ее отдельной книгой. Я же к тому времени уже написал книгу «К суду истории» и переслал в США ее копию на микрофильме. Но моя книга на тот момент еще не вышла, поэтому Коэн ее не читал. Он пришел ко мне с рекомендацией знаменитого американского советолога Роберта Такера, который был очень дружески настроен к Советскому Союзу. Такер являлся научным руководителем Коэна, он и подсказал начинающему русисту саму тему о Бухарине. Более того, Такера можно считать основателем целой школы русистов-советологов.

Когда началась Вторая мировая война, Такер был совсем еще молодым человеком. После получения образования в Гарварде он какое-то время поработал в Управлении стратегических служб – предтече ЦРУ, – а затем, еще во время войны, его направили переводчиком в американское посольство в Москве. Советские люди тогда относились к американцам с

---

* Рой Александрович Медведев – историк.

большой симпатией, тем более что второй фронт уже открылся, и молодой сотрудник посольства испытывал к себе только доброе и внимательно отношение. Вместе с москвичами он в мае 1945 года смотрел салют Победы и радовался окончанию войны. Здесь же, в Москве, он познакомился с молодой девушкой, на которой вскоре женился. Находясь в Москве, он начал собирать материалы для книги о Сталине. Эта книга выйдет в США спустя несколько десятилетий, и она будет содержать в себе критику вождя. Но первоначально, еще работая в Москве, Такер, как и подавляющее большинство советских людей, был очарован Сталиным. И лишь спустя годы, после XX съезда и появления многочисленных материалов, разоблачающих преступления сталинского режима, Такер, уже живя и преподавая в США, меняет свое мнение на противоположное. Не исключаю, что и я сыграл определенную роль в том, что взгляды Такера на Сталина изменились с панегирических на противоположные. Мы с Такером переписывались в 1960-х годах, и я ему много рассказывал о Сталине и о его эпохе. Поэтому, когда у его ученика Коэна появилась возможность поехать в Советский Союз на выделенный ему грант для написания книги о Бухарине, Такер рекомендовал начинающему специалисту по советской истории встретиться со мной.

Я хорошо помню нашу первую встречу с Коэном. Он приехал со своей первой женой и двумя маленькими детьми. Мы встречались несколько раз. Про Бухарина я не мог ему много рассказать – говорил лишь о взаимоотношениях Бухарина со Сталиным, о процессе над Бухариным, но и эта информация была Коэну полезна. Он попросил меня познакомиться его с людьми, которые знали Бухарина лично, и мне

*Стивен Коэн с Роем Медведевым. Москва, 1981 г.
Stephen Cohen with Roy Medvedev. Moscow. 1981.*

удалось ему помочь. Об этом Коэн потом вспоминал и благодарил меня за оказанную помощь. После этой поездки в СССР Коэн издал книгу о Бухарине. Она имела необычайный успех в американских советологических кругах, ее перевели на основные западные языки.

Новый этап в жизни Коэна начался в 1982 году, когда в одном небольшом американском издательстве его книга была напечатана на русском языке. Одним из переводчиков книги стал сын Бухарина – художник Юрий Ларин. С ним и с его матерью, Анной Лариной, я был знаком, а Коэну удалось впервые увидеться с ними в середине 1970-х годов, во время одного из его приездов в СССР. Между Коэном и Лариными

установились дружеские отношения. В связи с этим вспоминается одна история, о которой мало кто знает. Это было в марте 1978 года. Осенью того года исполнялось 90 лет со дня рождения Бухарина, а в середине марта была другая вежа – 40 лет со дня его расстрела. И у нас с Лариными возникла мысль отметить – разумеется, неофициально – обе эти круглые даты. Коэн тогда в очередной раз был в Москве. И мы собрались в моей ховринской квартире на улице Дыбенко. Я пригласил еще двоих итальянских корреспондентов, которые интересовались жизнью Бухарина. Накрыли стол – как бы поминки устроили, посидели тихо, по-семейному. Кстати после выхода книги о Бухарине на русском языке, которая тут же стала распространяться в самиздате, Коэна перестали пускать в Советский Союз, и лишь с наступлением перестройки такая возможность у него появилась снова.

Благодаря общению с семьей Лариных Коэн собрал огромный материал о Бухарине, в том числе и о последних годах его жизни. Но он почему-то не стал дорабатывать свою книгу, в которой сведения о 1930-х годах изложены довольно поверхностно: когда он писал свою диссертацию, а потом дорабатывал ее в монографию, у него было крайне мало информации об этом времени. У меня же скопился колоссальный материал о Бухарине, который охватывал время вплоть до его ареста. И я написал книгу «Бухарин. Последние годы жизни», в которой как раз систематизировал собранную мной информацию. Книга вышла сначала в Риме в 1977 году, а на следующий год – в Нью-Йорке. Под названием «Убийство Бухарина» она вошла в том «Неизвестный Сталин» моего и Жореса собрания сочинений. Коэн был первым, кому я подарил первое издание моей книги, и он написал на нее очень

хорошую рецензию, а потом неоднократно упоминал в библиографии использованных им работ.

То есть получилось, что я написал о Бухарине вместо Коэна, но во многом благодаря своему знакомству с ним. Я был готов уступить первенство Коэну, но в Америке не принято браться за большую работу, не получив на нее грант. А Коэну после издания его переработанной диссертации ничего больше не предлагали в развитие «бухаринской темы». Когда в 1988 году в московском издательстве «Прогресс» вышла его книга о Бухарине, он этой темой уже не занимался.

Получилось так, что я оказался полезен Коэну и в другой теме, за которую он взялся, – о возвращении узников сталинских лагерей и их адаптации к нормальной жизни. Об этом я тоже много знал, так как общался с прошедшими лагеря. Причем мне доводилось контактировать и с теми, кто действительно находился в оппозиции режиму. Среди них были меньшевики, один троцкист, несколько сторонников Зиновьева и Бухарина. Надо сказать, что в основном они находились в благоприятных условиях в лагерях, потому что были вынуждены сотрудничать с администрацией. Это особая тема, которую я не хочу затрагивать походя. Но тогда было именно так: чтобы выжить, ты либо работаешь в санитарной части, либо сотрудничаешь с лагерной администрацией. Словом, я знал от вернувшихся об их лагерной жизни очень много. Я делился с Коэном тем, чем располагал, и познакомил его с некоторыми бывшими узниками, в частности, с Антоновым-Овсеенко.

Уже в перестройку я регулярно посылал Коэну свои статьи о текущей ситуации в СССР. Коэн их внимательно читывал, часто задавал уточняющие вопросы. Он с большим

*Стивен Коэн с Антоном Антоновым-Овсеенко. 1980 г.
Stephen Cohen with Anton Antonov-Ovseyenko. 1980.*

пиететом относился к Горбачёву и сам активно печатал в США материалы о переменах в СССР. Лично с Горбачёвым, пока тот находился у власти, Коэн не встречался, их знакомство состоялось позже – в Горбачёв-Фонде. На этой площадке они несколько раз потом общались. Меня на эти встречи тоже приглашали, а один раз вместе со мной туда приехал и Жорес.

В постсоветское время мы пересекались с Коэном и на нескольких конференциях. Помню, как-то мы с ним рядом сидели в президиуме, он взял слово и сказал, что написал книгу о Бухарине, но сейчас эта тема мало востребована. Я тогда

перебил его и сказал, что это совершенно не так, что все идеи Бухарина внимательно изучены и серьезно восприняты в Китае, что бухаринская альтернатива, несомненно, была известна Дэн Сяопину и оказала на него существенное влияние.

В истории нашего знакомства с Коэном была и такая замечательная страница, как написание общей книги. Дело было так. Когда сняли Хрущёва, ко мне от разных лиц стали стекаться подробности того, как всё готовилось и осуществлялось в октябре 1964 года. Рассказывали мне и о его затворнической жизни после отставки. Я стал всё это записывать в виде своего рода политического дневника. Я вел этот дневник в течение шести лет, с конца 1964-го до конца 1970-го, и распространял его в рукописном виде в нескольких экземплярах только среди самых близких людей. Когда я закончил его вести, Жорес сказал мне, что это очень интересный материал и его надо опубликовать. И я анонимно через Жореса напечатал в «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» одну из наиболее интересных подборок за один месяц. Подборка относилась к 1969 году и была посвящена советско-китайскому конфликту на острове Даманский. Я тогда записал свои разговоры с Сахаровым, Некричем и одним генералом о возможности полномасштабной войны с Китаем.

Публикация вызвала большой интерес, хотя и создала для меня определенный трудности: у меня – несмотря на анонимность публикации – прошел первый обыск, и все мои архивы были изъяты. Я, правда, был готов к такому развитию событий и все самые важные материалы хранил не дома. Поэтому никакого политического дневника у меня во время обыска не нашли. Публикация в американских газетах про-

извела широкий резонанс, и я стал получать предложения об издании своего дневника. В итоге я согласился на сотрудничество с голландским Фондом имени Александра Герцена, и он издал два тома моего политического дневника, причем мое авторство было открыто. Однако после смерти основателя фонда продолжать проект было некому, публикация так и осталась двухтомной и незаконченной. И вот тут на меня вышел Коэн, который, конечно, знал эту голландскую публикацию. Он предложил мне свое содействие в продолжении этого издательского проекта. Я согласился и передал ему третий том, и он издал его на английском со своими комментариями под названием «Конец молчания». Том вышел под двумя фамилиями – моей и Коэна, – но поскольку и на кириллице, и на латинице «К» стоит раньше «М», то во всех библиографиях эта книга пошла как его.

Коэн очень помогал мне с книгами. В Америке выходило много книг на русском языке именно для того чтобы разными путями их пересылать в СССР. За этим фактически стояло ЦРУ, но это неважно – важно, что эти книги издавались и так или иначе доходили до нашей страны. Причем это были не только книги, запрещенные в СССР по политическим соображениям – наподобие Солженицына, но и классическая литература, не издававшаяся только потому, что авторы не разделяли официальной советской идеологии – как, например, Ахматова, Гумилёв, Набоков. Я много чего заказывал Коэну, и он всегда выполнял мои просьбы. Книги он посылал мне обычно дипломатической почтой – на адрес какому-нибудь сотруднику американского посольства в Хельсинки, а потом уже отдельно сообщал, что эту посылку надо передать Медведеву. И мне привозили эти пакеты из

посольства, даже не распечатывая. Это было очень важно для меня. Некоторые писатели просили меня помочь им с книгами, и я заказывал у Коэна. Я так доставал книги для Твардовского, Лакшина, Трифонова. Некоторые книги я продавал – но только те, которые не могли считаться анти-советскими, например, собрание сочинений Гумилёва.

И вот однажды произошла такая история. Меня вдруг по телефону вызвали в КГБ. Я приехал, и меня принял сотрудник довольно высокого ранга. Я в госбезопасности считался как бы большим авторитетом, потому что для меня санкцию на обыск или на арест давал лично Андропов. Я доподлинно знаю, что дважды готовился мой арест, но Андропов оба раза не дал санкции. Так вот, когда я пришел в КГБ, я увидел на столе у этого высокого чина большую стопку книг, разорванный пакет и письмо от Коэна. Мне сказали, что у машины, которая везла дипломатическую почту, неожиданно раскрывлась багажная дверь, из нее выпал пакет и разорвался. Пакет доставили в КГБ, и теперь сотрудники этой организации хотели получить от меня объяснения.

Я только рассмеялся в ответ. Дело в том, что в американском посольстве в Москве на вспомогательных должностях работали советские граждане – уборщиками, шоферами, техническим персоналом. Меня поражала такая беспечность американцев, потому что все эти советские люди были одновременно работниками КГБ и доставляли ценнейшую информацию, которую без особого труда могли собирать в посольстве. Не исключено, что и посольский шофер, который вез почту, тоже был сотрудником КГБ, потому что просто так из крытой машины не мог выпасть именно тот пакет, который был адресован Медведеву, это было специально подго-

товлено. И я ответил разговаривавшему со мной сотруднику КГБ, что Коэн – мой хороший американский друг, мы с ним сотрудничаем как ученые, он присылает мне книги, которые я ему заказываю, это дружеский обмен книгами. Да к тому же в книгах, которые выпали из машины, нет ничего антисоветского, а если что-то подобное найдется – тогда другой разговор. В советское время наказывалось распространение антисоветской литературы, но не ее хранение. Поэтому даже если бы Коэн прислал мне нечто подобное, меня не наказали бы, потому что в КГБ точно знали, что распространением я не занимаюсь. Я думаю, что эта акция была устроена просто для того, чтобы дать мне понять, что я нахожусь под контролем. Книги мне отдали, и случай остался без последствий – и для меня, и для Коэна.

Я помню и свою последнюю встречу с учителем Коэна – Такером. Перед своей кончиной – и, видимо, предчувствуя ее – он решил побывать в Москве, вспомнить то время, когда он здесь работал и встретил свою любовь. Ученики, в том числе и Коэн, помогли ему собрать деньги на эту поездку. Такер приехал, поселился в гостинице «Националь», прожил там две или три недели, и мы с ним встречались. Это было незадолго до его ухода в 2010 году.

Конечно, в последние годы, когда в США резко усилились антироссийские и антипутинские настроения, Коэну было очень тяжело. Тяжело, во-первых, из-за того, что в США вообще потеряли интерес к нашей стране и специалисты по ней оказались невостребованными. А во-вторых, тяжело по той причине, что Коэн всегда с большой симпатией относился к Советскому Союзу и России, поэтому этот всплеск русофобии очень сильно его задевал. И что важно, он не

поддался этому общему настрою. Более того, он стал поддерживать Путина, правда, не открыто, что было просто невозможно, а косвенно – полемизируя с критиками российского президента, доказывая, что он никакой не злодей и что в США его выставляют не таким, какой он есть на самом деле. В последние годы жизни он регулярно переписывался с Жоресом, и из этой переписки я знаю, что Коэн тревожился по поводу пенсии и профессорского звания – мол, его этого могут лишить из-за пророссийской позиции, которой он придерживается. Но вместе с тем он очень гордился тем, что его ценят и издают в России.

My meetings with Stephen Cohen

Roy Medvedev^{*}

I became acquainted with Stephen Cohen in 1969. He completed his thesis about Bukharin by then but had not yet published it as a book. I, for my part, already finished my book «Let History Judge» by that time and sent its microfilmed copy to the USA. But my book had not yet been released then, so Cohen did not read it. He visited me carrying a letter of recommendation from renowned American Sovietologist Robert Tucker, who was very well disposed to the Soviet Union. Tucker was Cohen's academic advisor who actually suggested to the beginning Russia

---

^{*} *Roy Alexandrovich Medvedev* – a historian.

scholar that Bukharin was a research subject well worth looking into. Moreover, Tucker arguably founded an entire school of Russia / Soviet studies.

When World War II began, Tucker was still very young. After completing a course of study at Harvard, he worked for a while at the Office of Strategic Services, the CIA's predecessor, and later, with the war still on, was stationed at the U.S. embassy in Moscow as a translator. Soviet people were then very amiably disposed to Americans, all the more so because the allies were already mounting their offensive then, so the embassy's young staffer always met only with good feeling and kindness. In May 1945, together with Muscovites he watched the victory fireworks and rejoiced that the war was over. Here, in Moscow, he met a young woman whom he soon married. In Moscow he began collecting materials for a book on Stalin. This book, containing critical passages about the leader, would be published in the USA several decades later. But initially, when he was still working in Moscow, Tucker, like most Soviet people, was fascinated by Stalin. And only years later, after the 20th Party Congress, when an ample evidence related to the Stalin regime's crimes emerged, Tucker, already living and teaching in the USA, would change his views completely. I would not be greatly surprised to learn that I played some role in the reversal of Tucker's opinion about Stalin, from admiration to its opposite. Tucker and I were exchanging letters in the 1960s, and I told him a lot about Stalin and his era. So, when his student Cohen was offered a grant to travel to the Soviet Union and write a book about Bukharin, Tucker recommended that the young expert on Soviet history should meet with me.

I remember well our first meeting with Cohen. He was accompanied by his first wife and two little kids. We met several times. I could not tell him much about Bukharin – I spoke only

about Bukharin's relations with Stalin and the Bukharin trial, but this information, too, proved useful to Cohen. He asked me to introduce him to people who personally knew Bukharin, and I was able to oblige. Later Cohen would bring up this episode and thank me for the help. After this trip to the USSR Cohen published a book about Bukharin. It enjoyed immense success among American sovietologists and was translated into main European languages.

A new stage in Cohen's life began in 1982, when a small American publisher brought out a Russian translation of his book about Bukharin. Bukharin's son, artist Yuri Larin, was a co-translator of the book. I was acquainted with him and his mother, Anna Larina, and Cohen first had a chance to meet them in the mid-1970s, during one of his visits to the USSR. Cohen and Larin became friends. Which reminds me of an episode that few people know about. It took place in March 1978. In the autumn of that year, there would be Bukharin's 90th birthday, and another anniversary – 40 years since his execution – in mid-March. So Larin and I had the idea to mark – unofficially, of course – both anniversaries. Cohen was then on one of his visits to Moscow. And we had a get-together in my Khovrino apartment on Dybenko Street. I also invited two Italian reporters who took interest in Bukharin's life story. A table was laid – a funeral feast, one might say; it was a quiet, family-style gathering. By the way, right after the release of the Russian translation of the Bukharin book, which immediately began to be unofficially copied and passed around in the Soviet Union, Cohen became a persona non grata in the country, and it was only after the beginning of the perestroika that he again was able to get a visa.

Thanks to his contacts with the Larins, Cohen gathered a large trove of materials about Bukharin, including the last years

of his life. For some reason, however, he chose not to get his book into shape, although the 1930s are treated in it fairly superficially: when Cohen was writing his thesis, and later reworking it into a monograph, he had very little information about those times. I, for my part, amassed a colossal Bukharin archive covering the period until the very moment of his arrest. And I wrote a book called «Bukharin: The Last Years», in which I systematized the information I gathered. The book was first published in Rome in 1977, and next year, in New York. Named «The Murder of Bukharin,» it was included into the volume called «Unknown Stalin» of my and Zhores's collected works. Cohen was the first person to whom I gifted the first edition of my book; he wrote a very positive review of it and later often referenced it in his bibliographies.

So it can be said that a book about Bukharin was written by me instead of by Cohen, but I did it in large measure thanks to my acquaintance with him. I was willing to yield precedence to Cohen, but Americans usually do not undertake a large project without securing a relevant grant first. And Cohen, after the publication of his reworked thesis, was not offered any research opportunity related to «the Bukharin theme.» When in 1988 the Moscow publisher Progress released his Bukharin book, he was no longer studying the subject.

I happened to be of use to Cohen also in another project he undertook – a study of the return of prisoners of Stalin's camps to normal life and their adaptation to this life. I knew a lot about this subject as well since I had talked with these former prisoners. And my contacts included people who were indeed in opposition to the regime. They included Mensheviks, one Trotskyist, several supporters of Zinoviev and Bukharin. It needs to be said

that for the most part their living conditions in the camps were fairly good because they had to collaborate with the camps' administration. This is a big subject to broach in passing. But that was how matters stood then: in order to survive, you either had to work in the healthcare section or collaborate with your camp's administration. In a word, I had learned a lot from the returnees about their life in the camps. I shared with Cohen the information I had and introduced him to several former prisoners – in particular, to Antonov-Ovseyenko.

And when the perestroika was afoot, I regularly sent to Cohen my articles about current affairs in the USSR. Cohen read them carefully, often asking clarifying questions. He held Gorbachev in high esteem and published in the USA a lot of articles about the changes in the USSR. Cohen never met Gorbachev while the latter was in power; they were introduced to each other later, at the Gorbachev Foundation. Later they would meet and talk on several occasions at the Foundation. I too was invited to these meetings, and once I was accompanied by Zhores.

In post-Soviet period I came across Cohen several times at conferences. I remember that once Cohen and I sat on the panel and he took the floor to say that he wrote a book about Bukharin but now there was little interest in the subject. I interjected and said that that was not at all so, that all of Bukharin's ideas had been thoroughly studied and taken seriously in China, that the Bukharin alternative was undoubtedly familiar to Deng Xiaoping and had a strong impact on him.

The history of my acquaintance with Cohen included, inter alia, such a remarkable episode as co-authoring a book. This is how it happened. When Khrushchev was deposed, I began to receive from different people pieces of information about how the

whole thing was being prepared and carried out in October 1964. I was also told stories about his life as a recluse after his dismissal. I started putting it all down as a political diary. I kept this diary for six years, from late 1964 to late 1970, and gave several hand-written copies of the text only to people closest to me. When I stopped keeping the diary, Zhores told me it was a very interesting text which had to be published. And Zhores arranged for the publication of a month's worth of most interesting entries, unsigned, in the «Washington Post» and «New York Times». Consisting of entries for 1969, the selection highlighted the Sino-Soviet border conflict near Damansky Island. At that time I wrote down my conversations with Sakharov, Nekrich and an army general about the possibility of a full-blown war with China.

The publication elicited a wide response while also causing me some trouble: despite the anonymity of the publication, my apartment was searched for the first time and all my archives were confiscated. Truth be told, I was prepared for such a development, keeping all the most important stuff outside my home. So the searchers did not find any political diary in my apartment. The publication in the American newspapers caused a great stir and I started receiving offers to publish the diary as a book. Ultimately I signed up with the Dutch Alexander Herzen Foundation, which printed two volumes of my political diary, with my name on the cover. After the death of the organization's founder, however, there was nobody left to continue the project, so there were just two printed volumes and that was all. It was at that moment that I was contacted by Cohen, who, of course, knew about this Dutch publication. He offered his help in carrying on publishing the texts. I agreed and passed to him the third volume –

Cohen published it, under the title «An End to Silence,» in English with his comments. The volume had two names on the cover, mine and Cohen's, but because in both Latin and Cyrillic alphabets «C» precedes «M», in all bibliographies the book has been presented as Cohen's work.

Cohen gave me much help with books. A lot of books were published in Russian in the USA, for the purpose of sending them to the USSR using available channels. These publishing ventures were effectively run by the CIA, but it doesn't matter – what does is that these books were printed and somehow brought to our country. Importantly, the publications included not only books censored in the USSR due to political considerations, such as Solzhenitsyn's, but also classical texts shunned for no other reason than that the authors – such as, for instance, Akhmatova, Gumilev, Nabokov – did not subscribe to the official Soviet ideology. I made many requests to Cohen and he always obliged. He usually sent the books via diplomatic channels – first to an employee of the U.S. embassy in Helsinki, later informing him or her that the package had to be forwarded to Moscow. And so these parcels were brought to me from the embassy sealed. It was very important for me. Some writers asked me to help them to get certain books, and I would then place an order with Cohen. That was how I supplied books for Tvardovsky, Lakshin, Trifonov. I sold some books, but only those that could not be labeled as anti-Soviet – for instance, Gumilev's collected works.

And this is what happened once. Suddenly I got a call from the KGB and was invited for a conversation. I came and was received by a fairly high-ranking officer. The security police regarded me as a bigwig of sorts because both the search of my apartment and my arrest had to be authorized personally by An-

dropov. I know for a fact that preparations for my arrest were made twice but on both occasions Andropov withheld his authorization. Well, when I came to the KGB office, I saw on this senior officer's desk a large stack of books, a package ripped open, and a letter from Cohen. I was told that the lid of the trunk popped open in the car carrying diplomatic pouches, a package fell out and was torn. The package was brought to the KGB, and now officers at this organization were expecting an explanation from me.

My response was laughter. The fact of the matter was that the American embassy in Moscow filled low-level positions, such as cleaners, drivers, technicians, with Soviet citizens. I was amazed by such lack of caution on the part of the Americans because all these Soviet people were at the same time working for the KGB, providing the most valuable information they could quite easily access working at the embassy. It could well be that the embassy's driver who carried the mail was in the KGB's employ as well: there was no way that precisely this parcel, addressed to Medvedev, would have slipped out of a closed car; no, all this was staged. And I said to the KGB officer who was talking with me that Cohen was my good American friend, we were cooperating like scholars, he sent me books that I asked for, it was a friendly book exchange. Besides, there was nothing anti-Soviet in the books that slipped out of the car, and if anyone would find anything anti-Soviet in them, then it would be a different matter. In the Soviet times punishment was applied for disseminating anti-Soviet literature but not for keeping it. So even if Cohen had sent me something anti-Soviet, I would not have been punished because the people at the KGB knew for a fact that I was not disseminating the stuff. I think the whole purpose of the stunt was

to let me know I was being surveilled. The books were returned to me and the incident had no consequences either for me or for Cohen.

I also remember the last meeting with Cohen's teacher, Tucker. Before his demise – and probably anticipating it – he decided to visit Moscow, to recall the times when he worked here and met his beloved. His students, including Cohen, helped raise funds for this trip. Tucker came, stayed for two or three weeks at the National Hotel and I met with him. This was not long ago before his passing in 2010.

Sure enough, in the last years of his life, when anti-Russian and anti-Putin sentiment in the USA had been on the rise, Cohen had had a difficult time. Difficult because, first of all, the USA no longer takes interest in our country and American Russia experts are not in demand. And second, because Cohen had always had a very sympathetic attitude to the Soviet Union and Russia, this outburst of Russophobia caused him much pain. And what's important he was holding his own against this mob mentality. Moreover, he started supporting Putin – not openly, which was simply impossible, but indirectly, engaging in debates with critics of the Russian president, arguing that he was no evil doer and the USA was making him out to be something that he wasn't. In the last years of his life he was regularly exchanging letters with Zhores, and I know from his letters that he was anxious about his pension and professorship – presumably he could be stripped of them because of his pro-Russian stance. But at the same time he took great pride in the fact that he was held in high esteem and published in Russia.

Translated by Maria Solovieva.

Dissent has its price

Ronald Suny*

Wherever Steve Cohen appeared – on radio and television, in *The Nation* magazine edited and published by his wife Katrina vanden Heuvel, or in his biography of Nikolai Bukharin – he was met with strong feelings, criticism, and praise. An esteemed colleague to many, a baleful apologist for Russian leaders to others, and a comrade to me personally, Steve was a unique presence in the Sovietological profession. A relentless critic of the historiography of Western analysts of the Soviet Union, an extraordinarily confident public intellectual, and a controversial critic of the responsibility of intellectuals in the public arena, he ruffled the feathers of those scholarly birds that flocked together. Steve boldly straddled the fields of history and political science in the decades before political science turned inward to a narrower concentration on rational choice and statistical explanations. Curiously, he could rail at the facile anti-Russian and anti-Soviet biases that often marred the study of the USSR and simul-

---

* *Ronald Grigor Suny* – William H. Sewell Jr. Distinguished University Professor of History Professor of Political Science The University of Michigan Emeritus Professor of Political Science and History The University of Chicago.

taneously maintain a cordial relationship with dedicated anti-Communists like Robert Conquest, friendships with persecuted dissidents within the Soviet Union, and an enviable connection to Mikhail Gorbachev, who admired his work even if he did not completely agree with it. Ultimately, Cohen was the major dissident within Soviet studies, the object of bitter polemics and accusations that at one low point divided the major scholarly association that studied the subjects to which he had dedicated his life.

Born in Indianapolis, educated in Kentucky and Florida, Stephen Frand Cohen graduated from Indiana University, where he studied with Sovietologist Robert C. Tucker, and went on to receive his PhD from Columbia University in 1969. His dissertation, which became his first and major historical work, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938*, was published by the distinguished house of Alfred A. Knopf in 1973. In a review by the eminent economic historian Alec Nove, the book was hailed as «a great achievement,» «the best book to be published on the USSR for many years.» A monumental work, beautifully written with a deep empathy for the tragic fate of its protagonist, the book developed the argument that had been pioneered by Moshe Lewin and Tucker that Stalinism had to be distinguished from original Bolshevism and that alternative possibilities for Soviet development had existed before the ruthless rise of Joseph Stalin. Western historiography on the Soviet Union divided between those who saw an unbreakable continuity from Vladimir Lenin to Stalinism and those who argued, as Lev Trotsky claimed, that «a river of blood» separated the revolution and Bolshevism from Stalin's autocracy. Cohen shifted the narrative about the New Economic Policy of the 1920s that centered on the

power struggle between Trotsky and Stalin to focusing on the attractive figure of Bukharin, who in his telling provided a more humane road to socialism than the one that unraveled the original Bolshevik vision.

The argument of a break between Bolshevism and Stalinism had not only the advantage of explaining the subsequent murders of the former Leninist leadership in the party but also of opening up Soviet historiography to new and interesting questions. Cohen's discussion remained largely on the level of description of the differences between two socio-political orders and did not provide a full analysis of the social transformation of one into the other. But he rejected the bureaucracy-as-ruling-class or caste arguments associated with Trotsky and his followers, claiming instead that in Stalin's personal despotism the bureaucracy did not ultimately rule. In Cohen's view, Stalinism was an extraordinarily excessive and brutal political response to a social crisis that had been created by Stalin and was neither inevitable nor the only outcome of Bolshevism. To explain full-blown Stalinism, Cohen nodded toward Tucker and the elusive notion of Russia's political culture. Traditional values were resurrected in the 1930s along with Russian nationalism, and the gargantuan cult of the leader was at one and the same time an expression of genuine popular support and religious traditions. Stalinism in its inception had been a catastrophic revolutionary upheaval, directed by the state against society; in its full realization it metamorphosed into a rigid, conservative, traditionalist system.

Cohen followed Tucker to Princeton, where he taught for thirty years before decamping to New York University. As a charismatic teacher with classes overflowing with admiring students, he published a series of provocative books, beginning most force-

fully with his review of Western writing on the USSR, *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917* (New York and Oxford: Oxford University Press, 1985), and a collection of articles from *The Nation* on current East-West politics, *Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities* (New York: W.W. Norton, 1985). By the 1980s he had become one of the most visible public intellectuals commenting on Soviet politics, a commentator on CBS, and through a fortuitous turn of fate his theses about Bukharin took on a contemporary relevance with the reforms of Gorbachev. His master work was translated and published in the Soviet Union, and NEP became a legitimized historical inspiration for a new direction for Soviet economics and politics. On May Day 1989, as a guest of the General Secretary of the Communist Party of the Soviet Union, he and Katrina watched the festivities and military parade from the Lenin Mausoleum.

A long-time believer in the possibility of meaningful reform of the Soviet Union, Cohen's more détenteist, less condemnatory attitudes toward the USSR found a following among Western pundits and scholars. His views were close to those of the so-called «revisionists» in Soviet history, though he was fiercely critical of anyone who avoided the required condemnation of the excesses of Stalinism, most particularly the Great Terror. He and Tucker had years earlier edited and reissued the transcript of the 1938 show trial that condemned Bukharin – *The Great Purge Trial* (New York: Grosset & Dunlap, 1965) – the same case immortalized in Arthur Koestler's *Darkness at Noon*. Although he would frequently be attacked as an apologist for Gorbachev or Vladimir Putin, Cohen remained a severe opponent of authoritarianism and its myriad brutalities and close to the recurring dissident

movements in the USSR. In a series of works – *An End to Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union* (New York: W.W. Norton, 1982); with Katrina vanden Heuvel, *Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers* (New York: W.W. Norton, 1989); and *The Victims Return: Survivors of the Gulag After Stalin* (Exeter, NH: Publishing Works, 2010) – he repeatedly returned to those who had dissented and suffered for it. He befriended Anna Larina, the widow of Bukharin, who had «sat,» as they say in Russian, in prison and labor camps for two decades. After her release he discovered the last letter that her husband had written to her in the archives and returned it to her.

The ultimate failure of Soviet reform to preserve the Union and move the country to the social democracy desired by Gorbachev disappointed, even discouraged, many on the Left who hoped for an alternative between Soviet-style «socialism» and the neoliberal capitalism then hegemonic in many Western states. Cohen castigated the self-styled «democrats» like Boris Yeltsin who had abandoned and defeated Gorbachev and in articles and books he inveighed against American and European policies toward the new Russian Federation. In *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia* (New York: W.W. Norton, 2000); *Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War* (New York: Columbia University Press, 2009, 2011); *Why Cold War Again: How America Lost Post-Soviet Russia* (London: I.B. Tauris, 2016); and *War with Russia: From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate* (New York: Hot-books, 2019), he emerged once again as a dissident voice. His critical position on American journalists and pundits appeared shrill to those enthusiastic about the post-Soviet transition to

democracy and capitalism. He laid much of the blame for international conflict on the United States, which given its enormous economic and military power was squandering the best opportunity in modern times to create a more effective international environment. As Yeltsin ceded power to Vladimir Putin, and free-wheeling democracy and the power of Russian oligarchs descended into a new authoritarianism and increased economic power of the state, opinion in the West turned against Russia and its rulers. Cohen once again refused to give in to the prevailing trends and attempted to explain Russia's actions as rational defenses of its national interest. His prevailing vision was that East-West cooperation rather than confrontation was essential for peace, prosperity, progress, and even survival. Just as he had opposed earlier the stark contrasts and that maintained the Cold War, in his last years he warned about the costs of a new Cold War. Like the deans of American Realpolitik, George F. Kennan and Henry Kissinger, strange bedfellows for a man of the Left like Cohen, he warned that there would be serious consequences of NATO expansion and the isolation of Russia. The first major evidence for his prediction came with the Georgian-Russian War of 2008.

When Ukrainians went into the streets in 2013–2014 to challenge and change their government, the consequent violence, fall of the regime, and annexation of Crimea by Russia resulted in the most bitter confrontation of Europe, the United States, and Russia since the disintegration of the USSR. The East-West struggle over the fate and allegiance of Ukraine divided not only public opinion about Russia but the scholarly community as well. Cohen's critics labelled him «Putin's American toady» and accused him of recycling Russian political propaganda. He retorted

that he saw Putin as a rational actor who had stabilized Russia and acted in the interest of his country. The fierce opposition to his attempt to complicate the reductive readings of Russian policies led to the principal scholarly organization in Russian and East European studies, the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies, initially to reject a large donation from Ms. vanden Heuvel to honor Cohen and his mentor Tucker with an endowment for a dissertation fellowship. Letters flew back and forth before the dispute was amicably settled. But damage had been done. Even in the post-Cold War world younger scholars might take note that dissent has its price.

Steve Cohen liked to quote the humorist Will Rogers' famous quip about Russia: «Russia is a country that no matter what you say about it, it's true. Even if it's a lie, it's true. If it's about Russia.» Governments and their organic intellectuals, nationalists and defenders of one nation against a nation, have their own interests in painting their international rivals in dark colors. Scholars have the more difficult task of critical examination of accepted or unquestioned assumptions about the Other, the foreign, the obscure, and the complex. In the fraught political climate of the Cold War and its aftermath, trying to explain Russia as Cohen tried to do has been seen as rationalizing (in both senses of the word) Russian behavior. Cohen's boldness sometimes lacked subtlety and nuance; his polemical style occasionally was accompanied by exaggeration. But what he wrote or broadcast was always based on his honest research, clear-headed analysis, and a heartfelt concern for accurate understanding. He was motivated by a genuine passion to get the story right. Like many in the field of Slavic and East European studies, Steve Cohen was pained by the facile distortions and the hoary myths that clung to popular perceptions of Russia

and the Soviet Union, Marxism, socialism more broadly, and the intricacies of international relations.

Unless he was being ironic or sardonic, Shakespeare got it wrong when Marc Antony implored his countrymen to lend him their ears and claimed that he had come «to bury Caesar, not to praise him.» «The evil that men do lives after them. The good is oft interred with their bones.» Really? Isn't it usually, at least for famous figures, just the opposite? So, let it not be with Steve Cohen. He had his share of praise and calumny during his productive life, but in a time when judgment «art fled to brutish beasts» and «men have lost their reason,» Steve's courageous example of challenging the prevailing winds of opinion remain an inspiring example of what critical scholarship ought to be.

Published: Slavic Review. Vol. 79, issue 4 (Winter 2020). P. 923–926.

Инакомыслие имеет свою цену

Рональд Суни*

Где бы ни появлялся Стивен Коэн: на радио или телевидении, на страницах журнала *The Nation*, возглавляемого его женой Катриной ванден Хувел, или в своей биографической книге о Николае Бухарине, – везде его появление вызы-

---

* Рональд Григор Суни – профессор политологии, Университет Мичигана; почетный профессор политологии и истории, Университет Чикаго.

вало сильные эмоции, критику и хвалу. Уважаемый коллега для одних (многих), вредный и опасный апологет российских лидеров для других, а лично для меня – хороший товарищ, Стив был уникальным явлением в советологии. Безжалостный критик западной историографии Советского Союза, необычайно уверенный в себе публичный интеллеktуал и критик ответственности интеллеktуалов на публичной арене, он вызывал споры и раздражение [американского] научного сообщества. На протяжении десятилетий Стив бесстрашно вышагивал по полям истории и политологии, пока политология не сузилась настолько, что свелась к проблеме рационального выбора и статистического обоснования. Удивительно, как он мог ругать глупые антироссийские и антисоветские предрассудки, которые мешают изучению СССР, и одновременно поддерживать теплые отношения с такими убежденными антикоммунистами, как Роберт Конквест, водить дружбу с преследуемыми в Советском Союзе диссидентами и иметь завидную близость с Михаилом Горбачевым, который ценил его работу, хотя и не был полностью согласен с ним. В конечном счете, Коэн сам был главным диссидентом внутри советологической науки, объектом острых споров и обвинений, которые в какой-то момент разделили большое научное сообщество, занятое изучением вещей, которым он посвятил свою жизнь.

Родившийся в Индианаполисе, получивший среднее образование в Кентукки и Флориде, Стивен Франд Коэн закончил Индианский университет, где учился у советолога Роберта Такера, а докторскую степень получил в нью-йоркском Колумбийском университете в 1969 году. Его диссертация, ставшая его первой и главной научной работой, «*Бухарин и*

большеви́стская революция: Политическая биография, 1888–1938», была опубликована престижным издательством Альфреда Кнопфа в 1973 году. В рецензии, написанной видным экономическим историком Алеком Ноувом, книга была названа «большим достижением», «лучшей книгой по истории СССР, опубликованной за многие годы». Монументальная работа, написанная прекрасным языком с глубоким чувством симпатии к герою, книга развивала тезис, впервые выдвинутый Моше Левиным и Робертом Такером, – о том, что сталинизм нужно отличать от первоначального большевизма и что до прихода к власти Сталина в советской истории существовали альтернативные пути развития. Западная историография Советского Союза делилась на тех, кто видел неразрывную преемственность между Лениным и сталинизмом, и тех, кто, вслед за Троцким, утверждал, что сталинизм отделяет от революции и большевизма «река крови». В своем анализе новой экономической политики 1920-х годов Коэн сместил фокус с борьбы за власть между Сталиным и Троцким на привлекательную фигуру Бухарина, который, в его трактовке, представил более гуманный путь к социализму, чем тот, что в итоге уничтожил изначальное большевистское представление.

Утверждение о разрыве между большевизмом и сталинизмом не только позволяло объяснить последовавшие убийства бывших членов ленинского руководства партии, но и поставило перед советской историографией новые интересные вопросы. Исследование Коэна осталось в основном на уровне описания различий между двумя социально-политическими системами и не содержало полноценного анализа социальной трансформации одной в другую. Но он отверг

аргументы Троцкого и троцкистов о бюрократии как правящем классе или касте и показал, что в условиях личной деспотии Сталина бюрократия вовсе не была правящей. Сталинизм, по мнению Коэна, был чрезмерным и чрезвычайно жестоким политическим ответом на социальный кризис, искусственно созданный Сталиным, и не был ни неизбежным, ни единственно возможным результатом большевизма. Чтобы объяснить, как сталинизм достиг такого размаха, Коэн ссылаясь на Такера и на не имеющее четких критериев понятие русской политической культуры. Возрождение в 1930-е годы русских традиционных ценностей и русского национализма способствовало раздуванию культа личности вождя, который явился одновременно выражением подлинной народной поддержки и религиозных традиций. Сталинизм изначально был катастрофическим революционным переворотом, совершенным государством против общества; по достижении своих целей он превратился в консервативную, застывшую, традиционалистскую систему.

Коэн последовал за Такером в Принстон, где преподавал тридцать лет (до перехода в Нью-Йоркский университет). Обожаемый студентами харизматический преподаватель, на занятиях которого яблоку было негде упасть, он опубликовал ряд провокационных книг, первыми и главными из которых были его обзор западной литературы об СССР «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года» (*Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917*. – New York and Oxford: Oxford University Press, 1985) и сборник статей из *The Nation* на тему актуальной западно-восточной политики «Советикус: американское восприятие и советская действительность» (*Sovieticus: American Perceptions and Soviet*

Стивен Коэн с Александром Яковлевым в ЦК КПСС. Москва, Старая площадь. 1989 г.

Stephen Cohen with Alexander Yakovlev at the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow, Staraya Square. 1989.

Realities. – New York: W.W. Norton, 1985). В начале 1980-х годов он был уже одним из самых заметных публичных интеллектуалов, выступающих с комментариями по советской политике, комментатором CBS, а его тезисы о Бухарине, благодаря счастливому повороту судьбы, приобрели актуальное звучание в контексте реформ Горбачева. «Политическая биография Бухарина» была переведена и опубликована в Советском Союзе, а НЭП на законных основаниях стал вдохновляющим историческим примером для нового направления в советской экономике и политике. 1 мая 1989 года, по личному приглашению генерального секретаря ЦК КПСС,

Коэн вместе с Катриной смотрели праздничную демонстрацию и парад на Красной площади с трибуны Мавзолея Ленина.

Всегда веривший в возможность серьезных реформ в Советском Союзе, Коэн обрел последователей среди западных историков и политологов, как и он, призывавших к смягчению конфронтации в отношениях с СССР. Его взгляды были близки так называемому ревизионистскому направлению в американской советологии, но при этом он яростно критиковал всех, кто избегал обязательного осуждения эксцессов сталинизма, в особенности Большого террора. В свое время он и Такер отредактировали и переиздали стенограмму показательного процесса 1938 года, на котором был осужден Бухарин (*The Great Purge Trial*. – New York: Grosset & Dunlap, 1965), – того самого, который навечно запечатлел Артур Кёстлер в романе «Слепящая тьма». Хотя критики часто называли его апологетом Горбачева или Владимира Путина, Коэн всегда был решительным противником авторитаризма с его насилием и жестокостями и поддерживал различные диссидентские движения в СССР. В целом ряде работ: «Конец молчания: советское общественное мнение без цензуры» (*An End of Silence: Uncensored Opinion in the Soviet Union*. – New York: W.W. Norton, 1982), «Голоса гласности: интервью с горбачевскими реформаторами», совместно с Катриной ванден Хювел (*Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers*. – New York: W.W. Norton, 1989), «Жизнь после ГУЛАГа: возвращение сталинских жертв» (*The Victims Return: Survivors of the Gulag After Stalin*. – Exeter, NH: Publishing Works, 2010), – он неизменно возвращался к теме инакомыслия и судьбы инакомыслящих в Советском Союзе. Он был дружен

с Анной Лариной – вдовой Бухарина, «отсидевшей», как говорят по-русски, в тюрьме и лагере два десятилетия. После ее освобождения Коэн отыскал в архиве и передал ей последнее письмо, которое муж написал ей из тюрьмы.

Неудача, постигшая попытку Горбачева реформировать советскую систему, сохранив Союз и направив развитие страны в социал-демократическое русло, разочаровала и даже привела в уныние многих левых, которые надеялись получить альтернативу и социализму советского типа, и неолиберальному капитализму, правящему бал во многих западных странах. Коэн резко критиковал самозванных «демократов» типа Бориса Ельцина, предавших и отставивших Горбачева, и протестовал против американской и европейской политики по отношению к новой Российской Федерации. В своих книгах и статьях: «Провал крестового похода: Америка и трагедия посткоммунистической России» (*Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. – New York: W.W. Norton, 2000), «Советские судьбы и утраченные альтернативы: от сталинизма до новой холодной войны» (*Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War*. – New York: Columbia University Press, 2009, 2011), «Почему опять холодная война: как Америка потеряла постсоветскую Россию» (*Why Cold War Again: How America Lost Post-Soviet Russia*. – London: I.B. Tauris, 2016), «Война с Россией: от Путина и Украины до Трампа и Рашагейта» (*War with Russia: From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate*. – New York: Hotbooks, 2019), – он снова выступил как диссидент. Его критика в адрес американских журналистов и политологов показалась неприличной и назойливой тем из них, кто с энтузиазмом воспринял постсоветский переход к демократии и

капитализму. Большую часть вины за международный конфликт он возложил на Соединенные Штаты, которые, при всей своей огромной экономической и военной мощи, упустили лучший в современной истории шанс создать более благоприятную международную обстановку.

После того как Ельцин уступил власть Владимиру Путину и разгул демократии и власть олигархов сменились новым авторитаризмом и ростом экономической роли государства, западное мнение развернулось против России и ее правителей. И снова Коэн отказался следовать общим тенденциям и попытался объяснить действия России разумной защитой национальных интересов. Он настаивал, что не конфронтация, а сотрудничество между Востоком и Западом является необходимым условием для мира, процветания, прогресса и даже выживания. Подобно тому, как ранее он выступал против гольх противопоставлений и других вещей, на которых держалась холодная война, в свои последние годы он предупреждал об опасности новой холодной войны. Как столпы американской «реалполитик» Джордж Ф. Кеннан и Генри Киссинджер – не вполне уместная компания для такого приверженца левых взглядов, как Коэн, – он предупреждал о серьезных последствиях, к которым может привести расширение НАТО и изоляция России. Первое весомое свидетельство в пользу его предсказания явила российско-грузинская война 2008 года.

Когда в 2013–2014 годах украинцы вышли на улицы, чтобы выразить недоверие своему правительству, последующие события – взрыв насилия, падение режима, аннексия Крыма – привели к самой жесткой конфронтации между Европой, США и Россией со времен распада СССР. Борьба между Востоком и Западом по поводу судьбы и будущей лояльности Украины разделила не только общественное мнение [США] о

России, но и научное сообщество. Критики Коэна заклеили его «американским прихвостнем Путина» и обвинили в повторении российской политической пропаганды. Коэн возразил в ответ, что видит в Путине рационально действующего лидера, который стабилизировал Россию и действует в интересах своей страны. Встреченная в штыки попытка Коэна усложнить упрощенное восприятие российской политики привела к тому, что ведущая научная организация по изучению России и Восточной Европы, Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, поначалу отказалась принять крупное пожертвование от Катрины ванден Хювел для основания грантового фонда поддержки диссертационных исследований имени Коэна и его учителя Такера. После обмена многочисленными письмами спор удалось уладить полюбовно. Но вред был причинен. Молодым ученым был дан сигнал, что даже в современном мире, мире после холодной войны, инакомыслие имеет свою цену.

Стив Коэн любил цитировать известную шутку юмориста Уилла Роджерса: «Россия – это страна, о которой что ни скажешь, всё – правда. Даже если это ложь. Если это о России». Правительства и их органические интеллектуалы, националисты и защитники одной нации от другой имеют свои интересы в очернении своих соперников на международной арене. Перед учеными же стоит более трудная задача критического изучения устойчивых и общепринятых утверждений об Ином, чужом, непонятном и сложном. В тяжелом политическом климате холодной войны и ее последствий попытки объяснить Россию так, как это пытался делать Коэн, виделись и видятся как рационализация (в обоих смыслах слова) поведения русских. Смелости и прямоте Коэна порой не хватало тонкости в оценках, а его полемический стиль мог гре-

шить преувеличениями. Но то, что он писал или говорил, всегда было результатом его собственного исследования, честного и непредвзятого анализа и внутренней тяги к точности понимания. Им двигала искренняя страсть к правде истории. Как и многие другие историки и специалисты в области славяноведения и восточноевропейских исследований, Стив Коэн с болью относился к тем легкомысленным искажениям и избитым мифам, которыми обросли в общественном восприятии представления о России и Советском Союзе, марксизме, социализме в широком смысле и сложной кухне международных отношений.

Шекспир – если только он не иронизировал и не глумился – был неправ, заявив устами Марка Антония, пришедшего «не славить Цезаря, а хоронить»: «Ведь зло переживает людей, добро же погребают с ними»¹. Ой ли? Разве – по крайней мере, с известными людьми – не наоборот? Во всяком случае, пусть со Стивом Коэном так не будет. В его плодотворной жизни ему сполна досталось и хвалы, и клеветы, но в пору, когда разуменье «к зверям бежало», а люди «утратили рассудок», мужественный образ Стива, идущего против ветра общественного мнения, остается вдохновляющим примером того, какой должна быть критическая наука.

Опубликовано: Slavic Review. Vol. 79, issue 4 (Winter 2020). P. 923–926.

Перевод Ирины Давидян.

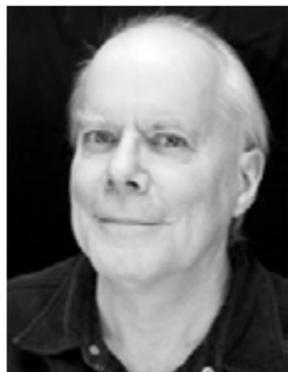
---

¹ Здесь и ниже цитаты из пьесы Шекспира «Юлий Цезарь» даны в переводах М. Зинкевича и М. Столярова. – *Прим. перев.*

Steve Cohen's Legacy: Some Personal Reflections

Lars T. Lih*

In 1977, I had to choose where to go in order to get a doctorate in political science (I was already a decade older than most entering graduate students). I visited many excellent and prestigious schools, but in the end the choice was an easy one: Princeton University in New Jersey (near New York). The reason for this choice was also clear: Princeton was where Robert Tucker and Stephen Cohen taught. As I recall, I first met Bob on my spring visit, but I did not meet Steve until I arrived as a graduate student in the fall of 1977. Nevertheless, I spent the summer reading Steve's classic biography *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, which had only been published three years previously.

Steve was not officially my thesis advisor, but nevertheless I regarded him as one of my central advisors. One of my first graduate seminars at Princeton was his introduction to Soviet politics, which in Steve's case always meant an introduction to Soviet history. I can still remember Steve making a (very) informal poll of seminar participants: what political party would we

---

*Lars T. Lih – professor McGill University (Montreal, Canada).

have supported sixty years earlier in 1917? (Most people chose either Menshevik or Bolshevik; as I recall, I was the only one to say 'Kadet'.) Later on I was an assistant teacher for Steve's hugely popular undergraduate course in Soviet history. One highpoint of the course was always his famous *anekdot* lecture, devoted entirely to the greatest hits of the classic jokes – which he always insisted were so much more than jokes – from the Soviet era. Here Steve let loose his formidable skills as a performer with impeccable comic timing.

Sometimes some seemingly casual advice will have a rather large impact on someone. I will never forget the day when Steve opened a seminar by venting about a conference he had just attended – he wasn't upset about the content of the papers delivered so much as the way they were delivered. Simply reading a long prepared text in a low monotone, no eye (or other) contact with the audience, and on and on – we've all had to sit through them! For me, this admonition – don't be boring! – implied an imperative of involving the audience, as well as of enjoying myself. As Steve said on another occasion, if you didn't enjoy writing something, the reader will sure as hell not enjoy reading it.

As I look back now and try to gauge the huge influence that Steve Cohen had on my work and life, I find it hard to disentangle the shadows of Bob Tucker and Steve Cohen. But this is exactly how Steve himself thought and how he presented his outlook to us. It is impossible to overstate his admiration for Robert Tucker. Often he would talk about 'the Princeton approach' to Soviet history and politics, and set out what he considered to be its essential features. My thoughts here are not based on specific memories of what Steve said on such occasions, but on my own personal reflections on how 'the Tucker-Cohen school' has informed my own scholarly work.

At first, the main link seems to be the biographical approach. After all, Tucker's two-volume biography of Stalin along with Steve's biography of Bukharin remain the standard account of these two leaders. I myself have contributed a much smaller biography of Lenin (Ленин, published by АИРО-XXI in 2020). But on consideration, I see this biographical approach as part of a larger outlook, one that is expressed in the full title of Steve's big book: *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography*. Bukharin and the Bolshevik revolution: two equally important foci.

What are the implications of this double focus? First, an unabashed, unapologetic interest in high politics. The books by Tucker and Cohen are not simply stories about particular individuals – they are also just about the only scholarly narratives in the English language of Soviet high politics throughout the 1920s and 1930s. Academic interests in the last quarter of the twentieth century were largely focused elsewhere than high politics, thus helping to make the 'Princeton approach' distinctive.

Of course, Cohen and Tucker based their books on a strong sense of the *individual* features of Bukharin and Stalin. But perhaps even more fundamental is their insistence on seeing these political leaders *in context*. This imperative was the one my teachers most strongly impressed on me by precept and example. To see an individual political leader in context means, first and foremost, a deep sense of the *history* of Russia and the Soviet Union – hence the William Faulkner aphorism that Steve was so fond of: 'The past is never dead. It's not even past.'

Another necessary context for understanding individuals is *culture*: not only the 'political culture' that Bob Tucker analyzed, but culture more generally. Here is a small story to make a larger

point. I remember, at a scholarly convention a few years back, Steve telling us an *anekdot* about a bird who destroyed himself by flying too high, with the following punchline: Так выпьем же за то, чтобы никто из нас, как бы высоко он не летал, никогда не отрывался бы от коллектива. Every Russian reader will recognize this punchline, very few non-Russian speakers will. Only very recently did I myself realize that it comes directly from the classic Soviet comedy film *Kidnapping Caucasian Style* (*Кавказская пленница*) (1967). This famous toast represents the importance of cultural values in two ways: first, because the film itself is part of a shared culture still today; second, because the attitude toward the *kollektiv* – even slightly satirized, as here – is a deep part of Soviet-era culture. (A question Steve would have liked to explore: to what extent does this attitude survive in post-Soviet, post-socialist Russia?)

A third aspect that Steve was particularly good at bringing out is *the issues of the day* – the debates, the ‘cursed questions’, the hard-to-solve-but-inescapable dilemmas that confront each generation. Steve’s long series of books responding to late Soviet and post-Soviet issues show his sensitivity to this dimension – a sensitivity that comes in large part from simply talking to people and listening to what concerns them.

A final aspect of Steve’s legacy implicit in *Bukharin and the Bolshevik Revolution*: unafraid of tackling of the big interpretive questions. Was Stalinism inherent in October? Was NEP a viable alternative road for Soviet socialism? Was the Soviet Union reformable? These are questions that occupy all of us, although we specialists often shy away from taking them on – but intellectual ‘shyness’ is the last thing we associate with Steve. And there may be a generational divide here; I still remember my focus on such

questions being dismissed as 'quaint' at a conference by a younger scholar.

Steve's big theme was *alternativnost*: the insistence that there always existed choices, that societies are not doomed to follow a path laid down from the beginning. I myself am more inclined toward determinism, but the kind of fine-grain determinism I favor arises from first seeing the alternatives. By the time we have listed all the reasons why *this* alternative was followed instead of *that* one, we have come up with a good determinist explanation. But this kind of alternative-based determinism is the opposite of 'it all started with Marx and/or Lenin' type of lazy determinism.

These larger aspects of Steve's legacy to me as a historian need not necessarily be reflected in large-scale biographies. In my own case, I have focused in large part on the top tier of Bolshevik leaders – Lenin, Kamenev, Zinoviev, Stalin, Trotsky, Bukharin among others – and looked at how they defined the Bolshevik project at various times. My primary interest is their role as authoritative Bolshevik spokesmen, but inevitably I arrive at a strong sense of what kind of people they were as individuals, of how their minds worked. As it turned out, Bukharin himself became more central than I originally planned, because he took on, or was given, the semi-official role of providing the specifically Bolshevik take on the problems of the day and the Bolshevik response to them. As the French scholar Maurice Andrieu points out, 'Bukharin is the main drafter and the main writer of all the communist programs, for Soviet Russia as well as for world communism'. This semi-official role as Bolshevik spokesman is largely distinct from his more direct role as political leader fighting for certain policies, and so my own portrait of Bukharin complements rather than competes with Steve's portrait (not to men-

tion that Steve was directly responsible for the publication of the prison writings, a hugely important source for Bukharin's outlook).

I will conclude these reflections on Steve's personal legacy to me as a writer and historian with an illustrative episode from 1987, when a group of former students of Robert Tucker held a conference in Princeton, New Jersey, devoted to various aspects of the perestroika reforms. This conference, organized by Steve and my fellow graduate student Michael Kraus, seemed an appropriate way to honor Bob, since he and Steve were among the few scholars in the Soviet field who, far from being flummoxed by perestroika, had long brought to our attention the potential for reform in the Soviet Union and – even more surprising to many Western observers – the existence of a large constituency within Soviet society that was ready to support it.

Since I am primarily a historian of the early years of the Soviet period, I was unsure just what I could contribute to discussion of current issues. But Steve had the solution: I was assigned the topic of the reformers' use of NEP as a legitimating symbol. The NEP theme proved to be an extremely rich guide to the debates swirling in the Soviet media that were such a hallmark of the Gorbachev years. In fact, by the time I completed my final version, I was able to add a final section entitled 'The Waning of NEP'. By tracking the use of NEP as a rhetorical theme, I was able to sense what, in hindsight, was the waning of perestroika itself.

Beside Steve's direct involvement in assigning this topic, it seems to me now that the whole project of tracking NEP can be seen as a reflection of Steve's legacy. A hotly debated issue of the day, but one that looked back in an effort to determine the meaning of past experiences and looked forward to the big

choices and the profound self-definition facing Soviet society. A topic that directly involved the бухаринский бум and Steve's own role as the premier authority on one of perestroika's heroes. An episode whose course was determined not only by individual leaders at the top but also by a wide-ranging debate that drew in so many writers, публицисты and historians. And finally, engagement with the issues that Soviet society thought important, not the issues deemed relevant for American foreign policy decisions. Steve's legacy and example is ultimately the attention given to the weaving in and out of past, present and future, as Russia debates its own history, lives it, and makes it.

Post Scriptum: Oddly enough, the most unexpected bond between Steve and myself did not surface until after I had left Princeton. We shared an admiration – indeed, almost a hero-worship – of the great American country and rock-n-roll singer and piano player Jerry Lee Lewis. I envy Steve because he actually talked to Jerry Lee once or twice! Looking back, I can readily understand why neither one of us mentioned our fandom while I was at Princeton: rock-n-roll singers are not the first topic to come up in a graduate seminar on Soviet history. I can't remember now where exactly we discovered our mutual passion – perhaps at a scholarly convention in New Orleans. Later on, I put together a canon of representative examples of the many musical styles performed by Jerry Lee, together with YouTube links to live performances. I sent these links on to Steve, who (I am told) enjoyed them as much as I did.

June 2021

Наследие Стива Коэна: несколько личных соображений

Ларс Т. Ли*

В 1977 году я собирался получить докторскую степень по политологии и должен был выбрать, где (к тому времени я был лет на десять старше большинства студентов-докторантов). Я посетил ряд превосходных и престижных высших учебных заведений, но в итоге с легкой душой остановил свой выбор на Принстонском университете в Нью-Джерси. Причина была проста: в Принстоне преподавали Роберт Такер и Стивен Коэн. С Бобом, помнится, я познакомился весной, во время своего ознакомительного визита, а со Стивом только осенью 1977 года, когда уже стал студентом. Тем не менее, лето я провел, читая его классическую биографию «Бухарин и большевистская революция», которая была опубликована всего тремя годами ранее.

Официально Стив не был моим наставником при подготовке диссертации, но я считаю его одним из главных своих наставников. Среди первых моих семинаров в Принстоне было введение в советскую политику, которое, в случае Стива, всегда означало введение в советскую историю. До сих пор помню (весьма) неформальный опрос, который Стив устроил для участников семинара: окажись вы в 1917 году,

---

* Ларс Ли – американский историк России. В настоящее время преподает в Университете Макгилла (Монреаль, Канада).

Colleagues and students of late Professor Tucker meet at a memorial service. Second row: Stephen Cohen (center); Lars Lih (far left); Alexander Rabinowitch (far right). Princeton University. September 2010.

Коллеги и студенты покойного профессора Роберта Такера встретились для памятной службы. Во втором ряду в центре Стивен Коэн, крайний слева – Ларс Ли, крайний справа – Алекс Рабинович. Принстонский университет. Сентябрь 2010 г.

какую политическую партию вы бы поддержали? (Большинство выбрали меньшевиков или большевиков; я, насколько помню, был единственным, кто ответил: кадетов.) Позже я был помощником преподавателя на суперпопулярном курсе Стива по советской истории. «Коронкой» этого курса неизменно была его знаменитая лекция об анекдотах – классических шутках, которые он всегда считал больше, чем шутками – советской эпохи. Здесь Стив давал волю своим недюжинным артистическим талантам, демонстрируя безупречное владение комическим ресурсом.

Бывает, что брошенный кем-то, казалось бы, случайный совет оказывает очень большое влияние на человека. Я никогда не забуду день, когда Стив начал семинар с возмущения по поводу конференции, в которой он только что принял участие – возмущения, вызванного не содержанием представленных докладов, а способом их представления. Просто зачитывают готовые длинные тексты – не глядя в зал, вообще без всякого контакта с аудиторией, бубнят и бубнят себе под нос – а мы сиди и слушай! Для меня этот наказ: не будь нудным! – означал не только обязательное вовлечение аудитории, но и получение удовольствия от своего дела. Как по другому поводу выразился Стив, если ты не получаешь удовольствие, когда что-то пишешь, то черта с два читатель получит удовольствие, читая это.

Когда я оглядываюсь назад, пытаюсь оценить то огромное влияние, которое оказал на мою жизнь и работу Стив Коэн, я понимаю, насколько тесно переплелись эти две тени: Боба Такера и Стива Коэна. Но именно так думал о своих отношениях с учителем и сам Стив, и так он представлял нам свое мировоззрение. Степень его уважения к Роберту Такеру невозможно переоценить. Он часто говорил о «принстонском подходе» к изучению советской истории и политики и выделял его основные особенности. Мои заметки об этом основаны не на точных воспоминаниях о том, что говорил по этому поводу Стив, а на моих личных размышлениях о том, как повлияла на мою собственную научную работу «школа Такера-Коэна».

На первый взгляд, главным общим звеном представляется биографический подход. Ведь и двухтомная биография Сталина Роберта Такера, и биография Бухарина Стива Коэна ос-

таются классическими описаниями жизни и деятельности этих двух лидеров. Мой собственный вклад в этот жанр куда скромнее: я написал небольшую биографию Ленина (опубликована на русском языке издательством АИРО-XXI в 2020 году). Но, по размышлению, становится понятно, что этот биографический подход есть часть более широкого мировоззрения, отразившегося в полном заглавии главной книги Стива: «Бухарин и большевистская революция: Политическая биография». Бухарин и большевистская революция: два равно значимых фокуса.

Что скрывается за этим двойным фокусом? Во-первых, неприкрытый, беззастенчивый интерес к высокой политике. Книги Такера и Коэна это не просто описания жизни отдельных личностей, это также едва ли не единственные в англоязычной литературе описания советской высокой политики 1920-х – 1930-х годов. В последней четверти двадцатого века интересы академической науки фокусировались где угодно, только не на высокой политике, что делало «принстонский подход» отличным от других.

Безусловно, в основе книг Коэна и Такера лежит глубокое понимание *личностей* Бухарина и Сталина. Но, возможно, более значимым является настойчивое стремление авторов видеть этих политических лидеров в *контексте*. Этот императив есть то, что мои учителя накрепко внушили мне словом и личным примером. Видеть того или иного политического лидера в контексте значит, прежде всего, иметь глубокое понимание *истории* России и Советского Союза – отсюда афоризм Уильяма Фолкнера, который очень любил Стив: «Прошлое не бывает мертвым. Оно еще даже не прошло».

Еще один важный контекст для понимания личности – *культура* и не только «политическая культура», которую

анализировал Боб Такер, но и культура вообще. Вот лишь маленький пример для иллюстрации значимости этого контекста в более широком смысле. Я помню, как несколько лет назад на одной научной конференции Стив рассказал нам советский анекдот про птичку, которая погибла, поднявшись слишком высоко к солнцу, который завершался словами: «Так выпьем же за то, чтобы никто из нас, как бы высоко он ни летал, никогда не отрывался бы от коллектива». Любой русский читатель без труда узнает эту фразу, для нерусского она, скорее всего, не скажет ничего. Я сам лишь недавно узнал, что это шутка из классической советской комедии «Кавказская пленница» 1967 года. Этот знаменитый тост демонстрирует важность культурных ценностей в двух отношениях: во-первых, потому что фильм и сегодня является частью популярной культуры, а во-вторых, потому что отношение к коллективу – пусть и слегка насмешливое, как здесь, – неотъемлемая часть культуры советской эпохи. (Вопрос, который задал бы Стив: в какой степени это отношение сохранилось в постсоветской, постсоциалистической России?)

Третий аспект, на который особенно любил обращать внимание Стив, это *злободневность* – дискуссии, «проклятые вопросы», трудноразрешимые, но требующие обязательного разрешения проблемы, неизбежно встающие перед каждым поколением. Целый ряд книг Стива, в которых он отвечает на злободневные вопросы позднесоветской и постсоветской эпохи, показывает его особую чувствительность к этому аспекту – чувствительность, проистекавшую, по большей части, из его способности разговаривать с людьми и прислушиваться к тому, что их волнует.

Последний аспект наследия Стива, неразрывно связанный с «Бухариным и большевистской революцией», это бесстрашное обращение с большими теоретическими вопросами. Был ли сталинизм неразрывно связан с Октябрем? Был ли НЭП жизнеспособной альтернативой – другим путем, по которому мог пойти советский социализм? Можно ли было реформировать Советский Союз? Это вопросы, которые волнуют всех нас, однако мы, специалисты, часто боимся братья за них – в отличие от Стива; интеллектуальная «робость» – это не про него. Сказывается здесь, похоже, и поколенческий разрыв: помню, на какой-то конференции один молодой ученый отмахнулся как от несущественных от подобных вопросов, сочтя их «забавными».

Главной темой Стива была *альтернативность*: твердое убеждение в том, что всегда и везде существует выбор, что общества не обречены вечно идти одним, единожды проторенным, путем. Сам я больше склонен к детерминизму, но детерминизму того аналитического толка, который возникает из сравнения альтернатив. Только рассмотрев все причины, по которым развитие пошло тем, а не иным путем, мы предлагаем этому хорошее детерминистское объяснение. Этот альтернативно-обоснованный детерминизм не имеет ничего общего с тем слепым детерминизмом, который утверждает, что «всё началось с Маркса и/или Ленина».

Для меня как историка эти главные аспекты наследия Стива не обязательно должны воплощаться в широкомасштабных биографиях. Что касается меня, то в фокусе моего внимания всегда был верхний слой большевистского руководства: Ленин, Каменев, Зиновьев, Сталин, Троцкий, Бухарин и некоторые другие, – и то, как они характеризовали

большевистский проект в разное время. Меня в первую очередь интересует их роль авторитетных лидеров, выступавших от лица большевистской партии, но неизбежно я прихожу к пониманию того, что за люди они были, как работали их мозги. Так получилось, что в центре моего исследования, вопреки первоначальным планам, оказалась фигура Бухарина, поскольку он взял на себя (или получил) полуофициальную роль проводника специфически большевистского видения возникающих проблем и большевистского подхода к их разрешению. Как отмечает французский ученый Морис Андрё, «Бухарин – это главный разработчик и главный автор всех коммунистических программ, написанных как для Советской России, так и для мирового коммунизма». Эта полуофициальная роль рупора большевиков сильно отличается от его вполне официальной и непосредственной роли политического лидера, отстаивавшего определенный политический курс, поэтому мой портрет Бухарина не конкурирует, а дополняет его портрет, созданный Стивом (не говоря уже о том, что именно благодаря Стиву были опубликованы тюремные рукописи – чрезвычайно важный для понимания бухаринского мировоззрения источник).

Я хочу завершить эти размышления о наследии Стива, каким я вижу его для себя как писателя и историка, одним показательным эпизодом 1987 года. Тогда группа бывших студентов Роберта Такера под руководством Стива и моего однокурсника Майкла Крауса организовала в Принстоне конференцию, посвященную различным аспектам советской перестройки. Предполагалось, что это будет конференция в честь Боба, поскольку он и Стив были одними из очень немногих советологов, которые не только не удивились пере-

стройке, но и задолго до нее твердили о наличии потенциала для реформ в Советском Союзе и – что явилось еще большим сюрпризом для западных обозревателей – о наличии внутри советского общества значительного электората, готового поддержать их.

Поскольку я специалист, главным образом, по раннему советскому периоду, я не представлял, в каком качестве могу принять участие в дискуссии о современных событиях. Но Стив нашел решение: мне было поручено рассмотреть вопрос об использовании реформаторами НЭПа в качестве легитимирующего символа. Тема НЭПа оказалась чрезвычайно ценным ключом к дебатам, вовсю кипевшим тогда в советской прессе и бывшим отличительным признаком горбачевской эпохи. На самом деле, к тому моменту, когда я завершил свой доклад, я вполне мог добавить в него финальный раздел под названием «Угасание НЭПа». Проследив использование НЭПа в качестве риторической темы, я смог ощутить то, что было – как я сейчас понимаю – угасанием и самой перестройки. (Мое эссе о перестройке можно найти здесь: <https://core.ac.uk/download/pdf/83128067.pdf>)

Помимо непосредственной причастности Стива к тому, что я получил эту тему, весь этот проект с отслеживанием влияния НЭПа, как мне теперь кажется, может рассматриваться как воплощение наследия Стива. Бурно обсуждаемая тема дня, но, одновременно, с заглядыванием в прошлое – чтобы оценить значимость исторического опыта, и в будущее – чтобы увидеть огромные возможности и задачу глубокого осмысления себя, стоявшие перед советским обществом. Событие, вобравшее в себя «бухаринский бум» и роль самого Стива как наиболее авторитетного специалиста по одному из героев

перестройки. Эпизод, ход которого определялся не только отдельными лидерами наверху, но и широкими дебатами внизу, с участием множества пишущих специалистов, публицистов и историков. И, наконец, привязка к вопросам, которые считало значимыми советское общество, а не тем, которые были важны для американской внешней политики. Наследие Стива и его пример, в конечном счете, это забота о переплетении прошлого, настоящего и будущего, пока Россия обсуждает свою историю, живет ею и делает ее.

P.S. Самая неожиданная связь между мной и Стивом обнаружилась, как ни странно, уже после того, как я покинул Принстон. Нам обоим очень нравился – до степени обожения – великий американский кантри- и рок-певец и пианист Джерри Ли Льюис. Как я завидовал Стиву, что он пару раз живую разговаривал с Джерри Ли! Оглядываясь назад, я вполне понимаю, почему ни он, ни я ни разу не обмолвились об этой нашей общей страсти, пока я учился в Принстоне: рок-певцы не совсем подходящая тема для обсуждения на семинаре старшего курса по советской истории. Даже не помню, где конкретно эта наша общность обнаружилась – возможно, на конференции в Нью-Орлеане. Позднее я сделал подборку из самых показательных выступлений Джерри Ли в различных музыкальных стилях со ссылками на видеозаписи на You Tube. Я послал эти ссылки Стиву, и (как мне передали) они ему понравились так же, как и мне.

Июнь 2021 г.

Перевод Ирины Давидян.

National Figure

Yanni Kotsonis*

Steve was hired to NYU after his time at Princeton. He was a masterful lecturer who packed in 400 students each time he taught his survey of Soviet history, and he helped keep alive Soviet and Russian studies at a time when interest was falling. I admired that. For some of this time I was his chair in the Russian Department, and I worked with him regularly when we founded the Jordan Center and I became the director. I knew him socially.

He was a marvelous colleague, helpful to the Russian Department, to the Jordan Center, and to his colleagues. I can't recall a time when he turned us down. I want this to be known and appreciated. Steve, could you speak at a panel on Russian politics? Of course, he always replied with his gravelly voice, without caveat. Steve, can we arrange a larger public event on Russian politics? Yes, and he brought with him ambassadors and senators and consultants, unprompted. Steve, would you mind retiring so that we can hire a full-time historian of the USSR? Sure, but just make sure they use it for that purpose, otherwise I'll stay and keep the seat warm. I've got your back. I just need an office for

---

* *Yanni Kotsonis* is Professor of History and Professor of Russian and Slavic Studies at NYU.

my books. A few years later: Steve, about that office... No problem, when do you need me to vacate? Steve, we could use some funding for our MA students. How much? Steve, I have a donor who wants to meet you to seal the deal. Let's have Greek, you order, and make sure you bring your father. Steve, do you have a light? He always did.

He had that manner: he sounded brusque unless you were from New York, which he wasn't; he was proud to be «a boy from Kentucky.» I guess he may have sounded abrupt or even abrasive. As I got to know him I realized that he was sincere and well meaning. He had convictions and he argued them. Even in private conversation about third parties with whom he disagreed, he was not contemptuous. He disagreed. It was about ideas. In his famous exchanges with Richard Pipes, he managed to be polite to Richard Pipes.

He carried with him a permanent sense of beleaguerment, and it is true that there were long periods when he was beleaguered. In the 1970s and 1980s, he was an American leftist who thought he was facing a solid wall of conservative critics of the USSR. More recently, he was the rare public intellectual who did not discuss Russia in shrill, contemptuous, and categorical terms. This did not make him less outspoken in public; but he often sat a little to the side at a panel as if to emphasize that he was not part of the orthodoxy (though for a long time he was), hunched and inquiring shoulders asking if he was entitled to his opinions even as his voice carried on with his irrepressible confidence. In private he assumed the look of the enfant terrible, with a mischievous grin, assuming or insisting that his interlocutor agreed with him and was complicit, inviting you to join in a lonely but worthy cause. It made you want to go along for the ride.

He was a liberal to be sure, and he and his wife Katrina invested in basketball clubs in inner cities; Steve played basketball, too. It's his politics for which he was most known, renowned, and notorious. I first read his books, mainly his biography of Bukharin, as an undergraduate in Montreal in the 1980s, and I understood them as a voice of the left. He consolidated a view of the Bolshevik Party and of the USSR as heterogeneous and socially based; he paved the way for a generation of historians though he himself was not a historian. Not all socialism was Stalinism, and even Soviet socialism was not always Stalinism. In hindsight I realize that Steve's texts were radically liberal, an American understanding of the left, more about pluralism and egalitarianism than about class as such.

Then came the 1990s – around when I got to know him – and the social cataclysm of privatization, the declining international standing of the Russian Federation, and finally the international isolation of Russia after 2012 and the obsessive identification of one country with one person, Putin. Somehow conversations about Russia evolved around Putin and civil rights – fair enough – but hardly at all around the tens of millions rendered poor and insecure and who made Putin possible. I think we all dealt with it in different ways; by the mid-2010s many of us went quiet, and I avoided Facebook at all costs.

Not so Steve. Steve had flourished in a different era, and he was something of a national figure with his regular appearances on the CBS Evening News with Dan Rather, something of the national interpreter of things Soviet and then Russian. He had an excellent mind and he was a master of rhetoric. He could speak compellingly to an audience of colleagues and intelligibly to a TV audience at 6:30 p.m. Over time US media attention on Russia

declined. And while many of us went quiet, Steve persisted and sought that national audience just about anywhere he could find it. By the 2010s, the problem was not simply that media attention had declined; any new attention was vapid and simplistic. It was hard to have a conversation about Russia without centering it on Putin; from 2016, Russia was only about election interference. Steve insisted that this was a large country, still geopolitically important, and we would ignore or misunderstand it at our peril. There had to be more to it than what we read in the Times or the New Yorker, which is a narrative of Putin vs the intelligentsia who knew certain journalists – not wrong, but shockingly narrow. Narcissism comes in many forms.

By 2014 or so he was very much a lone voice, in the academy and in the media, and the invitations were fewer. In Russia he was a star, because he was one of the few remaining American public intellectuals who did not make a career of trashing Russia or reducing Russia to one man and his critics; even Russian critics of the regime found in him a voice. He argued, and I think he was right, that we had adopted a new orthodoxy, to the effect that Russia/Putin was inexcusable (fine) but also not in need of serious explanation (not at all fine); and to even explain it in any other terms was retrograde. This was a pity, because whatever one might think of his opinions, he was intelligent. We needed a debate or, as he would have put it, there can't be just one line. I was very pleased to offer him a forum at the Jordan Center. I wish more institutions had done the same: it's better to have the argument than dismiss with a guffaw. Even as Steve's opinions became more singular relative to the academy and the media, my successors Joshua Tucker and Anne Lounsbury insisted that he be given a place to speak – quite brave and correct, it seems to me, especially given that they disagreed.

By that time, in ways that are complicated, Steve had become more of the voice of Russia's image internationally than of the left. Or it was a certain kind of American left. The common criticism of Steve was that he was identifying with Russia as it is now constituted, forced to defend what he might otherwise not have defended. There's a bigger story here about the American left in relation to Russia, I think, and Steve was a part of it. Should Russia be measured by the standards of a progressive (in which case, опять двойка), or did it suffice that a country, any country, had the capacity to act as a check on the US globally (Steve believed that Russia had that capacity). It's a conversation we did not have and I regret that.

If you knew him, he was a dear.

Published: 2020, September 21 www.jordanrussiacenter.org/news/stephen-cohen-1938-2020-professor-emeritus-nyu-russian-and-slavic-studies

Фигура национального масштаба

Янни Коцонис*

В Нью-Йоркский университет Стив пришел после Принстона. Он был превосходным лектором: когда он читал свой курс советской истории, к нему на лекции набивалось по 400 студентов. Благодаря ему россиеведение и славистика

---

* Янни Коцонис – американский историк, профессор истории и профессор россиеведения и славистики Нью-Йоркского университета.

не умерли как науки тогда, когда интерес к этим дисциплинам стабильно падал. Я ценил это. Какое-то время я руководил его русским отделением, а потом мы с ним вместе работали в созданном нами Джордановском центре, где я стал директором. Мы дружили.

Он был чудесным коллегой, всегда готовым помочь русскому отделению, Джордановскому центру, другим сотрудникам. Я не помню, чтобы он хоть раз отказал нам в чем-либо. Я хочу, чтобы это знали и ценили.

– Стив, ты не мог бы выступить на панели, посвященной русской политике?

– Конечно, отвечал он своим хриплым баском, без вопросов.

– Стив, мы можем организовать расширенное публичное мероприятие по русской политике? Да, и сам, без подсказки, приводил с собой послов, сенаторов, советников.

– Стив, ты не хотел бы уже уйти на пенсию, чтобы мы могли взять историка СССР на полную ставку?

– Разумеется, только убедись, что они используют ставку для этой цели, иначе я еще останусь и погрею место. Я тебя не подведу, просто мне нужен кабинет, чтобы держать мои книги. Через несколько лет: Стив, насчет того кабинета... – Нет проблем, когда мне освободить его?

– Стив, надо бы помочь финансово нашим студентам в магистратуре.

– Сколько?

– Стив, у меня есть спонсор, который прежде, чем заключить сделку, хочет встретиться с тобой.

– Давай в греческом, ты заказываешь, и не забудь привести отца.

– Стив, прикурить не найдется?

У него всегда находилось. У него была такая манера: его речь могла показаться грубой, если только вы были не из Нью-Йорка, а он не был, он гордился, что был «парнем из Кентукки». Возможно, для кого-то он был резким и даже колючим. Когда я узнал его, я понял, что он искренний и честный и никому не желает зла. Он имел убеждения и отстаивал их. Даже в частном разговоре о третьих лицах, с которыми он в чем-то был не согласен, он не выражал неуважения – он выражал несогласие. Это всё касалось идей. В своих знаменитых пикировках с Ричардом Пайпсом он ухитрялся быть вежливым.

У него было перманентное ощущение, что вокруг него враги, и в его жизни действительно были периоды, когда на него со всех сторон давили. В 1970–1980-е годы он был американским леваком, который думал, что ему противостоит сплошная стена консерваторов – критиков Советского Союза. В последнее время он был редким публичным интеллектуалом, который мог говорить о России без истерики, без высокомерия и категоричности. Это не делало его публичные выступления менее прямыми и резкими; но за дискуссионным столом он часто сидел немного сбоку, словно подчеркивая, что не является частью ортодоксии (хотя долгое время являлся), сторбившись и приподняв плечи, словно вопрошая, имеет ли он право думать так, как думает, хотя голос его продолжал звучать с победной уверенностью. В частной беседе, не на публике, он изображал «анфан террибля», который, озорно улыбаясь и делая вид (или настаивая), что его собеседник согласен с ним и заодно, приглашал присоединиться к одинокой, но важной миссии. И вам хотелось отправиться с ним.

Вообще-то он был либерал по жизни и вместе с женой Катриной занимался поддержкой баскетбольных клубов в бедных кварталах; Стив и сам играл в баскетбол. Но известность и славу, в том числе худую, ему принесли его политические взгляды. Я впервые прочитал его книги, главным образом, биографию Бухарина, в 1980-е годы, когда учился в университете в Монреале, и в моем понимании они были воплощением левых позиций. Он закрепил взгляд на партию большевиков и Советский Союз как на неоднородные общности, имевшие социальные основания, и проложил путь целому поколению историков, хотя сам историком не был. Не весь и не всякий социализм был сталинизмом, и даже советский социализм не всегда был сталинизмом. Сегодня я понимаю, что произведения Стива были по сути совершенно либеральными; это было американское понимание левой идеи, в котором на первом месте были плюрализм и эгалитаризм, а не интересы класса как такового.

Затем пришли 1990-е годы (примерно тогда мы и познакомились с ним), а с ними – катастрофа приватизации, падение международного статуса Российской Федерации и, наконец, международная изоляция России после 2012 года и навязчивая идея приравнивания целой страны к одному человеку: Путину. Все разговоры о России так или иначе вертелись вокруг Путина и прав человека (что было в целом справедливо), но практически не касались тех десятков миллионов бедных и обездоленных, кто сделал явление Путина возможным. Думаю, мы все по-разному смотрели на эту проблему, однако к середине 2010-х годов многие из нас замолчали; я, например, как мог, старался избегать фейсбука.

Но не Стив. Сформировавшийся и достигший успеха совсем в другую эпоху, Стив, регулярно выступавший в «Вечерних новостях с Дэном Разером» на CBS, был фигурой национального масштаба – своего рода главным американским комментатором советских, а позже российских новостей. Он обладал превосходным умом и был мастером красноречия. Он мог быть убедительным в беседе с коллегами и понятным для телевизионной аудитории в 6:30 вечера. Со временем внимание американских массмедиа к России ослабело. Но, в отличие от многих из нас, Стив не замолчал, он упорно продолжал высказываться, пользуясь любой возможностью донести свое мнение до национальной аудитории. К началу 2010-х годов проблема была уже не только в том, что интерес медиа к России снизился; интерес стал плоским и упрощенным. Практически любой разговор на тему России сводился к Путину, а после 2016 года – к вмешательству в американские выборы. Стив убеждал, что это большая страна, по-прежнему важная в геополитическом отношении, и что игнорирование или недопонимание этого чревато для США опасными последствиями. Тема требовала большего, чем то, что мы читали в *New York Times* или в *New Yorker* – рассказы о Путине, который борется с интеллигенцией и знает некоторых журналистов – вроде бы, всё правильно, но невероятно узко. Нарциссизм имеет разные формы.

К 2014 году его голос был уже очень одиноким голосом, как в академическом мире, так и в массмедиа, и приглашали его все меньше. В России он был звездой, поскольку был одним из очень немногих оставшихся американских публичных интеллектуалов, которые не делали карьеру, поливая грязью Россию или сводя проблему России к противостоя-

нию одного человека и его критиков; даже российские критики режима прислушивались к его мнению. Он утверждал, и я с ним в этом согласен, что у нас сложилась новая ортодоксия, заключающаяся в том, что Россия/Путин настолько плоха, что не заслуживает прощения (ладно), и не нуждается в серьезном объяснении (совсем не ладно), и что попытки говорить о ней в каких-то других терминах являются проявлением ереси и отсталости. Это печально, поскольку как бы кто ни относился к его взглядам, он был думающим человеком. Необходима была дискуссия, или, как сказал бы он, не может быть, чтобы была только одна линия. Я, со своей стороны, был очень рад предложить ему форум в Джордановском центре. Хорошо бы и другие институты в свое время сделали то же самое: лучше спорить, чем отмахиваться и высмеивать. Даже когда взгляды Стива оказались очень далеки от общепризнанных в академическом мире и в массмедиа, мои преемники Джошуа Такер и Энн Лаунсбери добивались, чтобы ему была предоставлена трибуна для выступления – храбрая и правильная позиция, на мой взгляд, особенно, если учесть, что они не были его единомышленниками.

К тому времени, по разным причинам, Стив стал представлять на мировой арене не столько голос левых, сколько образ России. Возможно, это была особая разновидность американской левой идеи. Традиционная критика в адрес Стива заключалась в том, что он, как теперь принято считать, солидаризировался с Россией и был вынужден защищать то, что в иных обстоятельствах защищать бы не стал. Здесь, как я думаю, речь идет о более крупной проблеме – истории отношения американских левых к России, и Стив был лишь частью ее. Нужно ли подходить к России с меркой

прогрессивного реформатора (и в таком случае, «опять двойка») или стоит удовлетвориться тем, что страна, любая страна, обладает потенциальными возможностями, чтобы быть сдерживающим фактором для США на мировой арене? (Стив был уверен, что Россия обладает таким потенциалом.) Это разговор, которого у нас так и не случилось, и я сожалею об этом.

Для тех, кто его знал, он был милейшим человеком.

Опубликовано 21 сентября 2020 г. на сайте Джордановского центра: www.jordanrussiacenter.org/news/stephen-cohen-1938-2020-professor-emeritus-nyu-russian-and-slavic-studies

Перевод Ирины Давидян.

Historian of Soviet Russia

Michael David-Fox^{*}

Stephen F. Cohen, called «the most controversial Russia expert in America» in a 2017 *Chronicle of Higher Education* profile, died on September 18, 2020, at the age of 81. But long before his commentary in outlets such as *The Nation* and CBS brought him public notoriety, he was a maverick in Soviet history during its most formative period in the US academy.

Cohen's landmark book *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938* (Vintage Books, 1973) became central to debates about the New Economic Policy (NEP) and Stalin eras that were long the center of gravity in the field. *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917* (Oxford University Press, 1985) broadened the leitmotif of his work – Bolshevik alternatives to Stalinism – and cemented his own distinct position within what became known as revisionism.

Cohen was a charismatic teacher, a long time proponent of détente and relentless critic of US foreign policy, and a rare academic philanthropist in Slavic studies. He forged a close bond

---

^{*} *Michael David-Fox* is a historian of modern Russia and the Soviet Union, and professor of Georgetown University.

with Bukharin's widow, Anna Larina, giving her an archival copy of the last letter the Bolshevik theoretician wrote to her. A self-styled provocateur in debates at home, Cohen became the confidante of a wide array of gulag survivors, dissidents, intellectuals, scholars, and reformers in the USSR and Russia.

In the 1980s, Cohen became something of a historical figure in his own right as his Bukharin, translated abroad, influenced key Soviet architects of reform. In 1989, Mikhail Gorbachev – later a personal friend of Cohen and Katrina vanden Heuvel, Cohen's second wife and publisher of *The Nation* – invited them to the Lenin Mausoleum to review the May Day parade on Red Square. In that symbolic moment, the scholar occupied the space traditionally studied by Kremlinologists.

Cohen first visited the USSR in 1959 at the age of 19. Raised in Kentucky, versed more in pool and ponies than in politics, he jumped on a month long boat cruise with a group of Fabian Society pensioners. At Indiana University, where he received his BA and MA in 1962, he studied with Robert C. Tucker. After earning his PhD at Columbia University, Cohen joined his mentor Tucker on the Princeton University faculty in 1968. After 30 years, he moved to New York University, where he remained from 1998 until his retirement in 2011, maintaining close ties with Columbia University's Harriman Institute. In a freewheeling 2017 interview with the Harriman Institute's Oral History Project, Cohen recalled how Tucker probed his intellectual and historical outlook to uncover his vocation: «There's your subject. The great unexplored topic, very few of us work on it – alternatives in Soviet history.»

Bukharin opened up the field precisely because the dominant «totalitarian school» had posited inexorably direct lines between

Leninism and Stalinism. But Cohen's work also delved in revelatory ways into the political, ideological, and economic debates of NEP. Cohen's fierce anti-Stalinism and focus on political history led to disagreements with a generation of revisionist social historians who posited support for Stalinism «from below» and explored new types of continuities between the 1920s and 1930s. Many of Cohen's nine other books and edited volumes explored alternatives, dissenters, and the friends and foes of reform in later periods.

When I took Cohen's Soviet Politics course at Princeton in 1984, he held an auditorium of 400 undergraduates spellbound. I myself dissented from his counterfactual approach. But students debated it intensively as Cohen conveyed the high stakes and broad cultural-historical understanding of Russia/USSR needed to join the conversation. That course prompted me to pursue a career in Russian history.

In the 2010s, Cohen became controversial on a much broader scale for disturbing stances on Crimea, Putin, and Trump. He was publicly vilified, and the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies initially rejected a gift from vanden Heuvel and Cohen to fund dissertation research in Russian historical studies. But the uproar caused them to reverse course, to found the Cohen-Tucker Fellowship Program in 2015. It was not our finest hour. Even if many vehemently opposed his late political views, Stephen F. Cohen had surely earned the right to speak and to support future scholarship in the field.

Published: Perspectives on History. 2020, November 11. [https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/december-2020/stephen-f-cohen-\(1938-2020\)](https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/december-2020/stephen-f-cohen-(1938-2020)).

Историк советской России

Майкл Дэвид-Фокс*

Стивен Коэн – «самый противоречивый эксперт по России в Америке», по версии журнала *Chronicle of Higher Education* (2017), умер 18 сентября 2020 года в возрасте 81 года. Но задолго до того как его комментарии в таких средствах выражения мнений, как *The Nation* и *CBS*, принесли ему противоречивую славу, он был вольнодумцем в области советской истории в тот период, когда эта сфера академического знания США переживала важные перемены.

Прорывная книга Коэна «Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938» (Vintage Books, 1973) оказалась в центре дебатов о новой экономической политике и сталинской эпохе, бывших долгое время приоритетными в советской истории. Работа «Переосмысливая советский опыт: Политика и история с 1917 года» (Oxford University Press, 1985) расширила лейтмотив его исследований – большевистские альтернативы сталинизму – и закрепила его особую, отличную от других, позицию внутри явления, получившего название ревизионизм.

Коэн был харизматическим преподавателем, убежденным сторонником разрядки и беспощадным критиком американской внешней политики, а также редким в академической

---

* Майкл Дэвид-Фокс – американский историк, специалист по истории России, профессор Джорджтаунского университета (Вашингтон).

славистике филантропом. Он завязал тесные дружеские отношения с вдовой Бухарина, Анной Лариной, передав ей архивную копию последнего письма, которое видный теоретик большевизма написал ей в тюрьме. Вольный и невольный провокатор споров у себя на родине, в СССР и России, Коэн стал доверенным лицом широкого круга бывших гулаговцев, диссидентов, интеллектуалов, ученых и реформаторов.

В 1980-е годы Коэн и сам превратился в полноправную историческую фигуру, когда его «Бухарин», переведенный и изданный в ряде стран, оказал немалое влияние на архитекторов советской перестройки. В 1989 году Михаил Горбачев – позже ставший личным другом Коэна и его второй жены, издателя *The Nation* Катрины ванден Хювел, – пригласил их посмотреть парад на Красной площади с трибуны Мавзолея. Это был символический момент: ученый, исследователь советской истории, оказался в том месте, которое всегда так пристально изучали кремленологи.

Коэн впервые посетил СССР в 1959 году, когда ему было 19 лет. Выросший в штате Кентукки и разбиравшийся в таких вещах, как пул и пони, лучше, чем в политике, он спонтанно отправился в месячный круиз в страну Советов в компании британских пенсионеров-социалистов. В Индианском университете, где он получил свои бакалаврскую и магистерскую степени, он учился у Роберта Такера. В 1968 году, защитив докторскую диссертацию в Колумбийском университете, Коэн вслед за своим учителем Такером перешел в Принстон, где преподавал 30 лет. В 1998 году он перешел из Принстона в Нью-Йоркский университет, где проработал до своей отставки в 2011 году, продолжая поддерживать тесные связи с Институтом Гарримана при Колумбийском университете.

В свободном интервью, записанном в 2017 году для «Проекта устной истории» института, Коэн рассказал, как Такер спрашивал его о разных вещах, пытаясь нащупать профессиональное призвание: «Вот твой предмет. Большая, неисследованная тема, над которой мало кто у нас работает: альтернативы в советской истории».

«Бухарин» открыл эту область как раз потому, что доминировавшая в то время «тоталитарная школа» напрямую безальтернативно связывала ленинизм и сталинизм. Помимо этого работа Коэна содержала еще много нового относительно политических, идеологических и экономических дискуссий эпохи НЭПа. Пламенный антисталинизм Коэна и фокус на политической истории привели его к разногласиям с поколением социальных историков-ревизионистов, которые исходили из наличия у сталинизма социальной поддержки «снизу» и занимались поиском новых видов преемственности между 1920-ми и 1930-ми годами. Из девяти других монографий Коэна и книг под его редакторством многие были посвящены исследованию альтернатив, диссидентству, сторонникам и противникам реформ более поздних периодов.

В 1984 году, когда я записался к Коэну на курс советской политики в Принстоне, в аудиторию набивалось по 400 человек, и студенты внимали ему как замороженные. Я лично не был согласен с его контрфактическим подходом. Но студенты на его занятиях много и активно об этом спорили, а сам Коэн держал высокую планку, давая понять, каким широким культурно-историческим пониманием России/СССР надо обладать, чтобы вступить в дискуссию. Тот курс подтолкнул меня профессионально заняться историей России.

В 2010-е годы противоречивость фигуры Коэна вышла на новый уровень из-за его подрывающих общественное согласие позиций по Крыму, Путину и Трампу. Он подвергся публичной травле, а Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES) поначалу даже отвергла пожертвованную Коэном и ванден Хювел сумму для поддержки диссертационных исследований по российской истории. Однако поднявшийся шум заставил их пересмотреть решение, и в 2015 году программа стипендий имени Коэна-Такера заработала. Для нас как сообщества это был не лучший момент. Даже если многие решительно не разделяли его политических взглядов в последнее время, Стивен Ф. Коэн несомненно заслужил право говорить и поддерживать будущее нашей науки.

Опубликовано 30.11.2020 в журнале Американской исторической ассоциации Perspectives on History: [https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/december-2020/stephen-f-cohen-\(1938-2020\)](https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/december-2020/stephen-f-cohen-(1938-2020))

Перевод Ирины Давидян.

Stephen Cohen obituary

Jonathan Steele*

US historian who argued that the Soviet Union could have been reformed and need not have ended when it did.

The scholar of Russian history and politics Stephen Cohen, who has died aged 81 of lung cancer, challenged the orthodox western analysis of the Soviet Union and post-Soviet affairs. In his magisterial book *Soviet Fates and Lost Alternatives* (2009), he demolished the claim that Leninism led inevitably to totalitarian dictatorship under Stalin and that the Soviet system of one-party rule and state ownership of property could never be reformed.

He cited three periods when developments could have gone differently from what actually happened: in the late 1920s, when debates within the Politburo came to a head over the New Economic Policy (NEP), which allowed for private enterprise and ownership of land and property; in the early 60s, when Nikita Khrushchev launched key political reforms; and in 1990 and 1991, after Mikhail Gorbachev introduced a mixed economy and social

---

* *Jonathan Steele* is a British journalist, columnist, and writer. He has worked for the Guardian since 1965.

democratic solutions based on political pluralism in place of the Communist party's monopoly of power.

With his sense of humour, gravelly voice and iconoclastic arguments, Cohen entranced generations of students from his academic perch at Princeton University for the three decades from 1968, in which he rose to be professor of politics and Russian studies, and then at New York University (1998–2011).

He wrote a column in the *Nation*, under the byline *Sovieticus* from 1982 to 1987 and in recent years guested on a weekly radio broadcast on Russian-American relations, which he feared were leading to a new cold war. He blamed Bill Clinton and policy-makers in Washington for failing to include Russia in a new European order after the Soviet Union came to an end and for expanding Nato eastwards in a spirit of «we won» triumphalism. George W. Bush and Barack Obama compounded the failure by siting US anti-ballistic missile systems on Russia's borders.

During the Soviet period Cohen was unusual among western specialists on Russia in having friends among dissidents as well as reformist intellectuals in the Moscow thinktanks. His book *The Victims Return* was based on interviews with dozens of survivors of Stalin's labour camps about their problems in returning to freedom.

Amid the new freedoms permitted by Gorbachev after 1985, Cohen and his wife, Katrina vanden Heuvel, the publisher and editor of the *Nation*, made frequent long trips to Moscow and got to know the new Soviet leader personally. At one of the last May Day celebrations in Red Square, Gorbachev invited them both to stand beside the Lenin mausoleum to watch the parade. On Cohen's death the former Soviet president sent Vanden Heuvel a tribute about her husband, saying: «He was one of the closest

With Mikhail Gorbachev at «Literaturnaya gazeta» (Literary Newspaper). Moscow. 1992.

С Михаилом Горбачёвым в редакции «Литературной газеты». Москва. 1992 г.

people to me in his views and understanding of the enormous events that occurred in the late 80s in Russia and changed the world. Steve was a brilliant historian and a man of democratic convictions. He loved Russia, the Russian intelligentsia and believed in our country's future.»

A Russian version of Cohen's 1973 biography of Nikolai Bukharin, a brilliant young Bolshevik who championed the NEP in the 20s, was later published in Moscow and had a wide readership amid new interest in Bukharin's liberalising ideas. Gorbachev told Cohen he had learned much from the book.

Discussion of the NEP was banned in the Soviet Union after Stalin changed course and embarked on the forced collectivization of agriculture. Bukharin was arrested and shot after long interrogations and a show trial in Moscow.

During his 70s researches Cohen had tracked down and met Bukharin's widow, Anna Larina, and they became friends. She appointed Cohen as proxy to examine the archives for her husband's papers.

Born in Indianapolis, Stephen was the older of two children of Marvin Cohen and his wife, Ruth (nee Frand). His father owned a jewellery shop and a golfcourse in Hollywood. Stephen went to school in Owensboro, Kentucky, and then to Pine Crest school, Fort Lauderdale, Florida, which he left in 1956.

As an undergraduate at Indiana University he went to Britain on a study-abroad scheme and then on a 30-day trip to the Soviet Union. Intrigued by what he saw, he abandoned plans to become a professional golfer and took up Russian studies. He earned a bachelor's degree in economics and public policy (1960) and a master's in Russian studies (1962). He went onto Columbia University and gained a PhD in 1969 with a dissertation on Bukharin's economic thinking.

In 1962 he married an opera singer, Lynn Blair, but the marriage ended in divorce. He and Katrina married in 1988.

It was Cohen's early work on Bukharin that led him to the themes that became central to his preoccupations: was the Soviet Union reformable and why did it come to an end? He did not agree with the consensus among western analysts who, with the advantage of hindsight since 1991, claimed that the Soviet Union was doomed to die. He took particular issue with the view that

the Soviet Union had come into existence in an illegitimate way in 1917 and had committed so many crimes that it could never become a democracy.

Cohen called himself a «boy from Kentucky» who had accepted segregation until adulthood. He suggested that the gap between the Soviet Union's professed ideals and Soviet reality was comparable to the long US history of tolerating slavery and discrimination while professing democracy. If the US could change, so could the Soviet Union.

Cohen challenged other arguments. To those who said the Soviet system was unreformable because the communist ruling class would never permit changes that threatened its power, Cohen pointed out that Gorbachev's main reforms, the introduction of contested elections and the abolition of the party's monopoly of power, were ratified in the politburo, central committee and two party congresses.

To those who argued that the Soviet system was swept away by a popular revolution from below, Cohen replied that there was no such anti-Soviet movement. The evidence from public opinion surveys up to 1991 was that many Soviet citizens continued to oppose free-market capitalism and to support basic features of the Soviet system, such as public ownership of large industries.

As for the fate of the multi-national federation, Cohen argued that as late as November 1991, during negotiations with Gorbachev, Boris Yeltsin, the Russian president, was expressing support for a new kind of union. Three weeks later he invited the presidents of Ukraine and Belarus to join him in declaring the Soviet Union dead. So it was destroyed by personal ambition in a coup d'état. It did not implode or fall apart.

Cohen's last book, *War With Russia?*, published last year, was a collection of articles and broadcasts from the previous five years during the time when US-Russian relations descended into name-calling. He described himself as an «American patriot» who wanted to see a partnership between the US and Russia to tackle common threats, such as international terrorism.

He passionately opposed what he felt was blind anti-Russian hysteria and the demonization of Vladimir Putin. «In the three cases widely given as examples of Putin's 'aggression' the evidence points to US-led instigation,» he wrote. The proxy US-Russian war in Georgia in 2008 was started by the US-backed Georgian president who had been encouraged to aspire to Nato membership. The crisis and war in Ukraine resulted from Washington's long-standing effort to bring that country into Nato despite Ukraine's shared civilization with Russia.

Putin's intervention in Syria was done on a valid premise: to defeat the Islamic State group after Obama refused to join Russia in an anti-Isis alliance.

Cohen was often denounced as «Putin's Number One American apologist». Yanni Kotsonis, a colleague at New York University, summed up Cohen's life differently: «He was one of the few remaining American public intellectuals who did not make a career of trashing Russia or reducing Russia to one man and his critics.»

Cohen is survived by Katrina, his children, Andrew and Alexandra, from his first marriage, and Nicola from his second; four grandchildren, and a sister, Judith

Published: Guardian. 2020. October 13: <https://www.theguardian.com/education/2020/oct/13/stephen-cohen-obituary>

Некролог для газеты «Гардиан»

Джонатан Стил*

Американский историк, который утверждал, что Советский Союз был реформируем и не имел оснований для кончины в 1991 г.

Ученый, специалист по русской истории и политике, Стивен Коэн, умерший в 81 год от рака легких, бросил вызов ортодоксальной западной аналитике в области советской и постсоветской истории. В своей авторитетной книге *Soviet Fates and Lost Alternatives* (2009) он опроверг утверждение, что сталинская тоталитарная диктатура была неизбежным следствием ленинизма и что советская система однопартийного руководства и государственной собственности не предполагала возможности реформ. Он назвал три периода, когда события могли пойти по другому пути, отличному от того, что случилось на самом деле: 1920-е годы, когда споры вокруг новой экономической политики (НЭП), разрешившей частную собственность и частное предпринимательство, привели к кризису в Политбюро; начало 1960-х годов, когда Никита Хрущев инициировал серьезные политические реформы; и 1990–1991 годы, когда в результате реформ Михаила Горбачева в стране установились смешанная экономика и политический плюрализм, пришедший на смену монополии КПСС на власть.

---

* *Джонатан Стил* – британский журналист и публицист, заместитель редактора отдела международной информации газеты *The Guardian*.

Своим чувством юмора, низким, хриплым голосом и разбивающими устои аргументами Коэн завораживал поколения студентов сначала в Принстоне, где он за три десятилетия с 1968 года вырос до профессора политики и руссиеведения, а затем в Нью-Йоркском университете (1998–2011).

В 1982–1987 годах под псевдонимом *Sovieticus* он вел персональную колонку в *The Nation*, а в последние годы – еженедельную программу на радио, посвященную российско-американским отношениям, в которых видел угрозу новой холодной войны. Он обвинял Билла Клинтона и политиков в Вашингтоне в том, что после прекращения существования Советского Союза они не сумели включить Россию в новый европейский порядок. Вместо этого, движимые духом триумфализма, они принялись расширять НАТО на восток, а Джордж Буш-младший и Барак Обама усугубили ситуацию, разместив на границах России американские системы ПРО.

В 1970–1980-е годы Коэн отличался от других западных специалистов по России тем, что имел друзей как среди советских диссидентов, так и среди московских интеллектуалов-реформаторов. Его книга «Жизнь после Гулага» (*The Victims Return*) была написана на основе многочисленных интервью с выжившими жертвами сталинских лагерей и их рассказов о трудностях возвращения к свободной жизни.

В условиях дозволенных Горбачевым свобод после 1985 года Коэн и его жена Катрина ванден Хувел, издатель и главный редактор *The Nation*, стали часто и подолгу бывать в Москве и лично познакомились с новым советским лидером. Горбачев пригласил их в качестве гостей на одно из последних празднований Первомая на Красной площади, и они смотрели парад с гостевой трибуны рядом с Мавзолеем Ле-

нина. В соболезновании по случаю смерти Коэна, присланном Катрине ванден Хювел, бывший советский президент написал: «Он был одним из самых близких мне людей по взглядам, пониманию смысла тех огромных событий, которые произошли в конце 80-х в России и изменили мир. Стив был блестящим историком, человеком демократических убеждений. Он любил Россию, российскую интеллигенцию, верил в будущее нашей страны».

Русский перевод книги Коэна 1973 года о Николае Бухарине, выдающемся молодом большевике, отстаивавшем в 1920-е годы идеи НЭПа, позже был опубликован в Москве и пользовался большой популярностью на фоне вновь возникшего интереса к бухаринским идеям либерализации экономики. Горбачев сказал Коэну, что многое почерпнул из его книги.

Дискуссия о новой экономической политике в Советском Союзе оказалась свернута, после того как Сталин взял курс на принудительную коллективизацию сельского хозяйства. Бухарин был арестован и, после долгих допросов и показательного процесса в Москве, расстрелян.

В 1970-е годы, в ходе своей исследовательской работы, Коэн познакомился с вдовой Бухарина, Анной Лариной, и они стали друзьями. Она назначила его своим представителем в работе с архивными документами мужа.

Родившийся в Индианаполисе, Стивен Коэн был старшим из двух детей Марвина Коэна и его жены Рут (урожденной Франд). Марвин Коэн владел ювелирным магазином и полем для гольфа в Голливуде. Стивен пошел в школу в Оуэнсборо, штат Кентукки, затем учился в школе Пайн Крест (Форт Лодердейл, штат Флорида), которую закончил в 1956 году.

Во время учебы в Индианском университете он поехал по программе зарубежного образования в Великобританию, а оттуда – в 30-дневную поездку по Советскому Союзу. Заинтригованный увиденным, он отказался от планов стать профессиональным гольфистом и решил заняться изучением России. Он получил степень бакалавра по экономике и государственной политике (1960) и магистра – по изучению России (1962). В 1969 году он защитил диссертацию об экономических взглядах Бухарина в Колумбийском университете и получил степень доктора философии.

В 1962 году он женился на оперной певице Линн Блэр, но их брак закончился разводом. На Катрине ванден Хювел он женился в 1988 году.

Именно с ранней работы Коэна о Бухарине начался его интерес к темам, ставшим впоследствии центральными в его научной работе: можно ли было реформировать Советский Союз и почему его, в конце концов, не стало. Он не согласился с большинством западных аналитиков, которые после 1991 года, пользуясь преимуществом ретроспективной оценки, в один голос заговорили о том, что Советский Союз был обречен на смерть. Особенно резко он выступил против той точки зрения, что Советский Союз возник в 1917 году нелегитимным путем и совершил так много преступлений, что никогда не смог бы стать демократией.

Коэн называл себя «парнем из Кентукки», который вырос с представлением о [расовой] сегрегации как о чем-то естественном. Он предположил, что разрыв между исповедуемыми в Советском Союзе идеалами и советской действительностью был сравним с тем, что на протяжении долгого времени был характерен для Соединенных Штатов, которые

исповедовали демократию, но мирились при этом с рабством и дискриминацией. Если США смогли измениться, значит, смог бы и СССР.

Оспаривал Коэн и другие утверждения. Тем, кто говорил, что советская система была нереформируемой, потому что правящий коммунистический класс никогда не допустил бы изменений, представлявших угрозу его власти, Коэн отвечал, что главные реформы Горбачева – введение конкурентных выборов и отмена партийной монополии на власть – были ратифицированы Политбюро, Центральным Комитетом и двумя съездами компартии.

Тем, кто утверждал, что советская система была сметена революцией снизу, Коэн возражал, что в стране не было антисоветского движения таких масштабов. По данным исследований общественного мнения, вплоть до 1991 года многие советские граждане выступали против рыночного капитализма и продолжали поддерживать базовые составляющие советской системы, такие, например, как государственная собственность в сфере крупной промышленности.

Что касается судьбы многонациональной федерации, Коэн утверждал, что еще в ноябре 1991 года во время переговоров с Горбачевым российский президент Борис Ельцин высказывался в поддержку новой формы союза. Три недели спустя он пригласил президентов Украины и Беларуси подписать соглашение, декларирующее роспуск Советского Союза. То есть, Союз, павший жертвой личных амбиций, был уничтожен в результате государственного переворота, а не рухнул и не развалился.

Последней книгой Коэна стала опубликованная в прошлом году «Война с Россией?» (*War with Russia?*) – сборник

Дети и внуки собрались на день рождения Стивена. Слева направо: Ника, Брендон, Эндрю, Лукас, Саманта, Александра, Лиана. 2011 г.

A gathering of Stephen's children and grandchildren at his birthday party. Left to right: Nika, Brandon, Andrew, Lucas, Samantha, Alexandra, Liana. 2011.

его статей и выступлений на радио за предыдущие пять лет, когда отношения между США и Россией свелись до уровня личных оскорблений. В ней он выступил, по его собственному выражению, как «американский патриот», который хотел бы видеть США и Россию партнерами в деле борьбы с общими угрозами, такими как международный терроризм.

Он с жаром выступал против того, что называл слепой антироссийской истерией и демонизацией Владимира Путина. «В тех трех случаях, которые широко подаются как

примеры путинской “агрессии”, везде налицо подстрекательство со стороны Соединенных Штатов», – написал он. Американо-российская прокси-война в Грузии в 2008 году была начата поддерживаемым Соединенными Штатами грузинским президентом, которому пообещали членство в НАТО. Кризис и война на Украине стали результатом многолетних усилий Вашингтона по перетягиванию этой страны в орбиту НАТО, вопреки цивилизационной общности с Россией.

Путинская интервенция в Сирии имела веское основание: необходимо было уничтожить группировку Исламского государства, а Обама отказался принять Россию в антиигиловский альянс.

Коэна часто называли «американским апологетом Путина номер один». Янни Коцонис, коллега Коэна по Нью-Йоркскому университету, подвел итог его жизни иначе: «Он был одним из очень немногих оставшихся американских публичных интеллектуалов, которые не делали карьеру, поливая грязью Россию или сводя проблему России к противостоянию одного человека и его критиков».

У Коэна остались жена Катрина, дети – Эндрю и Александра от первого брака и Никола от второго, четверо внуков и сестра Джудит.

*Опубликовано 13 октября 2020 г. на сайте газеты The Guardian:
<https://www.theguardian.com/education/2020/oct/13/stephen-cohen-obituary>*

Перевод Ирины Давидян.

Stephen F. Cohen Helped Us Understand the Russian Revolution and Nikolai Bukharin

Kevin Murphy*

Stephen Cohen, who passed away earlier this year, resisted ideological conformity at every turn. The great historian of Nikolai Bukharin and the Russian Revolution left behind a deep body of work that will remain invaluable for generations of socialists to come.

Stephen Cohen, historian of the Russian Revolution and commentator on Russian-American relations, passed away earlier this year.

His most important and enduring contribution was a groundbreaking 1973 biography of Nikolai Bukharin. Cohen was born in 1938, the same year Bukharin was executed by Stalin, and his work encouraged socialists and historians to engage with both the neglected legacy of one of the true geniuses of the Russian Revolution and larger interpretive questions about the rise of Stalinism.

Taking issue with the anti-Communist narrative of the Russian Revolution leading inexorably to Stalinism, Cohen argued

---

* *Kevin J. Murphy* is a historian of Russia and associate lecturer at the University of Massachusetts, Boston.

that Bolshevism «was a diverse movement» with «endless disputes over fundamental issues.» The 1920s was a «golden era» of Marxist thought, with «contrary theories and rival schools.» Bukharin, «rightly considered the favorite of the whole party,» according to Lenin, was at the center of many of these controversies. More than a political biography, Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938 offered «a way of reexamining the Bolshevik revolution» and the formative years of Soviet history.

Unearthing the Real Bukharin

At age seventeen, Bukharin joined the Bolsheviks during the 1905 Revolution and helped rally Moscow youth groups into a city-wide organization. Along with fellow students Valerian Osinsky and Vladimir Smirnov, he spearheaded «theoretical raids» at Moscow University seminars, putting forward Marxist critiques against liberal professors. He was also involved in the workers' movement and by age twenty was elected to the Bolshevik Moscow Committee.

Bukharin made his mark, however, as an economist and theoretician. The free enterprise system analyzed in *Capital* had undergone profound changes that he examined in *Imperialism and World Economy*. Influenced by Rudolf Hilferding's *Finance Capital*, Bukharin described how free competition of early capitalism was supplanted by «monopoly alliances of entrepreneurs» in which «state capitalist trusts» of «several hundred billionaires and millionaires hold in their hands the fate of the whole world.» During the war, state power was «sucking in almost all branches of production» and «more and more became a direct exploiter, organizing and directing production as a collective capitalist.»

But the major issue that placed the rising young star at loggerheads with Lenin was over the Marxist theory of the state. Several European Marxists, including Anton Pannekoek and Zeth Höglund, had rehabilitated the anti-statism of Marx, while Bukharin became the first Bolshevik to do so in his *Toward a Theory of the Imperialist State*. Lenin refused to publish the essay and accused Bukharin of «semi-anarchism» for advocating the «exploding of the state.» Bukharin complained to Lenin of rumors that the leader had surrounded himself with an obsequious coterie (presumably Lev Kamenev and Grigory Zinoviev) and would not tolerate anyone «with brains.»

When Bukharin returned to Moscow in May 1917, Nadezhda Krupskaya's first words to him were that Lenin «no longer has any disagreements with you on the question of the state.» Lenin had undertaken his own research on Marxism on the State before he returned to Russia that would guide much of his 1917 strategy. Lenin's arguments for insurrection were seen by many of his lieutenants, including Kamenev and Zinoviev in Petrograd and Viktor Nogin in Moscow, as «almost a betrayal of accepted Marxist ideology» according to Bukharin. Cohen posits that Lenin relied on new leaders such as Leon Trotsky and Interdistricters in Petrograd and Bukharin and young Moscow Lefts to overcome the Bolshevik rightwing and push his party toward the October Revolution later that year.

In early 1918, Bukharin headed «the largest and powerful Bolshevik opposition in the history of the Soviet Union.» Bukharin and his young Moscow comrades inspired the Left Communists to oppose the peace treaty with Germany, calling for a guerilla «holy war against militarism and imperialism» and produced their own journal, *Kommunist*. The future defender of «socialism in one country» was the most resolute internationalist, asserting that it was their duty to aid the fledgling European rebellion that was under way in Berlin, Vienna, and Budapest.

With the young Soviet state's resources stretched and a population eager for peace, support for the Left Communists quickly melted, but the faction persisted in defending their differences with Lenin over the transition to socialism. With the economic catastrophe worsening, Lenin called for an end to nationalizations, giving commissars «dictatorial powers,» technical and financial collaboration with capitalists, and increased labor disci-

pline to restore productivity (supplanting workers' control in the process). Bukharin reviewed Lenin's *State and Revolution* enthusiastically in *Kommunist*, with its repudiation of bureaucratic political and economic authority. For Bukharin and the Left, Lenin's volte-face represented an abandonment of the ideals of the «commune state.»

Cohen describes Bukharin's 1920 *Economics of the Transition Period* as his «ode to war communism.» During the Civil War, it provided «a theoretical justification of voluntarism and social leaps,» as well as coercion against the peasantry to feed the Red Army. Bukharin claimed there was «a struggle between the organizing tendencies of the proletariat and the commodity-anarchical tendencies of the peasantry.» With the Civil War over and the Soviet Union ravaged by economic catastrophe and famine, Bukharin revised his earlier positions. Within a year, he argued that this same working class itself «has been peasantized» and later would assert that war communism had been a «caricature of socialism.»

Lenin's more lenient New Economic Policy (NEP), introduced in 1921, emphasized persuasion instead of coercion and encouraged peasants to cultivate their own land and to sell their produce on the market. Bukharin was Lenin's closest collaborator after his second stroke at the end of 1922. By April 1923, Bukharin had become «the most convinced and consistent defender» of the *smychka* («alliance») between the working class and peasantry and advocate of the NEP. Citing Lenin's last five articles before his January 1924 death, Cohen shows that Bukharin reiterated arguments initially made by the Bolshevik leader. Lenin warned against «exaggerated revolutionism» and the need for a

«reformist, ' gradualist, cautiously roundabout method of activity of economic construction.»

To get the entire population participating in cooperatives, posited Lenin, would take a «whole historical epoch,» at best, «one or two decades.» Collaboration between the working class and the peasantry was crucial, as a split «would be fatal for the Soviet Republic.»

Central to Bukharin's vision of the worker-peasant smychka was lowering industrial prices for peasants as consumers. Instead of focusing on production, as had the Preobrazhensky and the forces now on the party's left, Bukharin envisioned expanding peasant demand as the driving force to stimulate all branches of industry. Bukharin's call for peasants to «enrich themselves» was aimed at the middle peasants, «the most important stratum» that had to be won by Soviet power.

The task was to pull the lower strata up through increasing output, rather than have them dwell in «equality in poverty.» Above all, Bukharin maintained the transition to socialism should not be «parasitic» based on «socialist primitive accumulation» and the rapid transfer of surplus from the country side to the cities, as suggested by Preobrazhensky, since this would endanger the smychka and the Bolshevik government's very survival.

Bukharin himself had used the term «socialist primitive accumulation» in his 1920 *Economics of the Transition Period*, but Cohen did not include Lenin's commentary that this was «extremely unfortunate. A childish game in its imitation of terms, used by adults.» Given the brutal historical role that «primitive capitalist accumulation» had played in the early development of capitalism, it was preposterous to suggest that either the workers

or peasants should be exploited under a workers' state. Similarly, Bukharin himself later criticized Preobrazhensky's method of treating the peasantry as objects outside the early socialist system, to be manipulated in the state's interests in collectivization and forced industrialization.

With rising urban unemployment and without foreign investment, the late NEP crisis renewed the economic conundrum of how an isolated Soviet Union was to pay for further industrial expansion beyond the recovery of the early NEP. When Great Britain broke off diplomatic relations with the Soviet Union in 1927, an exaggerated war scare ensued and brought Bukharin much closer to the Left on the need for increased state planning and spending on heavy industry. But as Bukharin asked, «the major problem: how is a poverty-ridden country to scrap together the abundant capital for industrialization?»

As Mike Haynes has argued, no democratic solution was possible for overcoming economic backwardness. Bukharin advocated a policy of a modest «belt-tightening» that included increased labor productivity. The Left favored increased taxation of so-called kulaks («wealthy peasants») and NEPmen (businessmen). Cohen points out that both strategies were framed within the confines of the NEP and both were far less draconian than Stalin's ultimate solution of war against the entire peasantry and working class to pay for industrialization. As Cohen asserted, Bukharin and the Left «fought over principles while an intriguer gradually acquired the power to destroy them all.»

Cohen pulls no punches in critiquing the division of labor between Bukharin's defense of the NEP and Stalin's increasingly ruthless control of the party apparatus, closing his eyes to what he knew were «the opposition's legitimate grievances.» Bukharin

went so far as to rationalize the substitution problem in which the party had replaced the rule of an «immature» working class for its own rule – a deferral of self-emancipation that would become one of the pillars of Stalinism in the twentieth century. Bukharin never connected his analysis of Stalinism with his conception of state capitalism, as his old comrade Osinsky and the Democratic Centralist opposition had when they wrote that «Socialism and socialist organization must be built by the proletariat itself, otherwise it will not be built at all...»

The July 1928 Central Committee plenum, claims Cohen, was the crucial event in the confrontation with Stalin's loyalists. By then Bukharin saw Stalin as «an unprincipled intriguer who subordinates everything to the preservation of his power» and who «changes theories depending on whom he wants to get rid of the most.» Support for Bukharin's policies was substantial, but Stalin controlled the party apparatus as all the uncommitted members sided with him. For the first time, Stalin talked openly about a new Soviet agrarian policy, that the peasantry would have to pay «something in the nature of a 'tribute'» to fund industrialization.

Before the plenum dispersed, Bukharin met secretly with former Left leader Kamenev. Bukharin described Stalin as a «Ghengis Khan» whose policies would destroy the revolution and that his disagreements with Stalin were «many times more serious than were our disagreements with you.» Kamenev recounted that Bukharin talked as «a man who is doomed.»

Much more was at stake than Bukharin's personal fate. Cohen demonstrates that by mid-1928 Bukharin had understood, much better than the Left, the implications of Stalin and the bureaucracy's new turn. The peasants' «tribute» to the state was in fact the «military-feudal exploitation of the peasantry» to pay for in-

dustrialization. Stalin's anti-kulak campaign was a war against the entire peasantry, which had created a «united village against us.» And Bukharin predicted that such policies would mean driving the peasants into collectives «by force.» Stalin was determined to «cut our throats,» while his policies were «leading to civil war. He will have to drown the uprisings in blood.»

Bukharin's prognosis proved accurate. We now know the scale of resistance to Stalinism's war against the peasantry, even without organized direction. In 1930 alone, 2,468,000 peasants participated in 13,754 mass disturbances, 176 of which were described by the OGPU (secret police) as of an «insurrectionary nature.» We also know that Ivanovo textile workers rebelled against the regime's policies, that discontent spread to metal workers in Moscow, and that OGPU reports to Stalin record similar sentiments around the Soviet Union.

The OGPU was particularly alarmed by workers' and soldiers' sympathetic attitudes to the peasants – the possibility of a *smychka* against Stalinism was a very real possibility.

Bukharin's tragedy, according to Cohen, was his «unwillingness to appeal» to such «popular sentiment,» limiting the discussion over the fate of revolution to «a small private arena.» The larger tragedy was that the Left Opposition of Trotsky and the Bukharinists did not find common ground when Stalinism launched its bloody four-year war against the peasantry and working class. Trotsky himself had incorrectly depicted Stalinism as a centrist «Bonapartist» regime, wavering between the interests of the working class and phantom kulaks. «The problem of Thermidor and Bonapartism is at bottom the problem of the kulak» which meant «With Stalin against Bukharin–Yes. With Bukharin against Stalin–Never!»

Cohen After Bukharin

Cohen's work on the Soviet experience continued in the years after Bukharin and the Bolshevik Revolution's release. His 1985 essay *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917* took direct aim at what he termed the pervasive «continuity thesis.» This was the standard scholarly interpretation of the Russian Revolution that views Stalinism as the natural and even inevitable outcome of the revolution. «A remarkable consensus of interpretation formed» that saw «no meaningful differences or discontinuity existed between Bolshevism and Stalinism, which were fundamentally the same, politically and ideologically.» From this perspective, policies before 1929 are treated «as merely the antechamber of Stalinism, as half-blown totalitarianism,» while the terms «Bolshevik, Leninist, Stalinist» are used «interchangeably.»

Cohen expertly disputed the simplistic assumptions and logic of this rendering of Soviet history. «Bolshevism was a far more diverse political movement – ideologically, programmatically, generationally...than is usually acknowledged in our scholarship.» In addition to Bukharin's policies, he pointed out that it was «factually incorrect» to assert that «Trotsky and Left opposition are said to have been anti-NEP and even embryonic Stalinist, the progenitors of almost every major item in the political program that Stalin carried out.»

Cohen suggested to me several months ago that this essay was an even larger contribution to Soviet history than even his study of Bukharin. Unfortunately, thirty-five years after this essay was published, only a handful of studies have directly confronted the «continuity thesis.» As he argued in his 1985 essay, «All the basic tenets of Sovietological literature grew repetition and intellectually state, as it retold or amplified the same basic story.»

In *Voices of Glasnost*, Cohen and his partner and co-editor Katrina vanden Heuvel interviewed fourteen leading Soviet reformers for glasnost (openness) and perestroika (restructuring). Cohen states that his personal friend, General Secretary Mikhail Gorbachev, made it clear that «lessons of NEP» are an essential part of their «renewal of socialism.» Among the enormous obstacles that they had to overcome, argued Cohen, were massive corruption, Communist Party anti-reformers, a bloated state bureaucracy that employed 17.7 million, and an economy that had «virtually stopped.»

Gorbachev's economic restructuring had counted on the initiative «from below» for the non-state sector, but as this collection illustrates, it offered few specifics. In their discussion with Alexander Yakovlev, «perestroika's leading ideologist,» vanden Heuvel and Cohen repeated Gorbachev's admission that economic reforms were not going well and commented, «Now in late 1989, it seems the economic situation is even worse than it was before the Gorbachev leadership came to power in early 1985.» Such failures emboldened both those pushing for privatization schemes and anti-reform Communists who wanted to go back to the Brezhnev years. As writer Yuri Bondarev quipped, perestroika was like «a plane that took off without knowing where it would land.»

Studying the Post-Soviet Disaster

After the failure of the reformers and the USSR's demise, in *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*, Cohen confronted the overwhelming Western portrayal of the post-Soviet transition. In a series of *Nation* essays published during the 1990s, he disputed «the basic assumption underpin-

ning the entire U.S. crusade – the idea that Russia was in transition to American-style capitalism and democracy.»

The dominant «crusade» rendering identified Boris Yeltsin with «radical reform,» claimed that a new «middleclass» was developing, that setbacks were caused by the «legacy of communism,» and repeatedly asserted that the benefits of the reforms were always just around the corner. Hundreds of citations by a «Who's Who?» of Western expert «transitionologists» prove how ubiquitous this account was. «Smitten with the Yeltsin government's reforms, some became not merely its boosters but, with US government and foundation support, its employees and advisors.»

Cohen contends that the Soviet Union did not «collapse» but was «conspiratorially abolished by Yeltsin and his allies in Ukraine and Belarus...» in December 1991. He points out that this maneuver ignored the March 1991 referendum in which 77 per cent voted in favor of preserving the Soviet Union, and that in 1992, 95 per cent of Russia's economy remained in the state's hands. For Cohen, the catastrophe occurred under Yeltsin, backed by the IMF and the Clinton administration, one of whom explained, «Yeltsin represents the direction toward the kind of Russia we want.»

That kind of Russia was to be brought about through «shock therapy» – or as Cohen suggested, «shock without therapy» – severe budgetary austerity, an end to Soviet-era consumer and welfare subsidies, and wholesale privatization of state enterprises. As former national security adviser Zbigniew Brzezinski put it, «the economic and even political destiny of what was not long ago a threatening superpower is now increasingly passing into defacto Western receivership.»

US policy assumed it should «intervene deeply in Russia's internal affairs to transform that nation into an American-style system at home and a compliant junior partner abroad.» The Clinton administration supported Yeltsin's resort to «special powers» to dissolve Parliament in September 1993, a move even right-wing historian Richard Pipes acknowledged that «in the West would be unacceptable.»

Cohen's essays described how before the 1996 Russian presidential run of election, the Clinton administration helped arrange a \$10 billion IMF loan to pay workers' back wages and how the White House helped finance every Yeltsin government, including bankrolling the First Chechen War of 1994-96.

In August 1997, finance minister and architect of privatization, Anatoly Chubais, by then known as «Russia's most hated man,» announced a new round of «shock therapy,» removing subsidies for rent and utilities. Cohen commented, «People don't receive their wages and now the government is going to raise their rents!» The same Chubais received a \$5 million interest-free loan that he used to take control of a large oil company. The banking system was so mired in the shady dealings of the rich and powerful that a member of Boris Yeltsin's inner circle three years later admitted that Russian banks «have never been banks in the real sense.»

For some advocates of the «transition,» the failure to sustain institutional structures did not matter. Eugene Huskey, one of the main proponents, argued that the «transition...requires the razing of the entire edifice» of the pre-1992 order. Similarly, Richard Pipes argued it was «desirable» for «Russia to keep on disintegrating until nothing remains of its institutional struc-

tures» or, as Richard Ericson claimed, «A successful reform program must be trenchantly negative... It must aim at destroying institutions.»

The result was that cronyism and corruption dominated the firesale of the century, an insider affair at bargain-basement prices. The sell-off saw «billions of dollars of state property that Yeltsin's Kremlin has handed over to a small segment of the former Soviet ruling class and others...» Little of this booty was re-invested as capital flight from Russia soared to two billion dollars a month.

Rather than modernization, Cohen shows that the «transitionology» experts missed «the most important development of Russia since 1991, the exact reverse of the process...the country's year-by-year demodernization.»

Any attempts to change course, even slightly, were actively opposed by Western capital.

When Prime Minister Yevgeny Primakov made moves toward state regulation and deficit spending in the late 1990s, the IMF refused financial help, only to renew it once he was unceremoniously ousted after only eight months in office.

By 2000 half of Russian lived below the official poverty line of just \$45 a month and another 25–30 per cent close to it. Reports from the provinces depict the infrastructure of production, technology, science, transportation, heating, sewage disposal had «disintegrated.» Even highly educated professionals had to grow their own food in order to survive, over half the nation's transactions were bartered, and doctors in one town compensated in manure.

One resident asserted, «The twenty-first century does not matter. It's the nineteenth century here.» Another report noted

that «There is no work at all. People are eating dogs... Apartments have broken toilets, no gas, running water only in the kitchen.» Argued Cohen, «Since 1991, Russia's realities have included the worst peacetime industrial depression of the twentieth century...the impoverishment or near impoverishment of some 75 per cent or more...the transformation of superpower into a beggarstate...»

By the end of the decade with Yeltsin's popularity sinking to single digits, more Western reports started to question the previous rosy version of events. A 1999 study of the *Wall Street Journal* Moscow bureau concluded that its reporting had been «little more than a PR conduit for a corrupt regime.» A *New York Times* investigative piece argued that «The whole political struggle in Russia between 1992 and 1998 was between different groups trying to take control of state assets. It was not about democracy or market reform.» Many Russian democrats openly characterized the 1990s as a «great civil war over property.» By 2000, a Yeltsin newspaper acknowledged «Russia has dropped out of the community of developed nations.»

Anything, it would seem, would be better than life for working people in 1990s Russia.

Surveying what happened after, *War with Russia?*, another collection of *Nation* essays, was Cohen's last and most controversial book. Cohen argued that the United States and the West have continued to treat post-Soviet Russia as a «defeated nation,» including Obama's declaration to «isolate Putin's Russia,» leading to a return to Cold War-like tensions. The United States was repeatedly the aggressor, contends Cohen, such as in Ukraine in 2014 when US-NATO placed «heavy weapons and troops near Russia's western borders.»

Cohen's solution to this escalation was a return to *détente*, in which both sides recognized «spheres of influence» with «red-lines that should not be challenged» and noninterference in each other's internal affairs. He believed in a kinder US foreign policy without regime change and an end to «Washington's quest for international hegemony.» But such a solution ignores more than a century of US imperialism, including 1917 when Wilson began funding anti-Bolshevik warlords in an effort to install a «military dictatorship» amenable to American interests. Why would the United States suddenly renounce its victory that George H. Bush declared in 1992 had been won «by the grace of God»?

Cohen also asserted that Putin's annexation of Crimea and invasion of the Ukraine «were largely reactive» and a «predictable response to US and NATO expansionist policies.» Cohen knew the scale of Putin's «many repugnant policies» but chose not to mention what they were. And he cites an academic review praising how Putin «skillfully managed Russia's economic fortunes.»

Yet thirty-four years after *perestroika* began, aside from weapons, Russia manufactures almost no commodities for a much more integrated capitalist world – indeed, three-quarters of Russian exports are still natural resources. Moscow's aspirations for European integration were indeed «rebuffed by the West» in favor of isolating Russia. However, as Tony Wood notes, Russia's annexation of Crimea and military interventions in Syria and the Donbass as not merely reactive, but attempts to reassert its unresolved «global relevance» as a second-tier rather than equal power, in a «much less stable» world.

In an academic field still dominated by dull anti-communist ideological conformity, Stephen Cohen was a rare maverick, a man of principles invariably taking minority and sometimes soli-

tary stances that disputed orthodox interpretations. For socialists interested in understanding early Soviet society, Stalinism, and the catastrophe of post-Soviet Russia, Cohen's provocative studies are and will remain invaluable.

Published: Jacobin. 2020, December 5. <https://jacobinmag.com/2020/12/stephen-cohen-russian-revolution-nikolai-bukharin>

Стивен Ф. Коэн помог нам понять Русскую революцию и Николая Бухарина

Кевин Мерфи^{*}

Стивен Коэн, ушедший от нас ранее в этом году, был яростным противником идеологической догмы. Великий историк Николая Бухарина и Русской революции, он оставил после себя массив трудов, который останется бесценным пособием для поколений будущих социалистов.

Стивен Коэн, историк Русской революции и комментатор российско-американских отношений, ушел от нас в этом году.

Его самым главным и непреходящим по значению трудом остается биография Николая Бухарина 1973 года. Коэн родился в 1938 году – том же самом, когда был расстрелян Бу-

---

^{*} *Кевин Мерфи* – американский историк, преподает историю России в Университете Массачусетса, Бостон.

харин, – и его книга пробудила интерес социалистов и историков как к забытому наследию одного из подлинных гениев Русской революции, так и к более широким вопросам, связанным с трактовкой становления сталинизма.

Вступив в спор с антикоммунистическим нарративом о Русской революции, якобы неизбежно ведущей к сталинизму, Коэн заявил, что большевизм был «многоликим движением» с «бесконечными дискуссиями по фундаментальным вопросам». 1920-е годы были «золотым веком» марксистской мысли со спорами и конкуренцией между различными теориями и школами. И Бухарин, «по праву считавшийся любимцем всей партии», как называл его Ленин, был в центре многих из этих споров. Книга Коэна «Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938» была больше, чем просто политической биографией; она предложила «способ нового прочтения большевистской революции» и периода становления советского государства.

Открытие настоящего Бухарина

Бухарин примкнул к большевикам во время революции 1905 года, будучи семнадцатилетним юношей, и помогал объединять группы московской молодежи в единую городскую организацию. Вместе с друзьями-студентами Валерианом Осинским и Владимиром Смирновым он устраивал «теоретические налеты» в Московском университете, выступая с марксистской критикой на семинарах либеральных профессоров. Он также принимал участие в рабочем движении и в двадцать лет был избран членом Московского комитета партии большевиков.

Известным, однако, Бухарин стал как экономист и теоретик. В работе «Мировое хозяйство и империализм» он ис-

следовал те глубокие изменения, которые со времени «Капитала» Маркса претерпела система свободного предпринимательства. Вдохновленный книгой Рудольфа Гильфердинга «Финансовый капитал», Бухарин показал, как на смену свободной конкуренции эпохи раннего капитализма приходят «монополистические союзы предпринимателей», в которых «государственные капиталистические тресты» из нескольких сотен сверхбогачей «держат в своих руках судьбу всего мира». Во время войны государственная власть «всасывает почти все отрасли производства» и «все более и более становится непосредственным эксплуататором, который организует и руководит производством как коллективный, собирательный капиталист».

Но главным вопросом, разногласия по которому привели молодую восходящую звезду к конфликту с Лениным, была марксистская теория государства. Ряд европейских марксистов, в том числе Антон Паннекук и Зет Хёглунд, ранее уже пытались реабилитировать антигосударственные положения марксизма, а из большевиков это первым сделал Бухарин в статье «К теории империалистического государства». Ленин отказался публиковать статью и обвинил Бухарина, который, по его мнению, приписывал социалистам в качестве цели «взрыв» старого государства, в «полуанархизме». Бухарин в письме к Ленину посетовал на слухи о том, вождь окружил себя подобострастной публикой (предположительно, речь о Григории Зиновьеве и Льве Каменеве) и не терпит рядом с собой никого «с головой».

Когда Бухарин в мае 1917 года вернулся в Москву, Надежда Крупская первым делом сообщила ему, что у Ленина больше нет разногласий с ним в вопросе о государстве. Перед воз-

вращением в Россию Ленин предпринял собственное исследование на тему отношения марксизма к государству, которое во многом определило его стратегию в революции 1917 года. Ленинская теория восстания была воспринята многими его соратниками, включая Каменева и Зиновьева в Петрограде и Виктора Ногина в Москве, как «чуть ли не измена обычной марксистской идеологии», по выражению Бухарина. Коэн утверждает, что Ленин решил опереться на новых лидеров – таких, как Лев Троцкий и межрайонцы в Петрограде и Бухарин с молодыми левыми в Москве, – чтобы преодолеть сопротивление правого крыла и подтолкнуть партию к революции в октябре.

В начале 1918 года Бухарин возглавил «крупнейшую и наиболее мощную партийную оппозицию в истории Советского Союза». Вместе со своими молодыми московскими товарищами Бухарин убедил «левых коммунистов» выступить против мирного договора с Германией в поддержку партизанской «священной войны против милитаризма и империализма». Оппозиция начала издавать собственный журнал «Коммунист». Будущий защитник «социализма в одной стране» был самым решительным интернационалистом, утверждавшим, что долг русских коммунистов – поддержать назревающую революцию в Европе, уже начавшуюся в Берлине, Вене и Будапеште.

В условиях, когда ресурсы молодого Советского государства были на пределе, а население устало от войны, поддержка «левых коммунистов» быстро сошла на нет, но фракция продолжила оппозиционную деятельность, выступив против ленинского плана перехода к социализму. Видя, что экономическая катастрофа нарастает, Ленин призвал пре-

кратить национализацию предприятий, дающую «диктаторские полномочия» комиссарам, установить техническое и финансовое сотрудничество с капиталистами и повысить дисциплину труда на производстве с целью роста производительности (вместо рабочего контроля). Бухарин горячо приветствовал в «Коммунисте» ленинскую работу «Государство и революция» с изложенной в ней идеей отказа революционного государства от бюрократической политической и экономической власти. Резкий разворот в политике Ленина Бухарин и левые восприняли как предательство идеалов «государства-коммуны».

Бухаринскую работу 1920 года «Экономика переходного периода» Коэн описывает как «оду “военному коммунизму”». Во время гражданской войны она обеспечила «теоретическое оправдание волюнтаризма и социальных скачков», а также политики принуждения по отношению к крестьянству, обусловленной необходимостью накормить Красную армию. Переходный период, по Бухарину, характеризовался «борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства». После окончания гражданской войны, когда в стране царили разруха и голод, Бухарин пересмотрел свои прежние позиции. Уже меньше чем через год он заявил, что рабочий класс «окрестьянился», а еще чуть позже – что «военный коммунизм» был «карикатурой на социализм».

Провозглашенная Лениным в 1921 году более мягкая новая экономическая политика (НЭП) заменила принуждение убеждением, призванным стимулировать крестьян обрабатывать свою землю и продавать произведенную продукцию на рынке. Бухарин был ближайшим ленинским сподвижни-

ком в этот период, особенно после второго удара, случившегося с Лениным в конце 1922 года. К апрелю 1923 года Бухарин стал «наиболее убежденным и последовательным защитником нерушимости смычки» – союза между рабочим классом и крестьянством – и горячим поборником НЭПа. Цитируя последние пять статей Ленина, написанные им до смерти в январе 1924 года, Коэн показывает, что Бухарин использовал аргументы вождя для обоснования своей программы. Ленин предупреждал об опасности «преувеличения революционности» и писал о необходимости «прибегнуть к “реформистскому”, постепеновскому, осторожно-обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства».

Чтобы вовлечь все население в кооперацию, требовалась, по мысли Ленина, «целая историческая эпоха», в лучшем случае, «одно-два десятилетия». Сотрудничество двух классов – пролетариата и крестьянства – составляло суть советского социализма, и раскол между ними «был бы губителен для Советской республики».

Главным условием рабоче-крестьянской смычки, в бухаринском понимании, было снижение потребительских цен на промышленную продукцию для крестьян. В отличие от Преображенского и левых, призывавших сосредоточить внимание на промышленном производстве, Бухарин именно в растущем крестьянском спросе увидел ту движущую силу, которая будет стимулировать рост всех отраслей промышленности. Бухаринский призыв к крестьянам «Обогащайтесь!» был адресован середнякам – этому важнейшему крестьянскому слою, который надлежало привлечь на сторону Советской власти.

Задача, по Бухарину, заключалась не в том, чтобы культивировать «равноправие в бедности», а в том, чтобы за счет роста крестьянских накоплений подтянуть низы до более высокого уровня. Бухарин настаивал, что переход к социализму не должен быть «паразитарным», основанным на «первоначальном социалистическом накоплении» и быстрой перекачке прибавочной стоимости из деревни в города, как предлагал Преображенский, так как это поставит под угрозу смычку и само существование Советской власти.

Бухарин в свое время сам использовал выражение «первоначальное социалистическое накопление» в работе «Экономика переходного периода», но Коэн не упомянул среди ленинских комментариев к ней пометку, что термин «крайне неудачный. Детская игра в копирование терминов, употребленных взрослыми». Учитывая ту brutальную историческую роль, которую на раннем этапе развития капитализма сыграло «первоначальное капиталистическое накопление», было бы нелепо предположить, что пролетарское государство будет эксплуатировать рабочих или крестьян. Опять же, сам Бухарин позже критиковал Преображенского за его подход к крестьянству как к внешнему, по отношению к социалистическому хозяйству, сектору, которым можно манипулировать в интересах коллективизации и форсированной индустриализации.

В условиях роста безработицы и отсутствия зарубежных инвестиций кризис позднего НЭПа вновь поставил ребром вопрос о том, как находящийся в изоляции Советский Союз будет финансировать дальнейшее масштабное развитие промышленности, выходящее за рамки восстановления, бывшего задачей раннего НЭПа. После того как в 1927 году

Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР, возникшая (и раздутая до паники) угроза войны сблизила Бухарина с левыми, заставив признать необходимость долгосрочного государственного планирования и больших капиталовложений в тяжелую промышленность. Но «главная проблема», по Бухарину, оставалась прежней: «как в нищей стране сколотить богатый капитал для индустриализации?»

Как утверждает Майк Хэйнс, для преодоления экономической отсталости не существует демократических решений. Бухарин отстаивал политику умеренного «затягивания поясов», предусматривавшую подъем производительности труда. Левые выступали за дополнительное налогообложение кулаков и нэпманов. Коэн отмечает, что обе стратегии не выходили за рамки НЭПа и обе были куда менее драконовскими, чем сталинское «окончательное решение» проблемы индустриализации путем войны против всего крестьянства и рабочего класса. По выражению Коэна, Бухарин и левые «боролись друг с другом по принципиальным вопросам, в то время как интриган постепенно прибирал к рукам власть, чтобы уничтожить их всех».

Коэн без обиняков критикует разделение обязанностей, сложившееся между Бухариным, занимавшимся теоретическим обоснованием НЭПа, и Сталиным, все более подминавшим под себя партийный аппарат, и особенно то, что при этом Бухарин закрывал глаза на «обоснованные», как он сам понимал, претензии оппозиции. Бухарин даже попытался рационализировать проблему подмены, состоявшую в том, что партия взяла на себя роль «незрелого» пролетариата в деле управления государством, – отсрочка самоосвобождения

ния, ставшая одним из оснований сталинизма в XX веке. Бухарин никогда не связывал свой анализ сталинизма с концепцией государственного социализма, как это сделал его старый товарищ Осинский и группа «демократического централизма»: «Мы стоим на точке зрения строительства социализма – классовым творчеством самих рабочих... Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда – никто за него это не сделает...»

Поворотным пунктом в противостоянии со сталинистами, по мнению Коэна, явился июльский пленум ЦК 1928 года. К тому времени Бухарин уже смотрел на Сталина как на «беспринципного интригана», который «всё подчиняет сохранению своей власти» и «меняет теории в зависимости от того, кого он в данный момент хочет убрать». На стороне Бухарина и его сторонников были значительные силы, но Сталин контролировал партийный аппарат, и поддержка неприсоединившихся делегатов оказалась в его пользу. На пленуме Сталин впервые открыто говорил о новой советской аграрной политике, о том, что крестьяне должны платить «нечто вроде “дани”» в фонд индустриализации.

Незадолго до закрытия пленума Бухарин тайно встретился с бывшим лидером левой оппозиции Каменевым. В разговоре Бухарин назвал Сталина «Чингисханом», чья политика погубит революцию, и заявил, что разногласия между ним и Сталиным «во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с вами». По свидетельству Каменева, Бухарин говорил с ним как человек, знающий, что он обречен.

На кону, однако, было нечто большее, чем судьба самого Бухарина. Коэн показывает, что в середине 1928 года Бухарин

уже ясно понимал – гораздо лучше левых – скрытую подоплеку новой политики сталинистов. Крестьянская «дань» государству была на деле «военно-феодальной эксплуатацией крестьянства» с целью оплатить индустриализацию. Антикулацкая кампания Сталина была войной против крестьянства в целом, обернувшейся созданием «единого фронта села против нас». И такая политика, предрекал Бухарин, приведет к тому, что крестьян будут загонять в колхозы «силой»: «политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется заливать кровью восстания».

Прогноз Бухарина оказался точен. Сегодня нам известен масштаб сопротивления сталинской войне против крестьянства, пусть и не имевшего организованного начала. Только в одном 1930 году произошли 13754 массовых выступления, в которых приняли участие 2468000 крестьян, причем в 176 случаях беспорядки носили, по определению руководства ОГПУ, «характер восстаний». Нам также известно, что против политики сталинского режима выступили рабочие ивановских текстильных фабрик, что недовольство перекинулось на металлургические предприятия Москвы и что, по сводкам ОГПУ, подобные настроения были характерны для всего Советского Союза.

Особую тревогу ОГПУ вызвал факт сочувствия рабочих и солдат по отношению к крестьянам: существовала реальная возможность смычки против сталинизма.

Трагедия Бухарина, считает Коэн, заключалась в его «нежелании апеллировать» к подобным «широким настроениям» и стремлении ограничить дискуссию о судьбе революции узким кругом избранных. В более широком смысле трагедия заключалась в том, что «левая оппозиция» Троцкого

Анна Ларина и Стивен Коэн на выставке в Музее революции, посвященной официальной реабилитации Бухарина, пятидесятилетию его расстрела и столетию со дня рождения. 1988 г.

Anna Larina and Stephen Cohen at the Museum of the Revolution, attending the exhibition devoted to the official rehabilitation of Bukharin, 50th anniversary of his execution, and the centennial of his birth. 1988.

и сторонники Бухарина не нашли общей почвы, когда сталинисты развязали кровавую четырехлетнюю войну против крестьянства и рабочего класса. Сам Троцкий ошибочно увидел в сталинизме «бонапартистский», центристский, режим, колеблющийся между интересами рабочего класса и фантомного кулачества. «Проблема термидора и бонапартизма есть в основе своей проблема кулака», что означает: «Со Сталиным против Бухарина? – Да. С Бухариным против Сталина? – Никогда!»

Коэн после Бухарина

Исследование советского опыта Коэн продолжил и после публикации книги о Бухарине и большевистской революции. Его работа 1985 года «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года» была направлена против того, что он обозначил как «тезис непрерывности» – превалирующий в западной советологии подход к интерпретации русской революции, при котором сталинизм рассматривается как естественный и даже неизбежный итог революции. Сформировавшееся «поразительное единодушие» в интерпретации проблемы не видело «никаких принципиальных различий, никакого логического несоответствия между большевизмом и сталинизмом, которые в политическом и идеологическом отношении суть одно и то же». С этой точки зрения советская политика до 1929 года представляла «всего лишь как преддверие к сталинизму», а термины «большевик», «ленинец» и «сталинист» были «взаимозаменяемыми».

Коэн профессионально оспаривал упрощенные формулировки и логику такой трактовки советской истории. «Большевизм является гораздо более многогранным политиче-

ским движением в плане идеологии, программы, взаимоотношения поколений... чем это обычно признавали наши ученые». Он также указывал на «ошибочность, легко опровергаемую фактами», и других стереотипов, например, о том, что «Троцкий и левая оппозиция были настроены против НЭПа», что они «несли в себе зародыши сталинизма и заложили основы почти всех важнейших пунктов политической программы, впоследствии выполненной Сталиным».

Несколько месяцев назад Коэн сказал мне, что, возможно, эта его работа была даже большим вкладом в изучение советской истории, чем биография Бухарина. К сожалению, сегодня, тридцать пять лет спустя после ее публикации, лишь очень немногие историки продолжают оспаривать «тезис непрерывности». Как он написал в 1985 году, посчитав все важные вопросы решенными, «советологическая литература увязла в непрерывных повторах и интеллектуальной косности».

В сборнике «Голоса гласности» (*Voices of Glasnost*) Коэн и его соредактор Катрина ванден Хювел опубликовали интервью четырнадцати ведущих советских реформаторов, которых они расспросили насчет гласности и перестройки. Коэн подчеркивает, что его личный друг Михаил Горбачев ясно дал понять, что «уроки НЭПа» лежат в основе «обновления социализма». Среди колоссальных препятствий, которые реформаторам надлежало преодолеть, Коэн называет массовую коррупцию, сопротивление антиперестроечников внутри КПСС, раздутый государственный аппарат, насчитывавший 17,7 млн человек, и «практически неработающую» экономику.

Экономическая перестройка Горбачева была рассчитана на инициативу «снизу» и ориентирована на негосударствен-

ный сектор, но, как показывает сборник, конкретных мер предлагала мало. В разговоре с «главным идеологом перестройки» Александром Яковлевым Коэн и ванден Хювел, сославшись на сожаление Горбачева по поводу пробуксовки экономических реформ, отметили: «Теперь, в конце 1989 года, экономическая ситуация выглядит даже хуже, чем в начале 1985 года, когда Горбачев и его команда пришли к власти». Эти неудачи заставили осмелеть как сторонников планов приватизации, так и антиперестроечников, ратовавших за возвращение к брежневским временам. По меткому выражению писателя Юрия Бондарева, перестройка была похожа на «самолет, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка».

Коэн и постсоветская катастрофа

После провала реформ и гибели СССР Коэн выступил против сложившейся на Западе оценки постсоветского переходного периода. В книге «Провал крестового похода: Америка и трагедия посткоммунистической России», основанной на серии статей, опубликованных им в 1990-е годы в *The Nation*, он оспорил «главную лжеидею американского крестового похода – о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа».

«Крестоносная» трактовка видела в Борисе Ельцине воплощение «радикальных реформ», заверяла, что в стране растет «средний класс», что неудачи обусловлены «наследием коммунизма» и что положительные результаты реформ не за горами. Сотни высказываний на эту тему ведущих западных экспертов-транзитологов только подтверждают, насколько распространенным был этот взгляд. «Реформы ель-

цинского правительства произвели на некоторых из них такое оглушительное впечатление, что они их не только поддержали, но и приняли в них (при поддержке американского правительства и финансовых организаций) самое деятельное участие».

Коэн настаивает, что Советский Союз не «распался», а «был уничтожен в результате заговора со стороны Ельцина и его украинского и белорусского союзников» в декабре 1991 года. Он подчеркивает, что в ходе этого маневра были проигнорированы результаты мартовского референдума 1991 года, на котором 77 процентов граждан проголосовали за сохранение Союза, и что в 1992 году 95 процентов экономики России оставались в руках государства. Катастрофа, по мнению Коэна, произошла при поддержке МВФ и администрации Клинтона, один из советников которого пояснил: «Ельцин представляет движение к той России, которая нам нужна».

Получить ту самую Россию предполагалось посредством «шоковой терапии» – или, по выражению Коэна, «шока без терапии» – жесткой бюджетной экономии, похоронившей систему льгот и субсидий советской эпохи, и всеобщей приватизации госпредприятий. Как заявил бывший советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, «экономическая и даже политическая судьба страны, бывшей не так давно грозной супердержавой, сегодня все более зависит от Запада, *de facto* играющего роль распорядительного директора по банкротству».

Американская политика по отношению к России предусматривала глубокое вмешательство во внутренние дела страны с целью превратить ее в «систему американского ти-

па» для своих граждан и «послушного младшего партнера» в международных делах. Администрация Клинтона одобрила применение Ельциным «особых полномочий» для роспуска парламента в сентябре 1993 года – политический шаг, который даже консервативный историк Ричард Пайпс назвал «неприемлемым на Западе».

Коэн показывает, как накануне президентских выборов 1996 года администрация Клинтона помогла Ельцину получить кредит МВФ на сумму 10 миллиардов долларов для выплаты долгов по зарплате рабочим и как американский Белый дом финансировал все правительства Ельцина, включая выделение денег на первую чеченскую войну 1994–1996 годов.

В августе 1997 года министр финансов и архитектор приватизации Анатолий Чубайс, известный к тому времени как «самый ненавистный человек в России», запустил новый раунд «шоковой терапии», отменив льготы по оплате жилья и коммунальных услуг. Коэн комментирует [словами Михаила Горбачева]: «Люди не получают свои зарплаты, а правительство собирается поднять им плату за жилье!» Тот же Чубайс получил беспроцентный кредит в 5 миллионов долларов в одном банке, который использовал для обретения контроля над крупной нефтяной компанией. Банковская система настолько погрязла в махинациях и теневых сделках олигархов, что один член ельцинского ближнего круга три года спустя признался, что российские банки «никогда не были банками в полном смысле слова».

Но для адвокатов «перехода» развал существовавших институциональных структур не имел значения. Один из них, Юджин Хаски, заявил, что «переход... требует разрушения всего здания» прежнего (до 1992 года) порядка. Историк Ри-

чард Пайпс заметил, что для России «желательно», чтобы «дезинтеграция продолжалась до тех пор, пока ничего не останется от ее старых структур». Ему вторил экономист Ричард Эриксон: «Успешная программа реформ должна быть резко негативной... Она должна быть нацелена на разрушение структур».

Результатом стала крупнейшая распродажа века, кулуарная сделка, где правили бал кумовство и коррупция: «миллиарды долларов» были «розданы Кремлем горстке бывшей советской номенклатуры и новым капиталистам». Лишь малая толика этих средств была инвестирована обратно в экономику, меж тем бегство капитала из России составляло два миллиона долларов ежемесячно.

Коэн показывает, что «транзитологи» проглядели «самое важное в истории России с 1991 года и одновременно абсолютно противоположное» чаемой ими модернизации: «постепенный и неуклонный процесс демодернизации страны».

При этом любые попытки хоть чуть-чуть сменить курс наткнулись на активное сопротивление западного капитала.

Когда в конце 1990-х годов премьер-министр Евгений Примаков сделал шаги в направлении политики государственного регулирования и жесткого бюджетного дефицита, МВФ отказал ему в финансовой помощи, но возобновил ее сразу после скоропалительной отставки Примакова.

В 2000 году половина россиян жила ниже официальной черты бедности, составлявшей всего 45 долларов в месяц, еще 25–30 процентов приближались к этой черте. Репортажи из провинции рисовали картину полного развала инфраструктуры производства, технологии, науки, транспорта, отопления и канализации. Даже люди с высшим образова-

нием были вынуждены заниматься натуральным хозяйством, чтобы прокормиться, и половина платежей в стране производилась по бартеру (в одном городе врачам выдавали зарплату навозом).

«Работы нет совсем... Люди едят собак... В квартирах сломанные туалеты, газа нет, вода течет только в кухне», – сообщал один наблюдатель, а местная жительница добавляла: «Какой двадцать первый век! У нас здесь девятнадцатый». Коэн комментирует: «Начиная с 1991 года российская действительность являла собой пример самого серьезного промышленного кризиса мирного времени в XX веке... нищеты и полунущеты 75 процентов населения... превращения супердержавы в государство-попрошайку...»

К концу десятилетия, с падением популярности Ельцина в процентном отношении до однозначных чисел, все больше западных наблюдателей принялись пересматривать прежнюю оптимистическую версию событий. Так, московское бюро *Wall Street Journal* в 1999 году пришло к выводу, что играло роль «несколько большую, чем просто проводника пиара для коррумпированного режима». Газета *New York Times* в аналитической статье призналась, что «вся политическая борьба в России в 1992–1998 годах была борьбой между различными группировками за право контроля над государственной собственностью», а демократия и рыночная реформа были ни при чем. А российская проельцинская газета констатировала в 2000 году: «Россия выпала из сообщества развитых стран».

То, что произошло потом, стало предметом исследования еще одного сборника статей из *The Nation* «Война с Россией?» (*War with Russia?*) – последней и наиболее спорной кни-

ги Коэна. Коэн утверждал, что Соединенные Штаты и Запад продолжают вести себя с постсоветской Россией как с «побежденной нацией», подтверждением чему служит провозглашенное президентом Обамой намерение «изолировать путинскую Россию», ведущее к возврату политики холодной войны. США неоднократно, по мнению Коэна, выступали как агрессор, например, в 2014 году, когда в связи с украинскими событиями США и НАТО разместили «тяжелые вооружения и войска у западных границ России».

Коэн считал, что положить конец эскалации должно возвращение к политике разрядки с обоюдным признанием сторонами «сфер влияния», с «красными линиями», за которые стороны обязуются не заходить, и невмешательством во внутренние дела друг друга. Он верил в возможность смягчения внешней политики США без изменения режима и в прекращение «вашингтонского стремления к мировой гегемонии». Но подобное решение проблемы игнорирует более чем вековую историю американского империализма, в том числе 1917 год, когда президент Вильсон финансировал белых генералов, стремясь создать «военную диктатуру», которая отвечала бы американским интересам. Зачем Соединенные Штаты стали бы отказываться от своей победы, которая, как заявил в 1992 году Джордж Буш-старший, была достигнута «милостью Божьей»?

Коэн также утверждал, что путинская аннексия Крыма и вторжение на Украину были «вынужденной реакцией» и «предсказуемым ответом на экспансионистскую политику США и НАТО». Коэн знал масштаб «неприемлемых» политических решений Путина, но предпочел не распространяться о них, а процитировать один экономический обзор, воздающий должное тому, как «умело» Путин распорядился периодом экономического благополучия России.

Однако тридцать четыре года спустя после начала перестройки, если не считать оружия, Россия почти ничего не производит для ставшего за это время более сплоченным и взаимосвязанным капиталистического мира – три четверти российского экспорта до сих пор составляют естественные ресурсы. Чаяния Москвы по поводу европейской интеграции действительно были «отвергнуты Западом» в пользу изоляции России. Но, как отмечает Тони Вуд, аннексия Крыма и вторжения в Сирию и Донбасс были не просто реакцией России на действия Запада, это были попытки вновь утвердить свою «глобальную значимость» как второй из двух главных держав в «гораздо менее стабильном» мире.

В области академической науки, где по-прежнему правит бал серая антикоммунистическая ортодоксия, Стивен Коэн был редким исключением – человеком, принципиально и неизменно занимающим позицию меньшинства или даже одиночки, идущего против общепринятых концепций. Для социалистов, которых интересуют проблемы раннего советского общества, сталинизма и катастрофы постсоветской России, провокационные работы Коэна были и останутся бесценными.

Опубликовано 5.12.2020 в журнале Jacobin: <https://jacobinmag.com/2020/12/stephen-cohen-russian-revolution-nikolai-bukharin>

Перевод Ирины Давидян.

Он научил Горбачёва

Надежда Ажгихина*

Без Стива Коэна совершенно невозможно представить «перестроечную» Москву. Он ходил на митинги и собрания бывших узников ГУЛАГа, участвовал в публичных дебатах и научных симпозиумах, с равной страстью выступал на форумах и дома у друзей и разговаривал, разговаривал со всеми – с «архитекторами перестройки», с молодыми журналистами, с простыми людьми на улицах...

Без его высокой фигуры, неизменной сигареты, его легкого акцента картина эпохи будет, несомненно, неполной. Без их с Катриной вечеров с друзьями и единомышленниками, русскими и американцами, неполным будет представление о самой атмосфере взаимного открытия и общего, с двух сторон, страстного стремления покончить с «холодной войной», освободиться наконец от дамоклова меча ядерного противостояния, начать новый путь сотрудничества...

Без его публикаций в «Огоньке» неполной будет история отечественной независимой журналистики и история осмысления нашего прошлого и настоящего.

---

* *Надежда Ажгихина* – журналист, директор ПЭН-центра (Москва).

Значение Коэна для исторической науки далеко не исчерпывается тем фактом, что он открыл для западного академического сообщества фигуру Бухарина, другие фигуры, оппозиционные Сталину в раннем советском руководстве, что препарировал природу и практику репрессий, сделал достоянием мировой общественности десятки подлинных лиц и голосов узников ГУЛАГа и лиц советских диссидентов, с которыми прожил бог о бок долгие месяцы за протяжении практически всей долгой профессиональной жизни.

Он был первым американским историком, который вошел в профессиональное и медийное пространства СССР накануне его исчезновения как полноправный и равный участник. Он научил молодых историков методологии и подходам западных исследований, благодаря чему многие из них обрели новые перспективы и позднее вошли в международное научное сообщество. Он документировал повседневность и оказался одним из первых, кому открылись недоступные десятилетиями архивные папки. Но самое важное – он был непременным участником процесса демократизации и освобождения от сталинского наследия. Значение его не только в том, что он содействовал созданию Музея ГУЛАГа, поддерживал многих бывших узников и их родных, с которыми познакомился и сроднился еще в годы брежневского застоя. Он помог и, по сути, предложил новый язык разговора о прошлом, спокойный и аргументированный, и сформулировал необходимость принципиальной оценки прошлого – вместе с советскими писателями, журналистами и активистами. Думаю, его статьи и формулировки помогли политикам, в том числе и Горбачеву, четче артикулировать собст-

венные позиции по отношению к прошлому, по крайней мере, до 1989 года.

Коэн, как и многие романтики перестройки, был человеком глубоко идейным. Он верил в Бухарина. Верил в возможность социализм с человеческим лицом и, мне кажется, сохранил эту веру все последующие годы. Эту веру разделяли в конце 1980-х миллионы советских людей. Хорошо помню море писем в «Огонек», пришедших после публикации последнего письма Бухарина. Люди пожилые, фронтовики, репрессированные, начальники и самые простые люди писали, что ждали этой публикации всю жизнь, а молодые – что увидели наконец смысл и направление... Этот период довольно быстро прошел, о нем забыли и постарались затушевать о нем память, но Стив помнил всегда. И сохранил веру в возможность предотвращения новой «холодной войны» и ядерной катастрофы, о чем писал в последние годы.

Участие его в интеллектуальной и медийной жизни постсоветской России – отдельная тема, его книги и публикации, методологическая помощь исследователям российского общества, проектам Музея ГУЛАГа, солидная издательская программа – это важнейший вклад в развитие отечественных и международных исследований, но не меньше – в просвещение, без которого немислим прогресс ни в академии, ни в обществе. Он выступал перед студентами, очень любил встречаться с молодыми людьми. И находил отклик, что важно. С ним молодым было всегда интересно.

Книга «Жизнь после ГУЛАГа» стала частью моего курса для студентов на факультете журналистики, и я рада, что двадцатилетние с огромным интересом изучали ее и исполь-

зовали в своих последующих материалах о российской истории и проблеме исторической памяти.

Стив Коэн был активнейшим соучастником демократических перемен в России, осмысления истории, места человека и его идей в истории. Он остается им навсегда.

Опубликовано: The Nation. 2020, September 25.

He Taught Gorbachev.

Stephen Cohen was an active participant in the democratic changes in Russia, and he will always be remembered as such

Nadezhda Azhgikhina^{*}

Without Stephen Cohen, it is impossible to imagine *perestroika* Moscow. He attended rallies and meetings of former Gulag prisoners, participated in public debates and scholarly symposia, spoke out with equal passion at forums and at friends' homes, and he talked and talked with everyone – the «architects of *perestroika*,» young journalists, people on the street.

Without his figure, constant cigarette, and light accent, the picture of the era would be deficient. Without the evenings he and Katrina spent with friends, Russians and Americans, the perception would be inadequate of the atmosphere of mutual open-

---

^{*} *Nadezhda Azhgikhina* – journalist, director of PEN-Moscow.

ness, the passionate desire on both sides to end the Cold War, to start a new path of cooperation and to be free of the Sword of Damocles of nuclear confrontation.

Without his publications in the magazine *Ogonyok*, the history of independent journalism and the history of understanding our past and present would be incomplete.

Cohen's significance in historical scholarship is not solely about his important contribution to the Western academic community through his biography of Bukharin – and other figures in the early Soviet leadership who were opposed to Stalin. Just as important was his study of the nature of Stalinist and post-Stalinist repression, bringing the true faces and voices of Gulag prisoners to the world, as well as the faces of the Soviet dissidents with whom he lived side by side for many months throughout his long professional life.

He taught young historians the methodology and approaches of Western research, which gave many of them new perspectives and brought them into the international scholarly community. He documented daily life and was one of the first to have access to decades of closed archives. But most importantly, he was part of the process of democratization and liberation from the Stalinist legacy. His significance is not only in that he helped establish the Gulag Museum and that he supported many former prisoners and their families, whom he had met back in the Brezhnev era of «stagnation.» He essentially offered a new language for talking about the past, reasoned and factual, and he formulated the need for a fundamental evaluation of the past, together with Soviet writers, journalists, and activists.

I think his articles and formulations helped politicians, including Gorbachev, to articulate their own positions more clearly

At the presentation of Stephen Cohen's book «Life After the GULAG.» GULAG History Museum. Moscow. February 21, 2011.

На презентации книги Стивена Коэна «Жизнь после ГУЛАГа». Музей истории ГУЛАГа. Москва. 21 февраля 2011 г.

about the past, at least until 1989. Cohen, like many romantics of *perestroika*, was profoundly idealistic. He believed in Bukharin. He believed in the possibility of socialism with a human face, and I think he kept that faith throughout his life.

Millions of Soviet people shared that faith in the late 1980s. I remember the flood of letters to *Ogonyok* after the publication of Bukharin's famous «last letter» warning of Stalin. Elderly people, frontline soldiers, former prisoners, bosses, and the most ordinary people wrote to say that they had been waiting for this publication all their lives. Young people wrote that they had fi-

nally seen meaning and direction. That *glasnost* period passed rather quickly, and many political figures tried to erase its achievements, but Steve always remembered. He kept his faith in the possibility of preventing a new Cold War and nuclear catastrophe, which he wrote about frequently in recent years.

I used his book *The Victims Return* in my curriculum at journalism school, and I am pleased that 20-year-olds studied it with great interest and then used it in their subsequent work on Russian history and the problem of historical memory.

Stephen Cohen was an active participant in the democratic changes in Russia. He will always be remembered as such.

Published: The Nation. 2020, September 25.

Translated by Antonina W. Bouis.

The New York Times

Influential Historian
of Russia

Robert D. McFadden*

Stephen F. Cohen, an eminent historian whose books and commentaries on Russia examined the rise and fall of Communism, Kremlin dictatorships and the emergence of a post-Soviet nation still struggling for identity in the 21st century, died on Friday at his home in Manhattan. He was 81.

His wife, Katrina vanden Heuvel, the publisher and part owner of *The Nation*, said the cause was lung cancer.

From the sprawling conflicts of the 1917 Bolshevik revolution and the tyrannies of Stalin to the collapse of the Soviet Union and Vladimir V. Putin's intrigues to retain power, Professor Cohen chronicled a Russia of sweeping social upheavals and the passions and poetry of peoples that endured a century of wars, political repression and economic hardships.

A professor emeritus of Russian studies at Princeton University and New York University, he was fluent in Russian, visited Russia frequently and developed contacts among intellectual dis-

---

* *Robert D. McFadden* is a senior writer on the Obituaries desk of the *New York Times* and a winner of the Pulitzer Prize.

sidents and government and Communist Party officials. He wrote or edited 10 books and many articles for *The Nation*, *The New York Times* and other publications, was a CBS-TV commentator and counted President George Bush and many American and Soviet officials among his sources.

In Moscow he was befriended by the last Soviet leader, Mikhail S. Gorbachev, who invited him to the May Day celebration at Red Square in 1989. There, at the Lenin Mausoleum, Professor Cohen stood with his wife and son one tier below Mr. Gorbachev and the Soviet leadership to view a three-hour military parade. He later spoke briefly on Russian television to a vast audience about alternative paths that Russian history could have taken.

Loosely identified with a revisionist historical view of the Soviet Union, Professor Cohen held views that made him a controversial public intellectual. He believed that early Bolshevism had held great promise, that it had been democratic and genuinely socialist, and that it had been corrupted only later by civil war, foreign hostility, Stalin's malignancy and a fatalism in Russian history.

A traditionalist school of thought, by contrast, held that the Soviet experiment had been flawed from the outset, that Lenin's political vision was totalitarian, and that any attempt to create a society based on his coercive utopianism had always been likely to lead, logically, to Stalin's state terrorism and to the Soviet Union's eventual collapse.

Professor Cohen was an enthusiastic supporter of Mr. Gorbachev, who after coming to power in 1985 undertook ambitious changes to liberate the nation's 15 republics from state controls that had originally been imposed by Stalin. Mr. Gorbachev gave

up power as the Soviet state imploded at the end of 1991 and moved toward beliefs in democracy and a market economy.

A prolific writer who mined Soviet archives, Professor Cohen first came to international attention in 1973 with «Bukharin and the Bolshevik Revolution,» a biography of Lenin's protégé Nikolai Bukharin, who envisioned Communism as a blend of state-run industries and free-market agriculture. Critics generally applauded the work, which was a finalist for a National Book Award.

«Stephen Cohen's full-scale study of Bukharin is the first major study of this remarkable associate of Lenin,» Harrison Salisbury wrote in a review in *The Times*. «As such it constitutes a milestone in Soviet studies, the byproduct both of increased academic sophistication in the use of Soviet materials and also of the very substantial increase in basic information which has become available in the 20 years since Stalin's death.»

After Lenin's death, Mr. Bukharin became a victim of Stalin's Moscow show trials in 1938; he was accused of plotting against Stalin and executed. His widow, Anna Mikhailovna Larina, spent 20 years in exile and in prison camps and campaigned for Mr. Bukharin's rehabilitation, which was endorsed by Mr. Gorbachev in 1988.

Ms. Larina and Professor Cohen became friends. Given access to Bukharin archives, he found and returned to her the last love letter that Mr. Bukharin wrote her from prison.

In «Rethinking the Soviet Experience» (1985), Professor Cohen offered a new interpretation of the nation's traumatic history and modern political realities. In his view, Stalin's despotism and Mr. Bukharin's fate were not necessarily inevitable outgrowths of the party dictatorship founded by Lenin.

Stephen Cohen standing near a poster announcing his participation in the event honoring victims of the political purges – «A Week of Conscience». 1989.

Стивен Коэн на фоне плаката, анонсирующего его участие в акции памяти жертв репрессий – «Неделе совести». 1989 г.

Richard Lowenthal, in a review for *The Times*, called Professor Cohen's interpretation implausible. «While I do not believe that all the horrors of Stalinism were 'logically inevitable' consequences of the seizure of power by Lenin and his Bolshevik Party,» Mr. Lowenthal wrote, «I do believe that Stalin's victory over Bukharin was inherent in the structure of the party's system.»

As Professor Cohen and other scholars pondered Russia's past, Mr. Gorbachev's rise to power and his efforts toward glasnost (openness) and perestroika (restructuring) cast the future of the Soviet Union in a new light, potentially reversing 70 years of Cold War dogma.

As Mr. Gorbachev arrived in Washington for his 1987 summit with President Ronald Reagan, *The Times* wrote, «With an irreverence for precedent and an agility uncommon in Soviet leaders, he has disrupted old assumptions about Soviet impulses, forced reappraisals of Soviet purposes and rendered less predictable the course of East-West competition.»

To widen the focus, Professor Cohen and Ms. vanden Heuvel published «Voices of Glasnost: Interviews With Gorbachev's Reformers» (1989).

Professor Cohen affirmed his support for Mr. Gorbachev in a March 1991 Op-Ed article in *The Times*. «He has undertaken the most ambitious changes in modern history,» he wrote. «Their goal is to dismantle the state controls Stalin imposed and to achieve an emancipation of society through privatization, democratization and federalization of the 15 republics.»

As 1991 ended, the Soviet Union was dissolved and Mr. Gorbachev resigned, giving way to Boris N. Yeltsin's tumultuous elected presidency. Mr. Yeltsin tried to transform the state economy into a capitalist market by imposing a «shock therapy» of nationwide privatization without price controls. Inflation and economic calamity ensued.

By 1997, as Professor Cohen saw it, the Russian economy had become «an endless collapse of everything essential for a decent existence.» He became a persistent critic of Mr. Yeltsin, who sur-

vived an attempted coup and tried to promote democracy but resigned in 1999 amid growing internal pressures. He was succeeded by his deputy, Mr. Putin.

In his book, «Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia» (2000), Professor Cohen laid the blame for Russia's post-Communist economic and social collapse on the United States, for providing bad advice; on academic experts, for what he called «malpractice throughout the 1990s»; on Western journalists; and on Mr. Yeltsin, for a range of sins: abolishing the Soviet Union, creating a bureaucratic vacuum and generating hyperinflation with his economic shock therapy.

«Cohen's thesis is that Yeltsin, rather than Russia's first democratic leader, was a neo-czarist bungler who destroyed a democratization process that, in fact, should be credited to Mikhail Gorbachev,» Robert D. Kaplan wrote in a Times review. «Cohen is particularly scathing toward American journalists, whom he depicts as overly influenced by the prosperity of a small, rapacious upper class in the major Russian cities, and who seldom ventured out into the countryside to see the terrible price of the reformers' handiwork.»

Stephen Frand Cohen was born in Indianapolis on Nov. 25, 1938, the older of two children of Marvin and Ruth (Frand) Cohen. His father owned a jewelry store and a golf course in Hollywood, Fla. Stephen and his sister, Judith, attended schools in Owensboro, Ky., but Stephen graduated in 1956 from the Pine Crest School, a private school in Fort Lauderdale, Fla.

He loved the novels of Hemingway. As an undergraduate at Indiana University, he went to England on a study-abroad program. He had saved \$300 for a side trip to Pamplona to run with

the bulls. But an advertisement he saw for a 30-day, \$300 trip to the U.S.S.R. changed his life.

Back at Indiana University, he gave up plans to be a golf pro and took up Russian studies. He earned a bachelor's degree in economics and public policy in 1960 and a master's in Russian studies in 1962. In 1969, he received a doctorate in that subject from Columbia University.

Professor Cohen's marriage in 1962 to the opera singer Lynn Blair ended in divorce. He married Ms. vanden Heuvel in 1988. In addition to her, he is survived by a son, Andrew, and a daughter, Alexandra Cohen, from his first marriage; another daughter, Nicola Cohen, from his second marriage; a sister, Judith Lefkowitz; and four grandchildren.

His Columbia dissertation on Mr. Bukharin's economic ideas grew into his first book, copies of which reached Soviet dissidents, the K.G.B. in Moscow, and eventually Mr. Gorbachev, who put Professor Cohen on his guest list for the 1987 Gorbachev-Reagan summit in Washington.

Professor Cohen taught at Princeton from 1968 to 1998, rising to full professor of politics and Russian studies, and at New York University thereafter until his retirement in 2011. His last book, published in 2019, was «War With Russia? From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate.»

Many journalistic colleagues accused Professor Cohen of defending Mr. Putin, who curtailed democratic freedoms but boosted the economy, which grew for eight straight years. Wages for ordinary Russians tripled, poverty was reduced, and national growth jumped fivefold as rising prices of Russia's plentiful oil and gas overcame a depression.

In a recent interview for this obituary, Professor Cohen denied that he had «defended» Mr. Putin.

«He holds views that I also hold,» Professor Cohen said. «It's the views that I defend, not Putin.

«From the moment Yeltsin came on,» he continued, «Americans thought the Cold War was over. There was disappointment with Putin as a more rational leader. I see him in the Russian tradition of leadership, getting Russia back on its feet. He frightens some of our observers, but I didn't see it that way.»

Published: The New York Times / www.nytimes.com/2020/09/18/books/stephen-cohen-dead.html

Влиятельный историк России

Роберт Д. Макфадден*

Стивен Коэн, выдающийся историк, своими книгами и комментариями на тему России исследовавший взлет и падение коммунизма, кремлевские диктатуры и становление постсоветского государства, до сих пор борющегося за свою идентичность в XXI веке, умер в пятницу в своем доме на Манхэттене. Ему был 81 год.

---

* Роберт Д. Макфадден – известный американский журналист, лауреат Пулитцеровской премии, с 1961 года пишет для «Нью-Йорк таймс».

Его жена, Катрина ванден Хювел, издатель и совладелец *The Nation*, сказала, что причиной смерти стал рак легких.

От большевистской революции 1917 года и тирании Сталина до краха Советского Союза и интриг Владимира Путина в борьбе за власть профессор Коэн был летописцем России, запечатлевшим глубокие социальные потрясения и чувства народа, на долю которого выпали вековые испытания войнами, политическими репрессиями и экономическими трудностями.

Почетный профессор русистике Принстонского университета и Нью-Йоркского университета, он в совершенстве владел русским языком, много раз бывал в России и имел связи как среди диссидентов-интеллектуалов, так и правительственных и партийных деятелей. Он был автором и редактором 10 книг и множества статей в *The Nation*, *The New York Times* и в других изданиях, комментатором телевизионного канала CBS; среди его источников информации были президент Джордж Буш и многие американские и советские официальные лица.

Он водил дружбу с последним советским лидером, Михаилом Горбачевым, который в 1989 году пригласил его на празднование Первой в Москве. Стоя с женой и сыном на гостевой трибуне возле Мавзолея на уровень ниже г-на Горбачева и советского руководства, профессор Коэн смотрел трехчасовой военный парад на Красной площади. Позже он дал короткое интервью российскому телевидению, рассказав огромной аудитории об альтернативах в российской истории.

Не вполне правомерно причисляемый к ревизионистскому течению в американской историографии Советского Союза, профессор Коэн имел взгляды, сделавшие его проти-

воречивой фигурой среди публичных интеллектуалов. Он считал, что ранний большевизм был правильным и многообещающим, имел демократическую и подлинно социалистическую природу и только позже, под воздействием гражданской войны, враждебного иностранного окружения, злой воли Сталина и фатализма российской истории, изменился к худшему.

Традиционалистская школа, напротив, считала, что советский эксперимент был ущербен с самого начала, что ленинское политическое мышление было тоталитарным и что любая попытка создать общество, основанное на принуждении и утопизме, неизбежно должна была привести к сталинскому государственному терроризму и в конечном счете – к краху Советского Союза.

Профессор Коэн был активным сторонником г-на Горбачева, который, придя в 1985 году к власти, предпринял амбициозную попытку реформ, направленных на освобождение народов 15 советских республик от государственного контроля и регулирования, навязанного в свое время Сталиным. Г-н Горбачев оставил власть, когда в конце 1991 года Советский Союз рухнул и двинулся по пути демократии и рыночной экономики.

Плодовитый писатель, много трудившийся в советских архивах, профессор Коэн впервые привлек к себе международное внимание в 1973 году книгой «Бухарин и большевистская революция» – биографией ленинского протеже Николая Бухарина, видевшего коммунизм как соединение государственной промышленности и рыночного сельского хозяйства. Критики благосклонно оценили книгу, которая стала финалистом Национальной книжной премии.

С сыном Эндрю и Сандрой Цанг (будущей женой Эндрю) на Красной площади после выступления по советскому телевидению. 1 мая 1989 года.

With son Andrew and Sandra Tsang (Andrew's future wife) at Red Square after an appearance on Soviet television. May 1, 1989.

«Масштабное исследование биографии Бухарина, представленное Стивеном Коэном, является первым крупным исследованием жизни и деятельности этого выдающегося сподвижника Ленина, – писал в рецензии на книгу в *The New York Times* Харрисон Солсбери. – В этом смысле книга представляет собой веху в советологии как побочный продукт двух явлений: возросшего научного опыта в изучении и анализе материалов советской истории и существенного количественного прироста информации, ставшей доступной за последние двадцать лет, минувших после смерти Сталина».

После смерти Ленина г-н Бухарин стал жертвой сталинского показательного московского процесса 1938 года; он был обвинен в заговоре против Сталина и казнен. Его вдова, Анна Михайловна Ларина, двадцать лет провела в лагере и ссылке, а затем много лет боролась за реабилитацию г-на Бухарина, указ о которой подписал в 1988 году г-н Горбачев.

Г-жа Ларина и профессор Коэн стали друзьями. Воспользовавшись своим доступом к бухаринскому архиву, он нашел и вернул ей последнее письмо, которое г-н Бухарин написал ей из тюрьмы.

В книге «Переосмысливая советский опыт» (1985) профессор Коэн предложил новую трактовку непростой истории и новых политических реалий советской страны. По его мнению, сталинский деспотизм и печальная судьба г-на Бухарина вовсе не были неизбежным следствием партийной диктатуры, основы которой были заложены Лениным.

В рецензии в *The New York Times* Ричард Лёвенталь назвал трактовку профессора Коэна неубедительной. «Я не считаю, что все ужасы сталинизма были “логически неизбежными” следствиями захвата власти Лениным и большевиками, – писал г-н Лёвенталь, – но я убежден, что победа Сталина над Бухариным была заложена в самой структуре партийной системы».

Пока профессор Коэн и другие ученые размышляли о прошлом России, приход к власти г-на Горбачева и его усилия по внедрению в стране гласности и перестройки заставили в ином свете взглянуть на будущее Советского Союза, отказавшись от семидесятилетних стереотипов холодной войны.

Когда в 1987 году г-н Горбачев прибыл в Вашингтон для встречи на высшем уровне с президентом Рональдом Рейганом, *The New York Times* писала: «Продемонстрировав нежелание идти проторенным путем и живость, нехарактерную для советских руководителей, он перевернул все старые представления о советских движущих мотивах, заставил переоценить советские цели и сделал менее предсказуемым ход соревнования между Востоком и Западом».

Шире взглянуть на проблему помогла книга «Голоса гласности: Интервью с горбачевскими реформаторами», которую профессор Коэн опубликовал совместно с Катриной ванден Хювел в 1989 году.

Свою поддержку г-на Горбачева и его политики профессор Коэн подтвердил в статье, опубликованной в марте 1991 года в *The New York Times*. «Он взялся осуществить самые амбициозные перемены в современной истории, – писал он. – Их цель – демонтировать систему государственного контроля, искусственно навязанную Сталиным, и добиться раскрепощения общества путем приватизации, демократизации и федерализации 15 республик».

Но уже в конце 1991 года Советский Союз был распущен, а г-н Горбачев ушел в отставку, уступив дорогу бурному правлению избранного президента Бориса Ельцина. Г-н Ельцин попытался преобразовать государственную экономику в капиталистическую рыночную посредством «шоковой терапии»: отпустив цены и объявив общенациональную приватизацию. Следствием стали инфляция и экономическая катастрофа.

К 1997 году российская экономика, по мнению профессора Коэна, представляла собой «нескончаемый крах всех тех ве-

щей, без которых невозможно достойное существование». Он стал последовательным критиком г-на Ельцина, который пережил попытку государственного переворота и пытался развивать демократию, но в 1999 году ушел в отставку в обстановке растущей внутривластной напряженности. Его преемником стал г-н Путин.

В своей книге «Провал крестового похода: Америка и трагедия посткоммунистической России» (2000) профессор Коэн возложил вину за посткоммунистическую социально-экономическую катастрофу России на Соединенные Штаты – за вредные советы; на ученых экспертов – за, как он выразился, продемонстрированную ими «на протяжении всех 1990-х годов профнепригодность»; на западных журналистов; а также на г-на Ельцина – за ряд прегрешений, среди которых отмена Советского Союза, создание бюрократического вакуума и разгон гиперинфляции политикой «шоковой терапии».

«В трактовке Коэна, Ельцин был не первым демократическим лидером [России], а неуклюжим новым самодержцем, который уничтожил процесс демократизации, начатый, на самом деле, Михаилом Горбачевым, – писал в рецензии в *New York Times* Роберт Д. Каплан. – Особенно зол Коэн на американских журналистов, которые якобы слишком увлечены образом процветающего, мгновенно разбогатевшего, алчного верхнего класса в крупных российских городах и редко выезжают в провинцию, чтобы увидеть страшную оборотную сторону работы реформаторов».

Стивен Фрэнк Коэн родился в Индианаполисе 25 ноября 1938 года и был старшим из двух детей Марвина и Рут (в девичестве Фрэнк) Коэн. Его отец владел ювелирным магази-

ном и полем для гольфа в Голливуде (штат Флорида). Стивен и его сестра Джудит учились в школе в городе Оуэнсборо (штат Кентукки), но закончил Стивен в 1956 году «Пайн крест скул» – частную школу в городе Форт Лодердейл (штат Флорида).

Он любил романы Хемингуэя. Учась в Индианском университете, он поехал в Англию по программе зарубежного образования. Оттуда, скопив 300 долларов, он собирался съездить на несколько дней в Памплону – побегать с быками. Но увиденное рекламное объявление о 30-дневной туристической поездке в СССР как раз за 300 долларов изменило его жизнь.

Вернувшись в Индианский университет, он оставил планы стать профессиональным гольфистом и записался на россиеведение. Он получил степень бакалавра по экономике и государственной политике в 1960 году и степень магистра по россиеведению в 1962. В 1969 году по этой же дисциплине он получил степень доктора в Колумбийском университете.

Заклученный в 1962 году брак профессора Коэна с оперной певицей Линн Блэр окончился разводом. В 1988 году он женился на г-же ванден Хювел. Помимо нее, у него остались сын Эндрю и дочь Александра от первого брака, дочь Никола от второго, сестра Джудит Лефковиц и четверо внуков.

Защищенная им в Колумбийском университете диссертация об экономических взглядах г-на Бухарина переросла в его первую книгу, экземпляры которой попали в СССР, к советским диссидентам, в КГБ и, в конце концов, к г-ну Горбачеву, который включил профессора Коэна в свой список приглашенных лиц на саммит Горбачев–Рейган в 1987 году в Вашингтоне.

Профессор Коэн преподавал с 1968 по 1998 год в Принстоне, получив звание полного профессора политики и социологии, а затем, вплоть до своей отставки в 2011 году, – в Нью-Йоркском университете. Его последней книгой стала опубликованная в 2019 году «Война с Россией? От Путина и Украины до Трампа и Рашагейта».

Многие коллеги-журналисты обвинили профессора Коэна в том, что он якобы защищает г-на Путина, урезавшего демократические свободы, но поднявшего экономику, которая росла непрерывно восемь лет подряд. Зарплаты рядовых россиян утроились, бедность сократилась, а показатели экономического роста увеличились в пять раз, когда цены на российские нефть и газ пошли вверх.

В одном из своих последних интервью профессор Коэн заявил, что вовсе не защищает г-на Путина. «Он придерживается тех же взглядов, что и я, – сказал профессор Коэн. – Я защищаю не Путина, а эти взгляды».

«С того самого момента, как к власти пришел Ельцин, – продолжил он, – американцы думали, что холодная война закончилась. Путин как более рационально мыслящий руководитель вызвал разочарование. Я вижу в нем и его стремлении поставить Россию на ноги воплощение российской традиции руководства. Некоторых наших обозревателей он пугает, но я смотрю на проблему иначе».

*Опубликовано на сайте The New York Times 18 сентября 2020 г.:
www.nytimes.com/2020/09/18/books/stephen-cohen-dead.html*

Перевод Ирины Давидян.

Пытливый исследователь

Эмма Гурвич*

Я глубоко уважаю и ценю американского историка-политолога профессора Стивена Коэна, посвятившего свою творческую жизнь глубокому изучению политической истории России, в том числе постреволюционного и постсоветского периодов ее развития. Что особенно важно, Стивен Коэн проводил исследования непредвзято, без преднамеренных установок, в чем принято огульно обвинять любых иностранных авторов в современной России. Даже больше – он относился к России с заметной симпатией и, казалось, вместе с ней переживал тяготы и лишения, выпавшие на долю ее народа. Величайшая его заслуга исторического значения состоит в том, что он, как никто из российских историков, сумел совершить невозможное – воскресить из небытия и полного забвения, которое продолжалось десятилетиями, личность и богатое творческое наследие крупного политического деятеля российской истории XX века, одного из основоположников советского государства, Николая Ивановича Бухарина. Задолго до реабилитации Н.И. Бухарина, в 1973

---

* Эмма Гурвич – доктор медицинских наук.

году, Стивен Коэн издал в США монографию «Бухарин. Политическая биография». За свой труд он был отмечен международной премией «Либерти».

Стивен Коэн смог сложным путем, с помощью влиятельных лиц России добиться доступа к сверхсекретным правительственным материалам из президентского архива. Путь получения ксерокопий тюремных рукописей Стивен Коэн описал в издании «Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина» (М.: АИРО-XXI, 2008). Благодаря усилиям Коэна стало возможным впервые опубликовать произведения, созданными им во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке в 1937 году: «Социализм и его культура» (12 глав), трактат «Философские арабески» (40 глав), томик лирических и аналитико-философских стихотворений и неоконченный автобиографический роман «Времена» о своем детстве в дореволюционной Москве. Роман обрывается на 29-й главе, поскольку оборвалась и жизнь автора. Рукописи, по мере их написания, направлялись непосредственно в Кремль, Сталину, где исчезали в недрах его личного архива.

Стивен Коэн не ограничивался поисками официальных документов и старался узнать как можно больше о личности Бухарина из его семейного окружения. С дочерью Николая Ивановича Бухарина, потерявшей отца в 13-летнем возрасте, у Стивена Коэна сложились теплые, дружественные отношения и взаимопонимание. У Светланы после ареста (в 1949 году), тюрем, этапов, ссылки, изменился характер. Ранее веселая, общительная, озорная, она стала подозрительной, скрытной и даже нелюдимой, общалась только с хорошо знакомыми людьми. Стивен Коэн с его мягким голосом, благожелательным отношением, искренним глубоким интере-

сом сумел расположить ее к себе; она полностью доверяла ему и делилась воспоминаниями и размышлениями. Дочь получила доступ к документам президентского архива и, каждый раз собравшись с силами, сквозь слезы читала материалы сфальсифицированного «показательного» судебного процесса «Дело право-троцкистского блока» (1938) над ее отцом и протоколы следствия. За каждой строчкой, как она признавалась, он виделся ей, живой.

Стивен Коэн был очень серьезным, настойчивым и пытливым исследователем. У меня сохранились его письма, в одном из которых (18 января 2014 года) он сообщал, что в поисках переписки Ленина с Бухариным он ознакомился с имевшимися фондами Н.И. Бухарина, Н.К. Крупской, М.И. Ульяновой, Сталина и Ежова в архивах РГАСПИ, Президента РФ и Лубянки (ФСБ), а также Германии. Борясь за реабилитацию Бухарина, он обращался к М.С. Горбачеву. К сожалению, как отмечал Стивен Коэн, серьезный интерес к истории собственной страны, включая личность Бухарина, в России отсутствует. При этом он надеялся, что стремление игнорировать или отвергать свою историю явление временное. Ему на смену придет желание переосмыслить исторический процесс, узнать и понять, что происходило со страной в начале 1920-х годов прошлого столетия, была ли альтернатива пути ее развития. И тогда, как считал Стивен Коэн, нельзя будет обойтись без Николая Ивановича Бухарина, который противостоял сталинской системе разрушения рыночной структуры и высказывал антифашистские предупреждения даже из тюремной камеры.

В конце 1980-х годов, после полной политической, партийной и академической реабилитации Н.И. Бухарина, со-

стоялись научные конференции и историко-документальные выставки, посвященные его деятельности и творческому наследию, были опубликованы его многочисленные труды. Тогда же был создан фонд Н.И. Бухарина в Центральном московском архиве-музее личных собраний и частных семейных архивов, куда вошли документы, письма, фотографии и другие уникальные свидетельства событий ушедшего времени, сохранившиеся в семьях и у отдельных лиц. У меня есть личная глубочайшая признательность профессору Стивену Коэну. И я беру на себя смелость и приношу ему благодарность от имени всех членов многочисленной семьи Николая Ивановича Бухарина за возвращение его светлого имени. Все родственники Николая Ивановича, включая детей, за редким исключением, были репрессированы, прошли лагеря или ссылки и были вычеркнуты из жизни на многие годы. В первую очередь благодарю от имени его дочери Светланы, моей двоюродной сестры, и ее матери Эсфири Исаевны Гурвич, которая была женой Бухарина в трудные годы переходного периода в течение 10 лет (1920–1929). Она понимала, какие смертоносные тучи собирались над головой Николая Ивановича в конце 20-х годов и, спасая жизнь дочери, ушла из семьи. Ей удалось избежать ареста в 1937–38 гг. Это случилось позже, в 1949 году, когда, несмотря на прошедшие 11 лет после расстрела Николая Ивановича, мать и дочь были арестованы как члены его семьи. Жена и дочь политика и ученого все еще представляли опасность для господствующей власти. Долгие годы ждали они изменений в политике государства и безуспешно пытались обращаться в различные инстанции и к отдельным членам правительства с просьбами о пересмотре дела. К счастью, Николай Иванович Бухарин был

На открытии выставки, посвященной 100-летию Н.И. Бухарина в Центральном музее Революции СССР. 1988 г.

At the opening of the exhibition devoted to Bukharin's centennial at the Central Museum of the Revolution of the USSR. 1988.

реабилитирован еще при жизни дочери и ее матери, и им было возвращено незапятнанное имя дорогого им человека. Жаль, что ни одна из них не оставила воспоминаний. Особенно досадно это потому, что они близко знали семью Ленина, годами жили рядом, в Горках Ленинских, а Эсфирь Исаевна, работавшая в «Правде» с Марией Ильиничной Ульяновой, неоднократно присутствовала при горячих спорах Бухарина с Лениным по ряду насущных животрепещущих вопросов. Их свидетельства могли бы рассказать о многом. Я глубоко благодарна профессору Коэну за участие в публикации моих воспоминаний «Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина» (М.: АИРО-XXI, 2010).

The Researcher with the Inquisitive Mind

Emma Gurvich*

I deeply respect and hold in high esteem the American historian and political scientist Stephen Cohen, who devoted all of his career to in-depth study of Russia's political history, including its postrevolutionary and post-Soviet periods. What is especially important, Stephen Cohen as a researcher was free of prejudice and stereotypes – something that non-Russian authors

---

* *Emma Gurvich* – Dr. Habil. (medicine).

are now routinely accused of in Russia. What's more, he obviously felt much sympathy towards Russia and seemed to be feeling the pain of the woes and hardships that befell its people. His greatest historical achievement is the impossible feat that no Russian historian could pull off – recovering, from the decades-old complete oblivion, the life story and the rich creative legacy of a great Russian 20th-century politician and one of the founders of the Soviet State Nikolai Ivanovich Bukharin. Long before Bukharin's political rehabilitation in 1973, Stephen Cohen published in the USA a monograph titled «Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938.» The book won him an international Liberty Prize.

With some ingenious maneuvering and a help of several influential Russians, Cohen managed to gain access to top secret governmental documents from the presidential archive. Cohen described his efforts to obtain copies of the texts Bukharin wrote in prison in a book called «Lubyanka's Prisoner. Prison Manuscripts of Nikolai Bukharin» [Uznik Lubyanki. Tyuremnye rukopisi Nikolaya Bukharina] (Moscow: AIRO-XXI, 2008). Cohen worked hard to publish, for the first time, Bukharin's works written in NKVD's pre-trial detention prison on Lubyanka in 1937: «Socialism and Its Culture» [Sotsializm i yego kul'tura] (12 chapters), the tract «Philosophical Arabesques» [Filosofskie arabeski] (40 chapters), a thin volume of lyrical and analytical-philosophical verses, and an unfinished autobiographical novel «The Times» [Vremena] about his childhood in prerevolutionary Moscow. The novel stops abruptly at chapter 29 – that was when the author's life was stopped. When Bukharin completed one or another text, it was sent directly to the Kremlin, to Stalin, to be buried deep in the latter's personal archive.

Stephen Cohen did much more than just search for the official documents – his purpose was to learn from members of Bukharin's family as much as possible about him as a person. With Bukharin's daughter, whose father was gone when she was 13 years old, Stephen Cohen struck a friendship and they were on the same wavelength on many matters. After arrest (in 1949), incarceration in different prisons, lengthy travels in prisoner transport, and exile, Svetlana became a different person. Previously a merry, sociable, mischievous girl, she became suspicious, buttoned-up and even misanthropic, keeping in touch only with people she knew well. Soft-spoken, gracious and genuinely interested, Stephen Cohen managed to win her favor; she trusted him completely and shared her memories and thoughts with him. Bukharin's daughter was granted access to the presidential archive and, pulling herself together each time, read, with tears in her eyes, the interrogation records and other documents related to the sham «exemplary» trial of the «anti-Soviet 'Bloc of Rightists and Trotskyites'» (1938), where he father was a defendant. She said that in every line of the text she saw him in front of her as if he were alive.

Stephen Cohen was a very earnest and determined researcher with an inquisitive mind. I keep his letters, in one of which (January 18, 2014) he wrote that looking for the correspondence between Lenin and Bukharin, he familiarized himself with the archives of Nikolai Bukharin, Maria Ulianova, Nadezhda Krupskaya, Joseph Stalin and Nikolai Ezhov available at such depositories as the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the Archive of the President of the Russian Federation, and the Archive of the Lubyanka (FSB), as well as at archives in Germany. Making a stand for Bukharin's rehabilitation,

Cohen appealed to Mikhail Gorbachev. Regrettably, Cohen noted, Russians were not very much interested in their country's history, including the history of Bukharin. He hoped, however, that the tendency to ignore or renounce the nation's history was not to stay forever. This tendency would be replaced with a desire to reconsider the historical process and to learn and understand what was happening to the country in the early 1920s and whether there was an alternative way for the nation. And when this happens, Cohen believed, Bukharin's legacy would become indispensable because Bukharin was the opponent of Stalin's destruction of a market economy and warned about dangers of fascism even as he was kept in a prison cell.

In the late 1980s, after a full rehabilitation of Bukharin as a politician, party leader and scholar, academic conferences and historical exhibitions honoring his work and legacy were held and his numerous works were published. Also at that period, the Moscow Central Archive and Museum of Documents of Private Persons and Families [Tsentral'nyi moskovskii arkhiv-muzei lichnykh sobraniy i chastnykh semeynykh arkhivov] established a Bukharin fund – a depository of documents, letters, photos and other unique artifacts of the past that survived in archives held by families and individuals. I have a sense of deep personal gratitude to Professor Cohen. And I take the liberty to thank him on behalf of all members of Nikolai Ivanovich Bukharin's large family for recovering the truth about this pure soul. With but a few exceptions, all of Nikolai Ivanovich's relatives, including children, were persecuted, served time in the camps or exile, and were barred from leading a normal life for many years. I thank him, before all, on behalf of Bukharin's daughter Svetlana, who was my cousin, and her mother Esfir Isayevna Gurvich, who was

married to Bukharin during the difficult transition decade (1920–1929). In the late 1920s, Esfir was well aware of the impending gloom in Bukharin's life and, to keep her daughter from harm's way, left him. She managed to avoid arrest in 1937–1938. The arrest took place later, in 1949, when the mother and the daughter were sent to prison for the crime of being Bukharin's family members, although 11 years had already passed since his execution by shooting. The wife and the daughter of the politician and scholar were still deemed dangerous for the powers that be. For many years they had been waiting for the state's policy to change and petitioning, unsuccessfully, various agencies of the state and individual members of the government to have the Bukharin case reconsidered. Mercifully, Nikolai Ivanovich Bukharin was rehabilitated yet during his daughter's and her mother's lifetime and the reputation of the man so dear to them was restored. It's really a shame that none of the women wrote a memoir. This is especially regrettable considering that they knew Lenin's family well, lived close to them, in what is now known as Leninsky Gorky, for years, and Esfir Isayevna, who worked at the Pravda newspaper together with Maria Iliyichna Ulianova, on many occasions witnessed Bukharin's spirited debates with Lenin about a range of hot issues of the day. Their first-hand accounts could have revealed a lot. I owe a big debt of gratitude to Professor Cohen for his part in the publication of my memoir «A Look into the Real Past. Fragments of Nikolai Ivanovich Bukharin's Family Chronicle» [Vzglyad v nastoyashchee proshloe. Fragmenty semeynoy khroniki Nikolaya Ivanovicha Bukharina] (Moscow: AIRO-XXI, 2010).

Translated by Maria Solovieva.

Stephen Cohen Has Died. Remember His Urgent Warnings Against The New Cold War

Caitlin Johnstone*

Stephen F Cohen, the renowned American scholar on Russia and leading authority on US-Russian relations, has died of lung cancer at the age of 81.

As one of the precious few western voices of sanity on the subject of Russia while everyone else has been frantically flushing their brains down the toilet, this is a real loss. I myself have cited Cohen's expert analysis many times in my own work, and his perspective has played a formative role in my understanding of what's really going on with the monolithic cross-partisan manufacturing of consent for increased western aggressions against Moscow.

In a world that is increasingly confusing and awash with propaganda, Cohen's death is a blow to humanity's desperate quest for clarity and understanding.

I don't know how long Cohen had cancer. I don't know how long he was aware that he might not have much time left on this

---

* *Caitlin Johnstone* is a reader-supported independent journalist from Melbourne, Australia. Her political writings can be found on Medium and on her Facebook page, [facebook.com/CaitlinAJohnstone](https://www.facebook.com/CaitlinAJohnstone).

earth. What I do know is he spent much of his energy in his final years urgently trying to warn the world about the rapidly escalating danger of nuclear war, which in our strange new reality he saw as in many ways completely unprecedented.

The last of the many books Cohen authored was 2019's *War with Russia?*, detailing his ideas on how the complex multi-front nature of the post-2016 cold war escalations against Moscow combines with Russiagate and other factors to make it in some ways more dangerous even than the most dangerous point of the previous cold war.

«We're in a new cold war with Russia that is much more dangerous than the preceding cold war for various reasons,» Cohen told *The Young Turks* in 2017. «One is that there are at least three cold war fronts that are fraught with hot war: that would be Ukraine, that would be the Baltic Black Sea region where NATO is undertaking an unprecedented military buildup on Russia's border, and of course in Syria, where American and Russian aircraft are flying in the same airspace. And I would add to those three cold war fronts what is now called Russiagate, because the accusation that Trump needs to be impeached because he's somehow a Russian agent so distorts and cripples the possibility of the White House making Russia policy that I think it's a cold war front.»

Cohen repeatedly points to the most likely cause of a future nuclear war: not one that is planned but one which erupts intense, complex situations where any thing could happen in the chaos and confusion as a result of misfire, miscommunication or technical malfunction, as nearly happened many times during the last cold war.

«I think this is the most dangerous moment in American-Russian relations, at least since the Cuban missile crisis,» Cohen told *Democracy Now!* in 2017. «And arguably, it's more dangerous, because it's more complex. Therefore, we – and then, meanwhile, we have in Washington these – and, in my judgment, factless accusations that Trump has somehow been compromised by the Kremlin. So, at this worst moment in American-Russian relations, we have an American president who's being politically crippled by the worst imaginable – it's unprecedented. Let's stop and think. No American president has ever been accused, essentially, of treason. This is what we're talking about here, or that his associates have committed treason.»

«Imagine, for example, John Kennedy during the Cuban missile crisis,» Cohen added. «Imagine if Kennedy had been accused of being a secret Soviet Kremlin agent. He would have been crippled. And the only way he could have proved he wasn't was to have launched a war against the Soviet Union. And at that time, the option was nuclear war.»

«A recurring theme of my recently published book *War with Russia?* is that the new Cold War is more dangerous, more fraught with hot war, than the one we survived,» Cohen wrote last year. «Histories of the 40-year US-Soviet Cold War tell us that both sides came to understand their mutual responsibility for the conflict, a recognition that created political space for the constant peace-keeping negotiations, including nuclear arms control agreements, often known as *détente*. But as I also chronicle in the book, today's American Cold Warriors blame only Russia, specifically 'Putin's Russia,' leaving no room or incentive for rethinking any US policy toward post-Soviet Russia since 1991.»

«Finally, there continues to be no effective, organized American opposition to the new Cold War,» Cohen added. «This too is a major theme of my book and another reason why this Cold War is more dangerous than was its predecessor. In the 1970s and 1980s, advocates of détente were well-organized, well-funded, and well-represented, from grassroots politics and universities to think tanks, mainstream media, Congress, the State Department, and even the White House. Today there is no such opposition anywhere.»

«A major factor is, of course, ‘Russiagate’,» Cohen continued. «As evidenced in the sources I cite above, much of the extreme American Cold War advocacy we witness today is a mindless response to President Trump’s pledge to find ways to ‘cooperate with Russia’ and to the still-unproven allegations generated by it. Certainly, the Democratic Party is not an opposition party in regard to the new Cold War.»

«Détente with Russia has always been a fiercely opposed, crisis-ridden policy pursuit, but one manifestly in the interests of the United States and the world,» Cohen wrote in another essay last year. «No American president can achieve it without substantial bipartisan support at home, which Trump manifestly lacks. What kind of catastrophe will it take – in Ukraine, the Baltic region, Syria, or somewhere on Russia’s electric grid – to shock US Democrats and others out of what has been called, not unreasonably, their Trump Derangement Syndrome, particularly in the realm of American national security? Meanwhile, the Bulletin of Atomic Scientists has recently reset its Doomsday Clock to two minutes before midnight.»

And now Stephen Cohen is dead, and that clock is inching ever closer to midnight. The Russiagate psyop that he predicted

would pressure Trump to advance dangerous cold war escalations with no opposition from the supposed opposition party has indeed done exactly that with nary a peep of criticism from either partisan faction of the political/media class. Cohen has for years been correctly predicting this chilling scenario which now threatens the life of every organism on earth, even while his own life was nearing its end.

And now the complex cold war escalations he kept urgently warning us about have become even more complex with the addition of nuclear-armed China to the multiple fronts the US-centralized empire has been plate-spinning its brinkmanship upon, and it is clear from the ramping up of anti-China propaganda since last year that we are being prepped for those aggressions to continue to increase.

We should heed the dire warnings that Cohen spent his last breaths issuing. We should demand a walk-back of these insane imperialist aggressions which benefit nobody and call for détente with Russia and China. We should begin creating an opposition to this world-threatening flirtation with Armageddon before it is too late. Every life on this planet may well depend on our doing so.

Stephen Cohen is dead, and we are marching toward the death of everything. God help us all.

Published: 2020. September 19. <https://caityjohnstone.medium.com/stephen-cohen-has-died-remember-his-urgent-warnings-against-the-new-cold-war-cf6d4c844dd>

Умер Стивен Коэн.
Помните его настойчивые
предупреждения об опасности
новой холодной войны

Кэтлин Джонстон*

Стивен Ф. Коэн, известный американский историк России и ведущий авторитет в области американо-российских отношений, умер от рака легких в возрасте 81 года.

Поскольку он был одним из очень немногих людей на Западе, сохранивших здравое суждение о России, когда все вокруг поспешили смыть свои мозги в унитаз, это действительно утрата. Я лично много раз в своей работе пользовалась экспертным анализом Коэна, и его оценки сыграли большую роль в становлении моего понимания того, как на самом деле формируется то монолитное межпартийное согласие, которое служит основой для растущей западной агрессии против Москвы.

В мире, в котором с каждым днем становится все больше неразберихи и пропаганды, смерть Коэна – это удар по отчаянному стремлению человечества к ясности и пониманию.

Я не знаю, как долго Коэн болел раком. Я не знаю, как давно он знал, что ему, возможно, недолго осталось жить на свете. Но я точно знаю, что он потратил немало энергии в

---

* *Кэтлин Джонстон* – независимая австралийская журналистка, публикующая статьи на политические темы на medium.com и своей странице в фейсбуке.

отпущенные ему последние годы, пытаюсь предупредить мир о быстро нарастающей угрозе ядерной войны, которую в нашей странной новой реальности он видел во многих отношениях абсолютно беспрецедентной.

Последней из множества написанных Коэном книг стала «Война с Россией?» (*War with Russia?*) 2019 года, в которой он подробно объясняет, как имеющее сложную, мультифронтальную природу наращивание напряженности в отношениях с Москвой после 2016 года, соединившись с «Рашагейтом» и другими факторами, выливается в новую холодную войну, во многом более опасную, чем даже самый опасный пик предыдущей холодной войны.

«Мы находимся в состоянии новой холодной войны с Россией, которая куда более опасна, чем предшествующая, по нескольким причинам, – заявил Коэн в программе “Младотурки” (*The Young Turks*) в 2017 году. – Одна из них состоит в том, что налицо как минимум три фронта холодной войны, которые чреватые превращением в горячую: это, потенциально, Украина; это, потенциально, балтийско-черноморский регион, где НАТО занимается беспрецедентным наращиванием военной структуры и вооружений на границах России, и это, разумеется, Сирия, где американские и российские ВВС летают в общем воздушном пространстве. И к этим трем фронтам холодной войны я бы добавил еще то, что получило название “Рашагейт”, поскольку гневные призывы к импичменту Трампа на том основании, что он якобы является русским агентом, так негативно влияют на возможность Белого дома проводить политику в отношении России, что я считаю это еще одним фронтом холодной войны».

Коэн неоднократно повторяет, что наиболее вероятной причиной будущей ядерной войны станут не спланированные действия, а те, что приведут к возникновению сложных и напряженных ситуаций, где в неразберихе и хаосе любой ошибочный выстрел, ошибочное сообщение или технический сбой могут иметь непоправимые последствия – на грани чего мир не раз оказывался в годы предшествующей холодной войны.

«Я считаю, что мы переживаем сейчас самый опасный момент в американо-российских отношениях, как минимум, со времен кубинского ракетного кризиса, – сказал Коэн в программе “Демократия сейчас!” (*Democracy Now!*) в 2017 году. – И более опасен он, вероятно, потому что более сложен. И потом мы имеем все эти вашингтонские обвинения – на мой взгляд, беспочвенные – в том, что Трамп был как-то скомпрометирован Кремлем. То есть, в этот наихудший момент в американо-российских отношениях мы имеем американского президента с самым худшим политическим клеймом, какое можно себе представить – это беспрецедентно. Давайте остановимся и задумаемся. Ни один американский президент никогда не обвинялся, по сути, в измене. Вот о чем мы говорим здесь, или что его партнеры совершили измену».

«Представьте, например, Джона Кеннеди во время кубинского ракетного кризиса, – добавил Коэн. – Представьте, что Кеннеди обвинили бы в том, что он секретный агент Кремля. Он оказался бы политическим инвалидом. И единственным способом для него доказать, что он не агент, было бы развязать войну против Советского Союза. А в то время вариант был один: ядерная война».

«Повторяющейся темой моей недавно опубликованной книги “Война с Россией?” является то, что новая холодная война более опасна, более чревата горячей войной, чем та, что мы пережили, – написал в прошлом году Коэн. – Вся сорокалетняя история американо-советской холодной войны говорит нам о том, что обе стороны пришли к пониманию взаимной ответственности в конфликте, и это признание создало политическое пространство для постоянных мирных переговоров, в том числе соглашений о контроле за ядерными вооружениями, часто называемое французским словом “детант” (разрядка). Но, как я также подчеркиваю в книге, сегодняшние американские бойцы холодной войны винят во всем только Россию, и конкретно “путинскую Россию”, не оставляя пространства или стимула для переосмысления американской политики по отношению к постсоветской России после 1991 года».

«Наконец, у нас в Америке по-прежнему нет действенной организованной оппозиции новой холодной войне, – добавил Коэн. – И это тоже важная тема моей книги и еще одна причина, объясняющая, почему эта холодная война опаснее прежней. В семидесятые–восемидесятые годы сторонники разрядки были хорошо организованы, имели хорошее финансирование и представительство на всех уровнях: от низовых политиков и университетов до специализированных аналитических центров, ведущих массмедиа, Конгресса, Госдепартамента и даже Белого дома. Сегодня подобной оппозиции нет нигде».

«Существенный фактор, конечно, “Рашагейт”, – продолжал Коэн. – Как свидетельствуют источники, на которые я ссылался раньше, во многом та экстремальная риторика

в поддержку холодной войны, которую мы наблюдаем сегодня в Америке, есть бездумный ответ на обещание президента Трампа найти способ “сотрудничать с Россией” и на до сих пор не доказанные обвинения, выдвинутые вслед за тем. Разумеется, Демократическая партия не является оппозиционной партией в том, что касается новой холодной войны».

«Политика разрядки в отношениях с Россией всегда была делом неблагодарным, встречаемым в штыки и чреватым кризисами, но она однозначно была в интересах Соединенных Штатов и мира в целом, – написал Коэн в очередной статье в прошлом году. – Ни один американский президент не сможет этого сделать без существенной двухпартийной поддержки у себя в стране, а у Трампа она явно отсутствует. Какая должна случиться катастрофа – на Украине, в Балтийском регионе, Сирии или на какой-нибудь электростанции в России, – чтобы вывести американских демократов и прочих из состояния, которое небезосновательно называют “психозом на почве Трампа”, особенно в области национальной безопасности США? Между тем, Бюллетень ученых-атомщиков недавно перевел “часы судного дня”, поставив их на две минуты до полуночи».

А теперь Стивен Коэн умер, и стрелки этих часов еще чуть-чуть приблизились к полуночи. Психологическая операция под названием «Рашагейт», которая, как он предсказал, будет давить на Трампа, вынуждая к дальнейшей опасной эскалации холодной войны, без какой-либо оппозиции со стороны считающейся оппозиционной партии, идет именно так, и мы не слышим ни звука критики ни от одной партийной фракции политического класса или медиакласса. Этот леденящий душу сценарий, который сегодня угрожает

жизни всего живого на земле, Коэн предрекал годами, даже когда его собственная жизнь уже близилась к концу.

И вот теперь эта сложная, многосторонняя эскалация холодной войны, о которой он постоянно предупреждал нас, стала еще более сложной с включением ядерного Китая в число фронтов, на которых балансирует на грани войны империя с центром в Соединенных Штатах. И, судя по наращиванию с прошлого года антикитайской пропаганды, нас готовят к тому, что эта агрессивная эскалация будет продолжаться.

Мы должны прислушаться к этим мрачным предупреждениям Коэна, на которые он потратил последний вздох. Мы должны потребовать отступления от этой безумной империалистической агрессии, не сулящей выгоды никому, и призвать к разрядке в отношениях с Россией и Китаем. Мы должны приступить к созданию оппозиции этой угрожающей миру политике заигрывания с Армагеддоном прежде, чем станет слишком поздно. Все жизни на этой планете, возможно, зависят от наших действий.

Стивен Коэн умер, а мы движемся навстречу гибели всего и вся. Помогите нам всем, Господи.

Опубликовано 19 сентября 2020 г. на сайте: <https://caityjohnstone.medium.com/stephen-cohen-has-died-remember-his-urgent-warnings-against-the-new-cold-war-cf6d4c844dd>

Перевод Ирины Давидян.

Бросивший вызов стереотипам о Советском Союзе

Иван Курилла*

Стивен Коэн принадлежал к поколению американских русистов, выдвинувшихся в науке в 1960-е годы и бросивших вызов стереотипам о Советском Союзе. «Ревизионисты» критиковали жесткую линию Запада и считали, что конструктивное взаимодействие с Москвой усилит реформаторские элементы в советском руководстве. Они с энтузиазмом поддержали политику разрядки в 1970-е, когда их рекомендации оказались, как им представлялось, услышанными.

Коэн оказался среди тех историков, которые пересматривали восприятие советского прошлого, чтобы изменить отношение к советскому настоящему. Представители старшего поколения американских русистов – эмигрантов из России (как, например, Михаил Карпович) – утверждали, что, если бы не Первая мировая война, Россия бы превратилась в современную демократическую страну. Коэн перенес эту логику на следующее десятилетие: если бы не Сталин, в СССР могли построить настоящий социализм.

---

* *Иван Иванович Курилла* – доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Его книга «Бухарин» (1973 год) оказалась вызовом господствующей в США последовательно антисоветской научной ортодоксии, однако вызвала в основном позитивные рецензии коллег-историков. Американских ученых 1970-х годов заинтересовало предположение, что советский социализм может быть привлекательным, а проблема СССР не в самой левой идее, а в способе ее воплощения.

Идеи Бухарина Коэн рассматривал как альтернативу сталинскому пониманию социализма. Более того, он готов был описывать всю советскую историю как выбор между путем Сталина и путем Бухарина. Понятно, что в реформах Никиты Хрущева ему виделись элементы бухаринского подхода. Историк был уверен, что реформаторы в конце концов вернуться к власти в Москве – а США не должны помешать этому, оказывая на СССР слишком сильное давление, усиливающее «ястребов» в советском руководстве.

Однако после ухода в 1974 году с поста президента Ричарда Никсона, который был большим сторонником разрядки, ценность советско-американской дружбы была поставлена под сомнение, а при президенте Джимми Картере разрядку и вовсе свернули. С этого времени Коэн посвятил значительную часть своей деятельности продвижению идеи сближения двух стран. Он стал одним из основателей «Американского комитета за советско-американское согласие» и резко критиковал администрацию Картера.

В первые годы перестройки книга Коэна о Бухарине, изданная на русском языке массовым тиражом, знаменовала собой обновление замшелого сталинистского нарратива о ранней истории Советской России, который был лишь чуть подрихтован XX съездом КПСС (на котором впервые пуб-

лично осудили культ личности Сталина). Коэн доказывал, что сталинский путь развития СССР не был единственно возможным и что именно Бухарин обозначил альтернативу – развитие социализма без репрессий и с допуском частной инициативы. Победы Бухарин – и в стране бы построили «социализм с человеческим лицом», как писали в годы публикации перевода (или задолго до китайцев был бы пройден «китайский путь», как это называют сейчас). Это было совершенно созвучно духу эпохи.

Не только идеологи перестройки увидели в Коэне союзника – он сам проникся глубоким уважением к Михаилу Горбачеву, видя в нем политика, возвращавшего страну на путь, указанный героем его книги. Коэна приглашали в советские телепередачи, он оказался на трибуне около Мавзолея во время парада 1989 года.

Но вскоре российский дискурс пошел дальше, порвав не только со сталинизмом, но и вообще с социализмом, у которого, как писали новые властители дум, не бывает «человеческого лица». После распада СССР Коэн критиковал Бориса Ельцина (в сравнении с Горбачевым) и на некоторое время потерял былую популярность в России, хотя его книги исправно издавала и издает Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI).

В конце 1990-х Коэн вновь сосредоточился на США, и это привело к новому всплеску интереса к ученому. Главной темой публичных выступлений историка в нулевые и 2010-е стали ошибки, допущенные американскими администрациями во взаимодействии с Россией после 1991 года. Коэн оправдывал политику Путина, утверждая, что она стала закономерным ответом на политические условия, в которые поставили его Соединенные Штаты.

Особенно сильно против общественного мнения Коэн пошел в 2014–2015 годах, когда фактически повторял утверждения кремлевской пропаганды об Украине и российско-украинском конфликте. После избрания Дональда Трампа Коэн без устали оспаривал американскую аксиому о российском вмешательстве в выборы – и надеялся, что Трамп и Путин смогут договориться. В России его работы путинские пропагандисты начали использовать как подспорье. Особенно популярной оказалась книга «Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России», написанная им в конце 1990-х на волне разочарования ролью Америки в российских реформах.

В результате Коэн раздражал американских демократов и российских либералов: одних – как сторонник Трампа, других – как «путинферштеер». Американские левые тоже с настороженностью относились к профессору, женатому на Катрине ванден Хьювел – наследнице миллионов Жюля Стейна, основателя звукозаписывающей фирмы MCA Records. Даже несмотря на то, что они шли не только на поддержку Коэна, но и на издание важного левого журнала *The Nation* (который, впрочем, стал для него главной публичной трибуной).

На самом деле эта настороженность левых в отношении Коэна была не до конца оправданной. Ведь на самом деле его интересовала прежде всего внутренняя политика США, а деградация российско-американских отношений служила лишь поводом для того, чтобы осудить тех, кто отвечал за американский политический курс – и не смог реализовать надежды, витавшие в воздухе во времена перестройки.

Неудивительно, что близкой к Коэну точки зрения придерживается еще один американец, известный в России с тех же времен, – Джек Мэтлок, посол США в СССР при Рейгане (его позиция, правда, дипломатически более выверена – и Мэтлок, насколько мне известно, критикуя Вашингтон, не оправдывал Москву). В России внутривнутриполитический аспект позиции Коэна также почти не считается: противники Путина автоматически зачислили его в лоялисты, не замечая, что сама современная российская политика интересовала его постольку-поскольку.

В итоге позиция Коэна оказалась настолько проблематичной для спокойного восприятия, что даже в американской академической среде, которая сочувственно приняла его ранние работы, он оказался в меньшинстве. Несколько лет назад историк направил семейные деньги на грант для диссертаций по русской истории, предложив назвать его стипендией Коэна–Такера, в честь себя и своего учителя Роберта Такера. Ассоциация исследователей славянства и Восточной Европы (ASEEES) пыталась уговорить Коэна снять собственное имя, оставив стипендию, однако потом все же согласилась на его условия. Это, в свою очередь, привело к публичным протестам ряда ученых и даже выходу некоторых из них из главной американской научной организации по изучению региона (к слову, в России совместно с АИРО-XXI Коэн тоже учредил серию «Первая монография» – для публикации работ молодых исследователей, она также финансировалась из средств его семьи).

Между тем, какими бы ни были политические взгляды Коэна, он был вправе говорить, что его имя значимо для исторической науки. С самых первых книг Коэн бросал вызов

«телеологичности» научной истории, о которой писал еще Йохан Хейзинга, – то есть идее, будто все события прошлого только и могли привести к тому варианту настоящего, который нам знаком; все закономерно – и не могло быть никаких иных вариантов. Такой взгляд отрицает свободу воли и возможность бороться за лучшее будущее: если «законы истории» действуют неумолимо, все предрешено. Коэн же с самого начала посвятил себя изучению альтернатив и «развилки».

Каким был бы Советский Союз, победи во внутривластных партией борьбе Бухарин, а не Сталин? Вопрос, невозможный до перестройки и не очень интересный после нее, но очень важный для нашего восприятия прошлого, а вместе с ним – и настоящего. Ведь если такая постановка вопроса в принципе допустима, закономерен и следующий вопрос (и Коэн его явно формулировал): что было бы, победи не Ельцин, а Горбачев? Куда зашла бы перестройка, не будь она прервана путчем и распадом СССР? Наконец, могло ли и постсоветское развитие России тоже пойти по другому пути? Могло ли влияние Америки на Россию быть более плодотворным, если бы она придерживалась другой политики?

Даже если нас не устраивают ответы самого Коэна, нужно искать какие-то еще. Подлинная проблема в том, что сама постановка вопросов слишком неудобна. Ведь возможность другого поворота на историческом перекрестке и заставляет анализировать сделанный в прошлом выбор, и побуждает к активному участию в политике, чтобы обеспечить лучшее будущее. А участие далеко не всегда комфортно, легче все списать на непреодолимую силу внешних обстоятельств.

Да, наверное, Стивен Коэн был не совсем точен, говоря о перспективах СССР в 1929 или 1991 году. Вероятно, он невер-

но оценивал и политику Путина. Но в чем ему не откажешь – это в смелости идти против общественного мнения и мнения большинства коллег.

Еще до русской революции, в конце XIX века, в США сформировались три традиции отношения к России. Одну, сторонники которой называли себя «реалистами», представлял в конце XX века Ричард Пайпс: для него наша страна не менялась, и в некотором смысле сегодняшняя Россия воспроизводит СССР, который, в свою очередь, воспроизводил императорскую Россию. Другой линии – «друзей русской свободы» – придерживается, например, недавний посол США в России Майкл Макфол, для которого стремящееся к свободе российское общество борется с подавляющим его государством.

Коэн был сторонником третьего подхода, согласно которому Россия может меняться, а ее опыт, отличающийся от западного, может оказаться важным самостоятельным уроком для остального мира. Такие, как Коэн, называли себя «русософилами». И они всегда были в меньшинстве.

С этими взглядами примерно коррелируют и три подхода американской дипломатии: либо сдерживание России, либо способствование демократизации, либо, наконец, отказ от всякой активной политики на российском направлении. Поэтому что, считают сторонники последнего подхода, любая активность Америки всякий раз превращалась в «миссионерство» или в «крестовый поход».

Опубликованные в августе 2020 года в американском издании Politico и бурно обсуждавшиеся письма дипломатов и ученых о том, как исправить российско-американские отно-

шения, вполне четко отражали позиции первых двух идейных лагерей. Не хватало третьего письма. После смерти Коэна трудно сказать, кто его напишет.

Опубликовано: <https://meduza.io/feature/2020/09/23/v-ssha-umer-istorik-stiven-koen-on-veril-v-sotsializm-borolsya-za-sblizhenie-rossii-i-ameriki-a-v-kontse-zhizni-stal-lyubimt>

American historian who helped redefine Soviet studies before becoming a pariah at home in the age of Putin

Ivan Kurilla*

Stephen Cohen belonged to the generation of American Russianists who advanced in academia in the 1960s and challenged stereotypes about the Soviet Union. These «revisionists» criticized the West's hardline policies and believed that constructive engagement with Moscow would strengthen reformist elements in the Soviet leadership. Scholars like Cohen supported the policy of détente in the 1970s when their recommendations seemed to resonate in Washington.

Cohen was one of the historians who revised perceptions of the Soviet past in order to change attitudes about the Soviet pre-

---

* *Ivan Kurilla* – Professor of history and international relations at the European University in St. Petersburg.

sent. Representatives of the older generation of American Russianists – primarily emigrants from Russia (like Mikhail Karpovich, for example) – argued that Russia would have transformed into a modern democracy, were it not for the First World War. Cohen transferred this logic to the next decade: the USSR would have built real socialism, were it not for Joseph Stalin.

Cohen's 1973 book, «Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography,» challenged the consistently anti-Soviet orthodoxy that prevailed in American academia while attracting mostly positive reviews from fellow historians. Many American scholars of the 1970s entertained the suggestion that Soviet Socialism held some appeal and the USSR's problem was in its implementation, not in leftism itself.

Cohen viewed Bukharin's ideas as an alternative to the Stalinist understanding of socialism. In fact, he went so far as to cast all Soviet history as a choice between the paths offered by Stalin and Bukharin. Naturally, Cohen saw elements of Bukharin's approach in Nikita Khrushchev's reforms. He was confident that reformists would ultimately return to power in Moscow, and he urged the United States not to prevent this by putting too much pressure on the USSR, which he warned would only reinforce the «hawks» in the Soviet leadership.

Things changed, however, when Richard Nixon resigned in 1974 and the value of the Soviet-American friendship fell into question. Nixon had been a big supporter of détente, but President Jimmy Carter abandoned the policy almost completely. From then on, Stephen Cohen would devote most of his work to promoting the idea of a rapprochement between the two countries. He helped found the American Committee for Soviet-American Accord and roundly criticized the Carter administration.

In the first years of Perestroika, Cohen's Bukharin book (translated into Russian and published in mass-circulation) marked a reinvention of the old Stalinist narrative about Soviet Russia's early history, which had been modified only mildly by the Communist Party's 20th Congress (when Khrushchev gave his «Secret Speech,» denouncing Stalin's personality cult and dictatorship). Cohen argued that the Stalinist path for developing the USSR wasn't the country's only option and Bukharin had actually articulated an alternative: developing socialism without repressions while permitting private initiatives. Had Bukharin won, the Soviet Union would have built «socialism with a human face,» people wrote in those years. (Or perhaps the Russians would have gone what is now known as «the Chinese route.») Suddenly, Cohen's book was perfectly in tune with the spirit of the times.

The affection was mutual. Perestroika's architects viewed Cohen as an ally, and he developed a deep respect for Mikhail Gorbachev, seeing him as a politician working to return the USSR to the path set by the hero of his book. Cohen was invited to appear on Soviet television programs and he even watched Moscow's 1989 Victory Parade from the podium near Lenin's Mausoleum at Red Square.

But the Russian discourse soon went further, breaking not only with Stalinism but with socialism entirely, as new opinion leaders argued that neither ideology existed «with a human face.» After the Soviet collapse, Cohen criticized Boris Yeltsin (lamenting Gorbachev's defeat) and temporarily fell out of favor in Russia, though his books remained in regular circulation, as they do to this day, thanks to the Association of Researchers of Russian Society (AIRO-XXI).

Beginning in the late 1990s, Cohen again turned his attention to U.S. policymaking, which led to a new surge of interest in his work. In most public speeches over the past 20 years, he focused on the mistakes committed by the White House in U.S. – Russian relations since 1991. Cohen defended and justified policies adopted by Vladimir Putin, arguing that they were a natural response to the political conditions imposed by the United States.

Cohen adopted especially contrarian views in 2014 and 2015 when he essentially repeated talking points from Kremlin propaganda about Ukraine and the Russian-Ukrainian conflict. After the election of Donald Trump, Cohen tirelessly challenged the American axiom of Russian election meddling and publicly hoped that Trump and Putin would be able to negotiate. In Russia, his work became another instrument for state propagandists. Cohen's book «Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia,» written in the wake of his disappointment with U.S. policymaking in the 1990s, was especially popular among Russian readers.

As a result, Cohen irritated American Democrats as a Trump supporter and alienated Russian liberals as a *Putinversteh'er*. Some American leftists were also suspicious, given Cohen's marriage to Katrina vanden Heuvel, the heiress to the fortune amassed by MCA Records founder Jules Stein, despite the fact that this wealth funds the important leftist magazine *The Nation* (which incidentally became Cohen's main public platform).

Leftists' wariness of Cohen was never entirely justified. In the end, he was mostly interested in U.S. domestic policy. The degradation of relations with Russia served merely as a pretext to criticize the people he held responsible for failing to realize the hopes of the Perestroika era.

It's not surprising that Jack Matlock – another American well-known to Russians and one of Washington's last ambassadors to the USSR – appears to share many of Cohen's views (though Matlock expresses himself more diplomatically and seems to criticize U.S. policy without justifying Moscow's actions). The domestic political aspects of Cohen's opinions are lost almost completely on Russians; Putin's opponents automatically dismiss him as a Kremlin loyalist without realizing that he took relatively little interest in contemporary Russian politics.

Cohen's positions proved to be so problematic for dispassionate discourse that he ended up in the minority even within the American academic community, which had embraced his earlier work. A few years ago, he donated family money for a dissertation grant in Russian history, proposing to name it the Cohen-Tucker Research Fellowship, in honor of his late adviser, Robert Tucker. The Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES) tried to convince Cohen to remove his own name from the grant but ultimately agreed to his terms. This capitulation led to public protests from some scholars in the field and a few even left ASEEES altogether. (Cohen also used his private wealth to finance the publication of work by young researchers in Russia through the Association of Researchers of Russian Society.)

Whatever his political views, Cohen wasn't wrong to say that his name meant something in the study of history. From his very first books, he challenged the «teleological» scientific history described by scholars like Johan Huizinga – that is, the idea that all past events could only have led to the version of the present with which we are now familiar; that everything is natural and no alternatives are possible. The teleological perspective erases free will and the ability to fight for a better future; everything is pre-

determined if there are firm «laws of history.» From the beginning, Cohen devoted himself to exploring alternatives and «forks in the road.»

What would the Soviet Union have been, had Bukharin, not Stalin, prevailed within the Communist Party? It was an impossible question before Perestroika and not particularly interesting afterward, but it remains important for our understanding of the past and, with it, the present. After all, if the question's formulation works in principle, the next questions also have merit (and Cohen articulated them clearly): What would have happened if Gorbachev won, instead of Yeltsin? Where would Perestroika have taken the USSR, if the coup and collapse had not disrupted it? And could Russia's post-Soviet development have followed another path? Could America's influence on Russia have been more fruitful if Washington had pursued other foreign policies?

Many find Cohen's answers to be unsatisfying, but scholars still grapple with the questions he raised. The real challenge lies in the discomfort of how Cohen formulated his questions. Entertaining alternatives at historical crossroads forces us to analyze the choices made in the past and encourages active participation in politics in pursuit of a better future. But participation isn't always comfortable, and it's far easier to chalk up the past to the unstoppable force of external circumstances.

Yes, Stephen Cohen was probably not entirely accurate when he wrote about the USSR's prospects in 1929 or 1991. And he likely misjudged Vladimir Putin's politics, as well. But what you cannot deny is the courage it took Cohen to go against public opinion and the opinions of most of his colleagues.

Even before the Russian Revolution, in the late 19th century, attitudes about Russia in the United States fell roughly into three camps. First, there were supporters who called themselves «real-

ists,» represented in the late 20th century by the historian Richard Pipes, for whom Russian history was essentially unchanging and, in a certain sense, modern-day Russia merely reproduces the USSR, which in turn reproduced Imperial Russia. Another school of thought – the «friends of Russian freedom» – view Russian society as striving for freedom in a fight against a repressive state. (The political scientist and recent U.S. ambassador to Russia Michael McFaul embodies this thinking today.)

Stephen Cohen supported a third approach, believing that Russia can change and that its historical experience is unique from the West's, constituting a potentially important, independent lesson for the rest of the world. Those like Cohen sometimes call themselves «Russophiles,» and they have always been in the minority.

These three schools of thought also correlate roughly to the three ways American diplomacy has engaged Moscow: containment, promoting democratization, and, finally, rejecting any active policy on Russia at all. Advocates of this last approach argue that any American activity in the past has always transformed into «missionary work» or «a crusade.»

In August 2020, *Politico* published hotly debated open letters from two groups of U.S. diplomats and scholars assessing America's current Russia policy. The two texts, signed by 136 different people, clearly reflect the positions of the «realists» and the «friends of Russian freedom.» There's been no third letter. With Stephen Cohen gone, it's hard to say who will write it.

Published: <https://meduza.io/en/feature/2020/09/25/remembering-stephen-cohen>

Translated by Kevin Rothrock.

Он всегда с нами

*Михаил
и Антонина
Фадеевы*

Для нашей семьи уход Стива – огромное и страшное горе. Ведь Стив за 45 лет нашей близкой дружбы стал родным человеком. Болезнь пришла внезапно, но мы надеялись, что её позволят преодолеть медицина, сила воли, заботливое отношение Кати и Ники.

Неправда, что время лечит!

Ушел замечательный, порядочный и светлый человек, крупный учёный, историк и, пожалуй, лучший специалист по истории СССР и России!

Наше знакомство началось после выхода в Нью-Йорке книги «Бухарин. Политическая биография 1888–1938». Летом 1975 года Стива встречали мой брат Юрий (сын Н.И. Бухарина) и муж моей сестры Дато. Мы все волновались, смущался и Стив. Общались с ним в основном мама – Анна Михайловна Ларина-Бухарина – и Юра. В дальнейшем приезды Стива в Москву становились праздником для всей нашей семьи. Помним, как они прилетели уже втроем – Стив, Катя и трёхмесячная Ника (названная Николой-Анной по имени Николая Бухарина и Анны Лариной-Бухариной).

Стивен Коэн с Анной Михайловной Лариной-Бухариной на съемках фильма «Вдова революции». Лето 1995 года.

Stephen Cohen with Anna Mikhailovna Larina-Bukharina during the filming of the documentary «Widow of the Revolution: The Anna Larina Story.» Summer 1995.

Стив сделал невероятно много для возвращения честного имени Бухарина. Он издал в США книгу А. Лариной-Бухариной «Незабываемое», принял решающее участие в создании фильма об истории жизни нашей мамы и нашей семьи «Вдова революции». Этот фильм дважды демонстрировался на нашем телевидении. Когда Анна Михайловна скончалась, он прилетел специально из США, чтобы проводить её в последний путь.

Помним, как мама сказала Стиву: «Ты родился в 1938 году. В этом году был убит Н.И. Бухарин. Разница в возрасте у вас

с Катей почти такая же, как у нас с Бухариным». И прожил Стив и наша мама на этом свете одинаковое количество лет.

Невозможно смириться с тем, что его больше нет. Но он всегда с нами. Вечная ему память.

He's Always With Us

*Mikhail and Antonina
Fadeyev*

For our family the passing of Steve is a colossal, tragic loss. Because 45 years of our close friendship made him virtually a member of our family. The illness came suddenly, but we hoped it would be tamed by medical treatment, will power, the nurturing care of Katya and Nika.

No, time does not heal!

Death took a wonderful, fine person, a man of honor, a prominent scholar and historian and perhaps the best expert on the history of the USSR and Russia!

We first met after the release of the book «Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography. 1888–1938» in New York. In the summer of 1975 Steve was welcomed by my brother, Yuri (Nikolai Bukharin's son), and my sister's husband, Dato. All of us were agitated, Steve was feeling uneasy as well. It was mostly our mother, Anna Mikhailovna Larina, and Yura who were talking with them. Later, Steve's visits to Moscow were very special occasions for all our family. We remember how they arrived when there were already three of them – Steve, Katya and

3 month-old Nika (called Nicola-Anna in honor of Nikolai Bukharin and Anna Larina-Bukharina).

Steve went to incredible lengths to rehabilitate Bukharin. He published in the U.S. Anna Larina-Bukharin's book «This I Cannot Forget: The Memoirs of Nikolai Bukharin's Widow» and made a vital contribution to the creation of the film about the life story of our mother and our family «Widow of the Revolution». The film was twice shown on our television. And when Anna Mikhailovna passed away, he flew in from the U.S. to pay last respects to her.

We remember how mom told Steve: «You were born in 1938. The year Nikolai Bukharin was killed. Your age difference with Katya is almost the same as Bukharin's and mine.» And the number of years Steve and our mother lived on earth is the same.

It's impossible to accept the fact that he's gone. But he's always with us. May the memories of him last forever.

Translated by Maria Solovieva.

Когда уходят друзья...

Татьяна Баева*

Сентябрь 2020 года омрачился уходом близкого друга Стивена Коэна. Мы дружили более сорока лет...

Семидесятые годы, Москва. Пышным цветом цвела советская власть. Это были застойные, вернее, стабильные, времена брежневской эпохи. Начался невиданный доселе обмен учеными разных стран. Стив оказался одним из них и поселился с семьей в доме от Академии наук, где жила и я. Советский народ с опаской и огромным интересом стал общаться с иностранцами. Для меня же не существовало никаких запретов: бесшабашная диссидентская юность лишила меня возможности сделать карьеру, но подарила удивительное чувство свободы.

Что поражало в Стиве все годы нашей дружбы, так это огромный интерес к России, вера в ее будущее и доверие к людям, с которыми он общался. Тогда такая позиция была малопонятна. Мы совсем не ценили прелести социализма и грезили мечтой о свободных странах с невиданными демократическими режимами. Стив же реально оценивал все минусы капитализма и плюсы социализма. Все его визиты в

---

* Татьяна Баева – друг семьи Ст. Коэна.

Москву сопровождалась тоннами книг самого разного толка, запрещенных в СССР.

Стив был счастлив в дружбе и любви. Искренность и честность в отношениях делали его удивительно привлекательным для общения. У него были отличные учителя и друзья в мире истории. Роберт Такер и Александр Даллин привили ему вкус к глубокому историческому анализу, что позволило ему стать большим авторитетом в мире политики. Он избегал общения с конъюнктурщиками и приспособленцами от науки, и сам как учёный никогда не лжесвидетельствовал выгоды ради. К мнению Стива прислушивались политологи. Он был постоянным политическим комментатором на канале CNN. И я не раз выслушивала хвалебные отзывы о нем среди «народа».

Казалось бы, что ничто не может поколебать его авторитет серьезного ученого. Но в истории Америки произошли внезапные и глубокие перемены: свобода слова была решительно аннулирована. Очевидно, Россию ждет такой же «сюрприз». От гражданина теперь ожидается только одно: полное послушание. Для этого, как вы понимаете, оригинальность мышления делается лишним придатком. Уровень образования в Америке, а теперь и в России, стремительно падает. Научная работа лишилась главного – свободы мысли. Стив в своё время сказал: «Нельзя быть хорошим ученым и соблюдать осторожность одновременно». Невольно вспоминается диссертация, защищенная в крупном университете США: «Пернатые в романе Пастернака “Доктор Живаго”».

Ценность человеческой личности в оригинальности её суждений, стремление внести свой вклад в развитие цивили-

зации теперь решительно потеряли цену. Свобода мнений стремительно испарилась. Стив, как и многие американцы, не мог поверить в такие решительные перемены в стране, где демократические принципы долгие годы являлись фундаментом общества. Он вновь и вновь озвучивал свою позицию, надеясь, что встретил простое непонимание, а не конформизм и политкорректность своих оппонентов. Особенно его ранило давление со стороны близких друзей. Но даже русское либеральное крыло не терпит «инакомыслия». Стив – сторонник объективного мышления. Жизнь и история учит нас толерантности к мнению других, не поступаясь собственными принципами. Началось огромное давление на Стива, он испытал на себе все «прелести» диссидентства. Первоначальное равнодушие к мнению коллег сменяется озабоченностью. Вчерашние «друзья» позволяли себе нелепые выражения в его адрес. Давление не миновали и его жену Катрину ванден Хювел, которая во многом разделяла и поддерживала мнение мужа. Даже их дочь Ника не избежала угрожающих намеков. Уместно вспомнить книгу Оруэлла «1984». Последнее, что дает герою книги силы к сопротивлению, это – любовь. Стив признавался, что если репрессии коснутся Катрины и Ники, он сдаст свои позиции. К счастью, он не дожид до этого. Тяжелая болезнь избавила его от этого унижения.

Все эти годы рядом со Стивом была Катрина, друг и жена, верный соратник и утешитель. Она вынесла на себе и все тяготы тяжелой болезни, которые исказили любимые черты, но не угасили дух Стива. Они вместе боролись с болезнью. А вскоре ушел в иной мир и отец Катрины, чья жизнь и биография достойны подражания. Катрина была особенно близка с ним.

Ника с неизменным мужеством поддерживала отца. Его потеря для нее огромна. Огромнее, чем для всех на свете. Он был для нее опорой и источником любви. И ушел слишком рано...

Я глубоко сочувствую семье Стива. Зияющую пустоту этой потери ничем не заполнить. Когда уходят друзья, остается глубоко интимное пространство в душе каждого из нас, где хранится их голос, взгляд, улыбка. Их позиция в нашем зыбком мире, которая поддерживала в нас веру, надежду и любовь.

When Friends Go Away...

Tatiana Bayeva *

September 2021 was darkened by the passing of my dear friend Stephen Cohen. Our friendship lasted for over forty years...

Moscow of the seventies. The Soviet regime was in full flower. It was the stagnant, or rather stable, period of Brezhnev's rule. A multi-country scholar exchange began, on a scale previously unseen. One of those exchange scholars, Steve settled with his family in the Academy of Sciences' apartment building where I lived. Cautiously and with great interest Soviet people began socializing with foreigners. But there were no prohibitions for me: my

---

* *Tatiana Bayeva* is a close friend of Cohen's family.

Главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов на праздновании дня рождения Стивена Коэна в редакции газеты.

The editor of the Novaya Dmitry Muratov at Stephen Cohen's 80th birthday party in the newspaper office.

foolhardy youth scuttled my career prospects but endowed me with a wonderful sense of freedom.

What I found astonishing in Steve in all these years of our friendship was his enormous interest in Russia, his belief in its future, and his trust in people with whom he was in touch. Such attitudes were quite bewildering at that time. We did not in the least appreciate the bounties of socialism and were dreaming of free countries with fantastic democratic regimes. Steve, however, could clearly see all the drawbacks of capitalism and the advan-

tages of socialism. Every time he came to Moscow he would bring tons of most diverse books banned by censors in the USSR.

Steve was fortunate in friendships and in love. Sincerity and honesty in dealing with people made him a social magnet. He had marvelous teachers and friends in the world of history. Robert Tucker and Alexander Dallin inculcated him with a taste for in-depth historical analysis, which made him a highly influential figure in the world of politics. He avoided contacts with academic opportunists and conformists, and had never perjured himself as a scholar. Political scientists listened attentively to what Steve had to say. He was a frequently featured political commentator at CNN. And on numerous occasions I heard ordinary folks praise him.

It seemed that his reputation of a serious scholar could sustain any blow. However, sudden and deep changes happened in America's history: freedom of speech was decisively eliminated. There seems to be a similar «surprise» in store for Russia. Now there is just one thing expected from a citizen: unwavering obedience. To achieve this, as you can see, original thinking is made a redundancy. The quality of education in the U.S., and now in Russia, is quickly deteriorating. Academic work lost its foundation – freedom of thought. Steve once said: «You can't be a good scholar while exercising caution at the same time.» What comes to the mind is a thesis defended at a large American university: «Birds in Pasternak's novel 'Doctor Zhivago.'»

The value of a person consists in originality of his/her opinions, whereas the ambition to make a personal contribution to the history of civilization is no longer considered important. Freedom to express one's own opinions disappeared overnight. Like many Americans, Steve for a long time could not believe

such radical changes were happening in a country where democratic principles had long been the foundation of society. He was speaking up about his position again and again, hoping that his opponents were simply misunderstanding him and not acting out of conformism and political correctness. The pressure from his close friends was especially painful to him. But even Russian liberals cannot tolerate «dissent». Steve is a proponent of objective thinking. Life and history teach us to be tolerant of other people's opinions without forsaking our own principles. An immense pressure began to be put on Steve, he experienced all the «pleasures» of dissidence. An initial indifference to colleagues' opinions gave way to anxiety. Erstwhile «friends» had the nerve to make unflattering remarks about him. His wife, Katrina vanden Heuvel, who shared and supported many of her husband's opinions, was in for the same treatment. Even their daughter Nicola had her share of oblique intimidation. Bringing up Orwell's «1984» seems completely appropriate here. The last remaining source of strength for resistance the book's hero can draw on is love. Steve said forthrightly that if the reprisal targeted Katrina or Nicola, he would give up. Fortunately, he did not live to see it happen. A grave illness spared him this humiliation.

All these years Steve had Katrina by his side, his friend and wife, loyal associate and comforter. She also had to take all the pains associated with the grave illness that twisted the features of the beloved face but did not subdue Steve's spirit. They together were fighting the illness. And soon death took Katrina's father, a man whose exemplary life is worthy of emulation. Katrina was especially close with him.

Nicola supported her father with unwavering courage. His passing is an enormous loss for her. A loss bigger than for any-

body else. He was her pillar of support and the source of love. And he left too early...

I feel deeply for Steve's family. There is nothing to fill the gaping void left after this death. When friends pass away, they leave in the souls of each of us an intimate space where their voices, a look in their eyes, their smiles are kept. They leave with us their position in our unstable world – the position that used to sustain our faith, hope and love.

Translated by Maria Solovieva.

Его любили, и с ним было легко

Ирина Ключникова

18 сентября 2020 года мне написал мой бывший коллега из CBS и сообщил печальную весть о кончине Стивена Коэна. Это был шок. Я не знала про болезнь Стива, поэтому очень ждала его приезда в Москву как обычно осенью, надеясь, что второй волны ковидных ограничений не будет.

Я горько плакала, как плачут, потеряв близкого человека.

С 1990 года в течение 18 лет я работала в московском представительстве американской телекомпании CBS NEWS. Стив и Катрина с маленькой дочкой Никой часто приезжали в Москву. Я помогала Стивену с визами, аккредитациями, с бронированием гостиниц, транспортом, разными организационными вопросами.

Меня всегда поражали в Стиве его интеллигентность и ответственность за то, что он говорил и делал. Всё бывает в рабочих моментах. И ни разу ни на кого он не позволил себе повысить голос или выказать недовольство происходившим. Потрясающей выдержки был человек, и профессионал высочайшего уровня.

Я не журналист и не политолог, но все его комментарии текущих событий, консультации и интервью были мне (учи-

телю английского языка по образованию) поразительно доступны и понятны. Он так просто и ясно всё объяснял.

Ещё я всегда наслаждалась и умилялась, наблюдая, как бережно относились друг к другу Стив и Катрина. Конечно, это заслуга обоих супругов, но всё же Стивен был мужем и отцом с большой буквы. В этом я имела возможность убедиться, когда была у них в гостях в Нью-Йорке в конце 90-х. Их гостеприимство зашкаливало и расслабляло. Этот визит я запомнила на всю жизнь. Пили чай, шутили, беседовали обо всём на свете. Стив был очень благодарный человек и совершенно незаносчивый. Он был медийный, очень известный и популярный не только в своих кругах и стране, а с простыми людьми никогда не ставил себя выше. Его любили, и с ним было легко. Об этом мне рассказывали сотрудники гостиницы «Арбат», где они с Катриной много лет останавливались. Да и мы, сотрудники московского бюро CBS, всегда были рады общению со Стивеном Коэном.

Боль от его ухода глубоко ранила моё сердце и не утихает. Всегда буду помнить его.

He Was Loved, and He Was Easy To Be With

Irina Klyushnikova

On September 18, 2020, a former colleague from CBS sent me a message with the sad news about Stephen Cohen's demise. I was shocked. I didn't know about Steve's illness and was eagerly awaiting his visit to Moscow, in the autumn as usual, hoping that there will be no second wave of COVID-related restrictions.

I wept inconsolably, the way you weep when you lose someone very dear to you.

Since 1990 I worked for 18 years at the Moscow office of the American broadcaster CBS NEWS. Steve and Katrina with their little daughter Nicola came to Moscow often. I used to help Stephen with visas, accreditations, hotel booking, transportation, various organizational matters.

What I always found astonishing in Steve was his graciousness and a sense of responsibility for what he did and said. All sorts of things can happen on the job. And he never once as much as raised his voice vis-à-vis anyone or expressed his displeasure over what was going on. He was a man of unbelievable self-possession and a professional of the highest caliber.

I'm not a journalist or a political scientist but all his comments about current events, all his consultations and interviews were astonishingly accessible to me (trained as a teacher of English language) and easy to understand. He explained everything in such simple and clear terms.

Besides, I was always delighted and moved to see how delicately and gently Steve and Katrina treated each other. Of course, credit for it goes to both spouses, and yet Stephen was a husband and father with capital H and F. I had a chance to see it for myself when I was their guest in New York in the late 1990s. This hospitality was exceptional and unwound you. This visit I will remember for the rest of my life. We drank tea, joking, talking about anything and everything.

Steve had a great capacity for gratitude and not a tinge of haughtiness. With a high profile in the media, he was very well known and popular – not only among his peers and in his country; in his contacts with ordinary folks, he never put on airs, people loved him, he was easy to deal with. I was told about it by the staff of the Arbat Hotel, Steve's and Katrina's hotel of choice for many years. And we, employees of CBS's Moscow bureau, were always pleased to talk to Stephen Cohen.

The heartache caused by his demise is profound and isn't going away.

I will always remember him.

Translated by Maria Solovieva.

Stephen Cohen, R.I.P.

Marshall Auerback*

NEW YORK – History will prove much kinder to Stephen Cohen than many of his erstwhile colleagues who dropped him like a hot potato when he refused to go along with the nation’s collective descent into the madness we now call «Rus-siagate.» It is one of life’s sad ironies that the last few years of his life found him being «cancelled,» the 21 century equivalent of the Soviet rectification campaigns that he studied for much of his career.

Steve’s courage and intellectual integrity is no surprise to those of us who had the good fortune to know him. Despite the insults (or worse), he remained excellent company whenever I had the chance to meet up with him. He never allowed disappointment or bitterness to poison relationships with friends. Whether it was discussing the New York Knicks, his longtime championing of basketball tournaments for poor ghetto kids, his attempted pursuit at a professional career in golf (the futility of

---

* *Marshall Auerback* is a researcher at the Levy Economics Institute of Bard College, a fellow of Economists for Peace and Security, and a regular contributor to *Economy for All*, a project of the Independent Media Institute.

which he realized when he began competing in his youth against Frank Beard, a reasonably successful golfer on the P.G.A. tour in the 1960s), or his encounters with Mikhail Gorbachev, Steve was consistently engaging, and full of good humor. No matter what the topic, dinner always seemed too short when we were together, because his stories were so compelling.

That he was shunned for expressing unpopular views didn't stop Stephen from speaking truth to power when he felt it necessary to do so. Notwithstanding the disgusting slurs («Putin's poodle» was a particularly absurd one), he continued to speak on important issues (especially on Russia and the renewed dangers of nuclear warfare) with a depth of knowledge and academic rigor that put to shame his opponents, who even to this day don't have the honesty to admit how sadly mistaken they were in perpetuating America's collective descent into today's mass insanity. Many of these people remain at their prominent perches in the media or government, but I'm sure history will not be kind to them, which I'm confident will not be the case with Stephen Cohen.

It is indeed sad that Steve did not live to see his views vindicated, but he has a substantial written record that will more than stand the test of time. It was an honor to know him and a blessing to have learned so much from this wise and truly warm soul.

Published: www.patricklawrence.us/journal-entry-53

Покойся с миром, Стивен Коэн

Маршалл Ауэрбэк*

История, несомненно, будет куда добрее к Стивену Коэну, чем многие бывшие коллеги, которые бросали его, как горячую картошку, когда он отказался погружаться вместе со всей нацией в коллективное безумие, именуемое ныне «Рашагейтом». Есть грустная ирония в том, что в последние годы жизни он оказался «аннулирован», или «вычищен», – по аналогии с кампаниями советских «чисток», которые он изучал на протяжении своей карьеры.

Мужество Стива и его интеллектуальная честность были хорошо известны тем из нас, кому повезло знать его лично. Несмотря на все оскорбления (или что похуже) в его адрес, он оставался отличным товарищем, что подтверждалось всякий раз, когда нам удавалось встретиться. Он никогда не позволял личным обидам вторгаться в его отношения с друзьями. О чем бы ни заходила речь: о матчах «Нью-Йорк Никс» или организуемых им много лет подряд баскетбольных турнирах для детей из бедных кварталов, о его попытке стать профессиональным гольфистом (тщетность которой он осознал еще в юности, выйдя на поле против Фрэнка Берда – довольно известного профессионального гольфиста 1960-х годов) или его встречах с Михаилом Горбачевым, – Стив го-

---

* *Маршалл Ауэрбэк* – американский экономист, научный сотрудник института экономики Бард-колледжа (Нью-Йорк), член организации «Экономисты за мир и безопасность».

ворил одинаково увлеченно и с хорошим чувством юмора. Его истории были настолько интересными, что наши совместные обеды всегда оказывались слишком коротки.

То, что из-за своих непопулярных взглядов он сделался изгоем, не остановило Стива и не помешало говорить правду власти, когда он считал это нужным. Невзирая на отвратительные прозвища, которыми его награждали («пудель Путина» звучало особенно нелепо), он продолжал высказываться по важным вопросам (особенно по поводу России и новой угрозы ядерной войны), демонстрируя глубину знаний и четкий научный подход, – чем выгодно отличался от своих оппонентов, которые даже сегодня не хотят честно признать, как глубоко ошибались, помогая Америке сползать в ее нынешнее состояние массового помешательства. Многие из этих людей и поныне остаются на своих высоких постах в массмедиа и правительстве, но история, я уверен, не пощадит их – в отличие от Стива Коэна.

Очень обидно, что Стив не сумел сам дожить до того дня, когда его правота восторжествует, но за него это сделает его внушительное письменное наследие, которое, несомненно, выдержит испытание временем. Я счастлив, что имел честь знать его и учиться у этого мудрого и по-настоящему тепло-го, душевного человека.

Опубликовано 23 сентября 2020 г. в подборке под названием «Четыре элегии» на личной странице Патрика Лоуренса: www.patricklawrence.us/journal-entry-53/

Перевод Ирины Давидян.

Выступление Стивена Коэна в Московском университете на его 80-летие

Дмитрий Андреев*

Я не был близко знаком со Стивеном Коэном, встречался с ним несколько раз на мероприятиях Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), разговаривал и иногда полемизировал – благодаря содействию моего друга, руководителя Международного совета АИРО-XXI Геннадия Бордюгова. И конечно, был безмерно благодарен за поддержку издательского проекта «Первая монография», в рамках которого несколько моих учеников смогли опубликовать свои доработанные кандидатские диссертации.

Но получилось так, что я как заместитель декана исторического факультета Московского университета оказался в центре событий, связанных с подготовкой и проведением выступления Коэна перед студентами 27 ноября 2018 года. Это посещение Московского университета, как потом оказалось, стало последним в его жизни. Меньше чем через два года Коэна не стало.

Выступление в Московском университете явилось одним из пунктов довольно насыщенного визита Коэна в Москву в

---

* *Андреев Дмитрий Александрович* – заместитель декана по научной работе исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Стивен Коэн выступает перед студентами в аудитории Шуваловского корпуса МГУ имени М.В. Ломоносова.

Stephen Cohen speaking in front of students in a hall of MSU's Shuvalov Building.

связи с его 80-летием. Причем это выступление было в полном смысле этого слова юбилейным – оно состоялось через два дня после дня рождения Коэна. К этой дате в АИРО-XXI вышел толстый том его избранных работ. Коэна повсюду принимали исключительно радушно, а он щедро подписывал и раздаривал новую книгу.

Однако я, готовя его выступление на нашем факультете, испытывал неуверенность и даже тревогу. Дело в том, что звездный час Коэна в нашей стране – это, конечно же, выход в 1988 году его книги о Бухарине и буквально еще несколько следующих месяцев. Тогда он довольно часто выступал в те-

лепередачах, его интервью регулярно выходили в популярных на тот момент газетах. Но всё это продолжалось недолго. Перестройка шла к своему финалу, Бухарин (как, впрочем, и новый взгляд на сталинскую эпоху) интересовал всё меньше и меньше – в центре внимания остались только бытовые проблемы и вопросы текущей политики. Они волновали гораздо больше, нежели события полувековой давности. В первые постперестроечные годы о Коэне еще помнили, но постепенно его имя совсем исчезло из текущей новостной повестки, и о нем знали лишь немногочисленные историки, занимавшиеся сталинским временем.

Поэтому я не был уверен в том, что Коэн как русист, как автор исследований по советской истории известен современным студентам – даже студентам-историкам. Да, они изучают сталинскую эпоху, но сегодня взгляд на нее куда более сложный и неоднозначный (хотя при этом и не менее политизированный), чем в перестройку. Но что им абсолютно чуждо, так это присущий Коэну романтический взгляд на историческую возможность другого, альтернативного социализма – социализма по Бухарину.

Поэтому тему выступления Коэна мы обозначили максимально широко – *The New Cold War: Reports from America*. Состояние российско-американских отношений на тот момент делало такую формулировку беспроигрышной: уж об этом-то всегда интересно и послушать, и спросить американца, который к тому же хорошо знаком с российскими реалиями и в совершенстве владеет русским языком.

В итоге мероприятие удалось.

Коэна приятно удивила специальная выставка его книг, вышедших в нашей стране и в Америке, в библиотеке Шува-

ловского корпуса МГУ (выставка была подготовлена исключительно грамотно, со знанием дела: на ней были представлены не только бестселлеры, но и малоизвестные и даже самиздатовские выпуски работ Коэна).

После просмотра выставки и теплого дружеского чаепития в помещении Фонда Франклина Рузвельта по изучению США на историческом факультете Коэн выступал, как всегда, воодушевленно и эмоционально. Вроде бы, он не сказал ничего из того, что не было бы известно аудитории, но зал он определенно держал. Коэн говорил о том, в чем разбирался высокопрофессионально, – об американской антироссийской пропаганде, о насаждаемых в его стране штампах, о нежелании заказчиков всей этой кампании вникать в суть происходящих в современной России процессов. Выступление мэтра нашло живой отклик в аудитории: его буквально завалили вопросами, причем по содержанию вопросов было понятно, что наши студенты (в основном, конечно, американисты, хотя и не только они) вполне в теме происходящего в Америке Трампа.

Более того, несколько слушателей задали Коэну вопросы и по его исследованиям советской истории, в том числе об идейном наследии Бухарина в современной социалистической мысли. Так что моя убежденность в том, что нынешние студенты не знают этой стороны творчества Коэна, к счастью, не оправдалась. Во всяком случае, как с вехой историографии – причем одновременно и западной, и российской – они оказались очень хорошо знакомы. И после выступления к Коэну подходили студенты за автографом с его книгой о Бухарине – и ныне антикварного издания 1988 года, и с более поздними выпусками.

*Стивен Коэн подписывает в подарок свою новую книгу.
Stephen Cohen signs a gift copy of his new book.*

После выступления Коэн и его жена, Катрина ванден Хювел, побывали в картинной галерее, которую подарил университету Владислав Малькевич – бывший видный советский и российский управленец, член антикризисного правительства Евгения Примакова, – и общались с меценатом. Посещение университета завершилось приемом у ректора, академика Виктора Садовниченко.

Стивен Коэн ушел в историю. И я очень рад тому, что молодое поколение, будущие историки успели послушать этого легендарного ученого, задать ему вопросы, получить автограф. Из таких моментов и складывается память. А память у специалистов по прошлому – это профессиональное качество.

Stephen Cohen Speaks at MSU on His 80th Birthday

Dmitry Andreyev *

I was not a close friend of Stephen Cohen; I met him several times at events organized by the Association of Russian Society Researchers (AIRO-XXI), talking and occasionally arguing with him – all thanks to my friend and the head of AIRO-XXI's international council Gennady Bordyugov. And of course I was enormously grateful for his support of the First Monograph publishing project, which assisted several of my students in publishing polished versions of their doctoral theses.

As a deputy dean of MSU's faculty of history, meanwhile, I happened to play a central part in the preparation and management of Cohen's public appearance in front of students on November 27, 2018. That visit to MSU would turn out to be his last. Less than two years later Cohen passed away.

Cohen's public appearance at MSU was one of the items on his fairly tight schedule during his visit to Moscow on the occasion of his 80th birthday. And this speech was commemorative in the full sense of the word: it took place two days after Cohen's birthday. AIRO-XXI released a large tome of his selected works to mark the occasion. Greeted with open arms everywhere, Cohen was unstintingly signing and gifting copies of his new book.

---

* *Dmitry Alexandrovich Andreyev* is deputy dean for research at the faculty of history at Lomonosov Moscow State University (MSU).

Preparing his public appearance at our faculty, however, I was feeling uncertainty and even anxiety. The fact of the matter is that in our country Cohen's finest hour was of course in 1988 – the instant when his book about Bukharin was released and, quite literally, just several months that followed. He was then a fairly frequent guest on TV talk shows and his interviews were regularly featured in newspapers, which were popular media then. But all this was not to last. Perestroika was heading towards its finale, there was less and less interest in Bukharin (and in the new approaches to Stalin's era, for that matter) – the attention was focused only on problems of everyday living and political issues of the day. These matters were stirring much more excitement than the events that took place half a century ago. In the first years after perestroika Cohen was still remembered but gradually his name totally disappeared from the news agenda, and his name was familiar only to the handful of scholars of the Stalin era.

So I was not sure that modern students – even history students – knew about Cohen as a Russia scholar, as the author of studies on Soviet history. Yes, they study the Stalin era but today its interpretations are much more complex and nuanced (although no less politicized) than during perestroika. But as for Cohen's romantic belief in the historical possibility of another, alternative socialism, the socialism according to Bukharin – these views are completely foreign to them.

So for Cohen's address we came up with as broad a description of the topic as possible: *The New Cold War: Reports from America*. Because of the state of Russian-American relations at that time, this formulation held universal appeal: it was something that people were always interested to learn about, and pose

questions about to, an American, who, on top of everything, knew Russia's realities very well and had a perfect command of Russian language.

The event turned out well.

Cohen was pleasantly surprised by the special exhibition of his books published in our country – at the library of MSU's Shuvalov Building – and in the U.S. (the exhibition was very capably and competently organized, featuring not only Cohen's best-sellers but also his little known works and even Samizdat publications of his texts).

After a tour of the exhibition and a cozy tea party in a friendly atmosphere at the Roosevelt Foundation for the Study of the United States at the faculty of history, Cohen delivered, as usually, an impassioned and emotional speech. He actually did not say anything that the people gathered in the room did not know but he certainly was a magnetic presence. Cohen brought up issues about which he had an in-depth professional knowledge – the American anti-Russian propaganda, the stereotypes propagated in his country, the unwillingness of this campaign's promoters to gain a thorough understanding of the processes going on in Russia today. The maestro's speech got lively response from the audience: he was literally peppered with questions, and what's more, they clearly showed that our students (of course, mostly, although not exclusively, those specializing in the American Studies) were well versed in the realities of Trump's America.

Moreover, several attendees asked Cohen about his Soviet history research, including the legacy of Bukharin's ideas in modern socialist thought. So my presumption that present-day students were not familiar with this aspect of Cohen's work, fortunately,

Stephen Cohen at the Roosevelt Foundation for the Study of the United States at the faculty of history, MSU.

Стивен Коэн в помещении Фонда Франклина Рузвельта по изучению США на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

was proved wrong. In any case, the students turned out to be very well familiar with it as a milestone in historiography – both Western and Russian. And after Cohen's speech students flocked to him asking to sign his Bukharin book – the now hard-to-come-by 1988 edition and later editions.

After the speech Cohen and his wife, Katrina vanden Heuvel, visited the picture gallery donated to the university by Vladislav Malkevich, a former prominent Soviet and Russian senior government official and a member of Yevgeny Primakov's anti-crisis cabinet – and talked with the patron of arts. The visit to the

---

school was finished off with a reception hosted by MSU's head, academician Viktor Sadovnichiy.

Stephen Cohen is now part of history. And I am very happy that the young generation, the future historians had the opportunity to listen to this legendary scholar, ask him questions, receive his autographs. This is one of those events that shape our memories. And for experts on the past, memory is a professional quality.

Translated by Maria Solovieva.

История не может быть предрешена

Екатерина Егорова*

Трудно подобрать слова, когда вспоминаешь ушедшего от нас Стивена Коэна. Он был одним из самых достойных, порядочных и добрых людей, которых я в своей жизни встречала. Говоря о нем, мне трудно не впасть в некую патетику, а это менее всего совместимо со Стивом, человеком абсолютно не пафосным, наделенным чувством самоиронии.

Впервые я услышала об историке Стивене Коэне, как и многие советские люди, во второй половине 1980-х годов. В те благословенные времена я работала учителем истории в одной из московских школ. Публикации запрещенных прежде произведений, споры о прошлом и будущем страны, ослабление диктата по отношению к школе – от всего этого захватывало дух. Информация, которая в изобилии изливалась на нас в те годы, порой вызывала тяжелые переживания. Мучительно было расставаться со многими прежними идеалами и разочаровываться в кумирах. Помню, как спорили мы в учительской о жгучих вопросах двадцатого века, как резко устарели учебники по истории, как отчаянно мы нуждались

---

* *Екатерина Егорова* – менеджер по историческому наследию и антиквариату отеля «Метрополь».

в новых книгах, статьях, передачах, раскрывающих новый взгляд на наше прошлое. Трудно передать словами впечатление, которое вызвало появление книги Стивена Коэна о Бухарине. Это был прорыв в познании нами советской истории, столько десятилетий изуродованной полным обезличиванием.

Лично я познакомилась со Стивеном Коэном (Стивом, как он просил его называть) в начале 2000-х годов. Я работала в гостинице «Метрополь» PR-менеджером, занималась историей отеля. Мне удалось найти комнаты, в которых когда-то жили герои книг Стива – семьи Бухариных и Лариных. Стив узнал о моих изысканиях от сотрудников ресепшн и высказал желание со мною познакомиться. На встречу со знаменитым историком я шла с трепетом (еще бы!), но мои опасения оказались напрасными, Стивен оказался человеком очень доброжелательным и обаятельным. Вскоре я познакомилась и с его прелестной женой Катей.

Стив приезжал в Москву и останавливался в «Метрополе» каждый год. К нашей гостинице у него было особое отношение. Во-первых, здесь он жил в свой первый приезд в СССР в 1959 году. В то время о советской стране он знал очень мало, привлекла его дешевизна поездки. Он и не подозревал, что вся его дальнейшая жизнь будет связана с нашей страной. И то, что поселили американского гостя в интуристовской гостинице «Метрополь», было удивительным знаком судьбы. Именно здесь в послереволюционное десятилетие жили и работали люди, о которых Стив будет писать свои научные труды. А с 1944 по 1953 годы в «Метрополе» жил Роберт Такер, в то время сотрудник американского посольства, будущий исследователь советской истории, автор монографии о

Сталине и научный руководитель будущего профессора Коэна.

Стив не раз говорил, что его называли «альтернативщиком». Его любимыми темами изучения были периоды развилки, перелома, политические альтернативы, «дороги избранные и неизбранные» в истории России: 1920-е, хрущевская оттепель, реформы Горбачева. А вот в быту, как мне кажется, ему нравилась безальтернативность. Собираясь в Москву в «Метрополь», он всегда просил, чтобы ему бронировали один и тот же номер – 5512. Номер с большим окном во всю стену смотрел на Театральный проезд. Стиву нравилось, что его в гостинице встречают и обслуживают

знакомые ему люди. Меня всегда поражало в нем внимание и искренний интерес к каждому человеку. Стив обладал удивительным умением «видеть» людей. Все, даже обслуживающий персонал, были для него личностями, представляющими интерес. Он всех помнил по именам, в каждом видел хорошее, всегда высказывал сожаление, если кто-то из сотрудников увольнялся. В последние годы Стива, как гостя с огромным стажем, встречал генеральный директор отеля Доминик Года.

Все сотрудники знали, как к приезду господина Коэна с женой надо приготовить номер: убрать все из мини-бара (туда по приезде загружались лекарства), открыть окно и задернуть шторы – после тяжелого перелета надо было немного отдохнуть, прийти в себя. График московских визитов у Стива и Кати был очень плотным: лекции, интервью, выступления на конференциях и в студенческих аудиториях, «набеги» на книжные магазины, работа с материалами российских архивов, встречи с московскими друзьями. Иногда – походы в театр. Помню, Стив договаривался насчет билетов в Большой, на оперу «Золотой петушок». Одно из значимых мест для Стива и Кати в Москве – музей истории ГУЛАГа. Ездили они и на Бутовский полигон, и в Коммунарку.

Меня поражала удивительная способность Стива находить общий язык с людьми самых разных политических взглядов: от сотрудников «Новой газеты» до журналистов RT. «Святая наука – расслышать друг друга». Ко всем он относился уважительно, и все его любили.

Приездов Стива и Кати в Москву я всегда ждала с нетерпением. Встречи с ним и его московскими друзьями в итальянском ресторанчике около «Метрополя» или в редакции

«Новой газеты» для меня, да и для всех участников, всегда были праздниками. Я бесконечно благодарна Стиву за то, что, попав в круг его друзей, я имела счастье познакомиться со многими интереснейшими людьми. И конечно, я очень благодарна Стиву и его другу Геннадию Бордюгову за то, что они поддержали мою работу по изучению истории знаменитой гостиницы «Метрополь» и издали книгу «Метрополь – столица Москвы».

Стив ушел в период, когда «две его родины» переживают не лучший период своих отношений. И в последнее время борьба Стива за улучшение этих отношений часто не находила понимания по обе стороны океана. Но, как знать, возможно, уже близка очередная развилка, альтернатива, ведь Стив учил нас, что история не может быть предрешена...

У любви гарантий нет –
Это очень скверно, братцы,
Но, уходя, оставьте свет
В тех, с кем выпадет расстаться!
Жаль, что неизбежна смерть,
Но возможна сатисфакция:
Уходя оставить свет –
Это больше, чем остаться.

Пётр Вегин

History Cannot Be Predetermined

Yekaterina Yegorova*

It is difficult to find the right words to describe the memories of the late Stephen Cohen. He was one of the worthiest, most decent and kindest persons I have ever met in my life. Speaking about him, it is difficult to avoid falling into excessive emotionality – a state that was completely alien to Stephen, a man not given to dramatic flourishes and with a capacity for self-mockery.

Like many Soviet people, I first heard about historian Stephen Cohen in the second half of the 1980s. In those blessed days I was a history instructor at a Moscow school. The publication of texts previously censored, the debates about the country's past and future, the weakening of the authoritarian stranglehold on schools – all this was breathtaking. The outpouring of the information we were experiencing in those years sometimes brought on depression. Saying «goodbye» to many of the ideals previously held dear and becoming disappointed with historical icons was painful. I remember how we argued in our teachers room about the vital issues of the 20th century, how quickly history textbooks became obsolete, how desperately we needed new books, articles, TV shows that would present a new take on our past. It is difficult to come up with words to describe the impression produced by Stephen Cohen's book about Bukharin. It was a breakthrough

---

* *Yekaterina Yegorova* – manager for Historical Legacy and Antiques, Metropol Hotel.

in our knowledge of Soviet history, the discipline that for decades was crippled by heavy redacting.

I personally became acquainted with Stephen Cohen (Steve, as he asked to be called) in the early 2000s. I was a PR manager at the Metropol Hotel, researching the hotel's history. I managed to identify rooms where the heroes of Steve's books – the Bukharins and the Larins – once lived. Steve was told about my quest by receptionists and said he wanted to meet me. Heading to the meeting with the illustrious historian I felt anxious (you bet!), but my anxiety proved unwarranted since Stephen turned out to be a very charming, good-natured person. Soon I met his lovely wife Katya as well.

Steve would come to Moscow and stay at Metropol every year. This hotel was something special for him. First, he stayed here during his first visit to the USSR in 1959. Having very little knowledge about the Soviet Union then, he was attracted by the cheapness of the trip. Little did he know that he was to have lifelong ties to our country. And the fact that the American guest was placed at Metropol, a hotel run by the Soviet travel industry monopoly Intourist, was an astonishing sign of fate. It was in this hotel that the people who would become the focus of Steve's scholarly works were living and working in the decades after the revolution. And in 1944–1953 Metropol was home to Robert Tucker, then an employee of the U.S. embassy, who would go on to become a scholar of Soviet history, the author of a monograph about Stalin, and the academic advisor of future Professor Cohen.

Steve said on multiple occasions that he was called «an alternativer.» As a researcher, his subject matter of choice was periods of bifurcation, great turns, political alternatives, «paths chosen and unchosen» in Russia's history: 1920s, Khrushchev's thaw, Gorbachev's reforms. Whereas in his daily life, I believe, he

would rather keep things unchanged. Making arrangements for a trip to Moscow and a stay at Metropol, he always asked for the same room – 5512. The room with a big window the length of the wall overlooked Teatralny Proezd. Steve liked being greeted and serviced at the hotel by people he knew. I was always impressed by his attention to, and genuine interest in, every single person. Steve had a wonderful gift of «seeing» people. All people, even the support staff, were interesting individuals for him. He remembered everybody's name, saw a good side in everyone, and always expressed regret when someone left a job at the hotel. In the last years Steve, as a perennial visitor, used to be greeted by the hotel's director Dominique Godat.

All of the hotel staff knew how the room should be prepared for the arrival of Mr. Cohen and his wife: the minibar should be emptied (it would become a depository for medicines), the window should be opened and the curtains drawn – the couple needed a rest to get their breath after a wearisome air travel. On Steve's and Katya's visits to Moscow, their schedule was usually tightly packed: lectures, interviews, presentations at conferences and meetings with students, «raids» into book stores, work at Russian archives, meetings with Moscow friends. Occasionally they would go to the theatre. I remember Steve booking tickets for a performance of «The Golden Cockerel» at the Bolshoi Theatre. The GULAG History Museum was one of Moscow's most important landmarks for Steve and Katya. They would also travel to the Butovo and Kommunarka shooting grounds.

I was astonished by Steve's remarkable ability to get along with people of most diverse political leanings: from «Novaya gazeta»'s correspondents to Russia Today's journalists. «A holy science of listening to each other.» He treated everyone with respect, and everyone loved him.

I had always been eagerly anticipating Steve's and Katya's visits to Moscow. It was always a great pleasure for me and other people involved to meet him and his Moscow friends at a small Italian restaurant near Metropol or at «Novaya gazeta»'s editorial office. I'm infinitely grateful to Steve for having the good fortune of meeting lots of most interesting personalities thanks to his friendship. And sure enough, I am very grateful to Steve and his friend Gennady Bordugov for having supported my endeavor to study the history of the illustrious Metropol hotel and published the book «Metropol as the Capital of Moscow» [Metropol' – stolitsa Moskvyy].

Steve has left us at a time when «his two motherlands» are going through a bad period in their relationship. And in the last years Steve's struggle to improve these relations was met with little enthusiasm on either side of the ocean. But who knows, maybe a new point of bifurcation, a new alternative is already waiting in the wings – Steve used to tell us that nothing in history is preordained...

Love has no guarantees –
This is really bad, chums,
But when you go away, leave lights on
In those with whom you have to part ways!
It's a shame that death cannot be avoided,
But there can be a recompense:
Leaving lights on when you go away
Is more than living on.

Pyotr Vegin

Translated by Maria Solovieva.

Прошлое будущее

Геннадий Бордюгов*

Очень трудно сейчас подобрать слова о значении Стивена Коэна для нашей страны и ее истории. Невозможно в полной мере оценить оставленное им творческое наследие, значительная часть которого связана с прошлым СССР/России. Однако не вызывает сомнений, что он всегда следовал ныне немодному этическому максимализму, всегда был верен идеалам, оформившимся в самом начале его пути в менявшейся Америке 1960-х.

Тогда он только начинал постигать советскую историю в Университете штата Индиана под руководством профессора Роберта Такера, но в 1980-е готовность постоять за историческую правду ярко проявилась в менявшемся перестроечном Советском Союзе. Именно тогда он создал образец того, как надо писать о прошлом, особенно если оно не обрело консенсуса в общественном мнении и является предметом готового в любой момент вырваться наружу гражданского противостояния. Когда существует такая угроза, историописание не может оставаться лишь пресной реконструкцией былой по-

---

* Геннадий Бордюгов – президент Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).

вседневности – оно превращается в орудие подлинной борьбы за прошлое, а значит – и за будущее.

Творческое наследие Коэна фокусируется в трех измерениях. Ретроспективно – о прошлом, или о трагически сорванной перестройке по Бухарину. Синхронно – о горбачевском эксперименте и его фатальном завершении. Пророчески – о дне сегодняшнем, когда очередная «объективная целесообразность», «ситуативная неизбежность» и «очевидная безвыходность» грозят растоптать хрупкую и слабую, но вполне реальную альтернативу разгорающемуся пламени новой холодной войны.

Понятно, что отношение Коэна к Николаю Бухарину не имеет ничего общего с конъюнктурным и своевременным «освоением» востребованной в годы перестройки темы, которая способна «выстрелить» в наиболее подходящий момент и, следовательно, принести максимально возможные дивиденды ее «открывателю». Можно сказать еще острее: когда в апогее перестройки в СССР вышла книга о Бухарине, концептуальные акценты, которые в ней расставил историк, оказались просто непонятыми в тот период советской истории, когда сценарий и судьба перестройки были наиболее непредрешенными, вариативными, поисковыми. Ведь в то время наше общество не столько задумывалось об альтернативах бо-летней давности, сколько было обуреваемо по-большевистски страстным сведением исторических счетов, поиском виноватых и их обструкции.

Естественно, не обходил Стивен Коэн стороной и горячую тему взаимоотношений палачей и их жертв, но «жизнь после ГУЛАГа» он рисовал все же в ином ключе. Не отказываясь от эмоций, но передавая их через факты и аргументированные

суждения. Не превращая эту трагедию целого поколения в повод «пересмотреть» исторический опыт народа и страны, но видя в ней корень политической борьбы в современной России.

Американского историка постоянно волновала проблема гибели советского строя в начале 1990-х. Он считал, что исчезновение СССР было инспирированным, а вовсе не естественным и закономерным. Это еще одна смелая и даже еретическая мысль, прямо противоположная сложившемуся за последнюю четверть века представлению – как среди про-

фессиональных историков и политологов, так и в общественном мнении. Причем любые попытки подвергнуть такое представление сомнению крайне неудобны и нежелательны для слишком многих влиятельных лиц, либо участвовавших в демонтаже советской системы, либо подводящих под него соответствующую легитимацию.

Но Стивену Коэну не привыкать идти против авторитетов – присущие ученому научная смелость и стойкое нежелание действовать в фарватере чьих-то конъюнктурных взглядов объясняются его профессиональной биографией. Он входил в американскую советологию в ту пору, когда она переживала фундаментальную трансформацию и превращалась из идеологического обеспечения Госдепа США в самостоятельную, задиристую, возникшую на волне общепланетарного 1968 года и придерживавшуюся преимущественно левой ориентации отрасль гуманитарного знания.

Исследовательская нетипичность Стивена Коэна сполна проявлялась в его последних статьях и выступлениях об ухудшающихся американско-российских отношениях и о том, как можно остановить сползание в пропасть новой холодной войны. Разве соответствует преобладающим сегодня и на Западе, и в России настроениям одновременно и критическое, и проникнутое неиссякающими надеждами отношение к Дональду Трампу и Владимиру Путину? Если говорить о Трампе, то ответ очевиден. Американского президента все более остервенело шельмовали его оппоненты, а друзья и сторонники защищали настолько неуклюже, что лучше бы они этого не делали. Примерно то же самое можно сказать и о президенте Путине, в критике ко-

торого демонизация личности давно превзошла все прочие аргументы, а любые попытки рационального объяснения тех или иных политических ходов тонут в хоре хулителей, с одной стороны, и охранителей – с другой. Словом, вокруг обоих мировых лидеров складывалась странная и тупиковая ситуация: в их адрес льются потоки обвинений, но нет серьезной и содержательной критики.

Увы – и в России, и в США крайне мало тех, кто выступал именно с такой критикой. И среди них Стивен Коэн. Более того, историк гораздо более строг и взыскателен к собственному президенту, нежели к российскому лидеру. Он не уставал утверждать, что при Путине Россия «взбрыкнула» именно потому, что у нее не было другого выбора. Американские администрации и Клинтона, и Буша, и Обамы, следуя «триумфаторским» курсом, не оставляли попыток сполна воспользоваться победой США в холодной войне, максимально ослабить своего вероятного противника, коим они ни на миг не переставали считать Россию – даже при президенте Ельцине, в эпоху показной дружбы и наигранного доверия между первыми лицами обеих стран.

Какие бы проблемы ни затрагивал Коэн, он никогда не позволял себе опускаться до дешевых приемов заигрывания с аудиторией, вроде прозрачных намеков или легко угадываемых ассоциаций, отступать от святого для любого историка принципа примата источников.

Это достигалось за счет уникального приема трансляции авторского мнения: не передавать некую сумму фактов, но добиваться реконструкции целостной картины, дающей рельефное и чуть ли не тактильное понимание воссоздаваемой реальности.

Он очень любил Россию, болел за нее всей душой и лично участвовал в ее истории. На протяжении почти трех десятилетий являлся надежным партнером Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), поддерживал важнейший издательский проект – «Первая монография», – который дал путевку в жизнь многим из тех, кто сегодня определяет погоду в российской исторической науке.

Уход Коэна – это невосполнимая утрата для всех, кто болеет за историю нашей страны. Среди наших отечественных историков распространено несколько высокомерное отношение к их зарубежным коллегам: мол, в архивах-то они, может, и делают нужные выписки, но постигнуть таинственные закоулки русской души им не под силу. Возможно, такое суждение и справедливо в отношении кого-то, но только не Коэна, который всю свою жизнь избегал упрощенных оценочных штампов, видел в фигурах, которые изучал, прежде всего людей с их проблемами, радостями и печалью. Историка даже упрекали за излишнюю персонализацию его исследований, которая якобы мешает разглядеть контекст и вписать в него действовавших персон. Иными словами, Коэн и нашу историю изучал слишком по-русски, по-человечески. Историю, которая на всем своем протяжении – от древних славян и до современной России – испытывала явный дефицит человечности.

Мы – друзья, близкие и коллеги Коэна – считаем своим долгом сделать все возможное для того, чтобы его научное наследие не затерялось в нашем непредсказуемом и переполненном заботами о сиюминутном мире. Наша задача – постоянно напоминать и маститым ученым, и только начинающим постигать историю студентам о работах американского русиста, содействовать тому, чтобы они не выпадали

из активной историографической мысли. Конечно, наступит время, и многое из написанного им потребует как минимум переосмысления и уточнения. Но это – вполне естественный процесс. И Коэн как честный и принципиальный исследователь был бы только рад такой судьбе своих трудов, которые стали вехой в развитии исторического знания и благодаря этому послужили основой для его дальнейшего накопления и очищения от конъюнктурных шлаков.

В таком отношении Коэна к собственным работам не приходится сомневаться, потому что он не просто был великим историком, но испытывал за прошлое буквально личную ответственность, будто сам творил его, а не только рассматривал и анализировал со значительной дистанции. Такому подходу к своему труду и его результатам можно и нужно учиться.

Опубликовано: Новая газета. 2020, 21 сентября.

The Future Through the Past

Gennady Bordyugov*

How can we now find the right words to speak of the significance of Stephen Cohen for our country and its history? To evaluate the full measure of the creative legacy that he has left

---

* *Gennady Bordyugov* is the president of the Association of the Russian Society Researchers (AIRO-XXI).

us – a legacy tied up in large measure with the history of the Soviet Union/Russia – is impossible. But one thing cannot be doubted: he was always faithful to an ethical maximalism that is no longer fashionable – always faithful to the ideals that he acquired already at the very beginnings of his creative journey in the changing America of the 1960s.

At that time, as a student of Robert Tucker at the University of Indiana, he was just beginning to master Soviet history, but later, in the 1980s when the Soviet Union was changing rapidly during perestroika times, his readiness to stand up for historical truth made a striking appearance. During this period, he provided a model of how to write about the past – especially on issues where there was as yet no consensus in public opinion, so that they could at any time provoke public resistance. Under these circumstances, history writing cannot simply remain the colorless reconstruction of everyday life in earlier times. No, it then transforms itself into a weapon in a genuine struggle to see the past correctly – and thus to shape the future.

Cohen's creative(scholarly) legacy had three dimensions. Retrospective: about the past, that is, about Bukharin's own efforts to achieve a perestroika, an effort that was tragically cut short. Synchronous: about the ongoing Gorbachev experiment and its fatal conclusion. Prophetic: about today, when once again 'objective necessity', 'situational inevitability', and 'clear hopelessness(stalemate)' threaten to trample a fragile, weak, but perfectly real alternative to the threatening flames of a new cold war.

The relationship of Cohen to Nikolai Bukharin, of course, had nothing to do with jumping on board the bandwagon of a fashionable theme of the perestroika period, or choosing just the right moment to reap maximum dividends in the role of Buk-

harin's 'discoverer'. To make the point even sharper: when Cohen's book about Bukharin was published in Russian at the height of perestroika, the conceptual framework of the historian was simply incomprehensible to people during that period of Soviet history, when various scenarios and possible outcomes of perestroika were very much undecided, open to alternatives, exploratory. After all, at that time our society was not really ready to think through the alternatives that presented themselves sixty years earlier. Instead, it was seized by a Bolshevik-like passion to settle historical accounts, to identify guilty parties and to put the blame on them for obstructing progress.

Of course, Stephen Cohen did not stay away from heated themes such as 'the relationship of the executioners and their victims', but he described 'life after the Gulag' in a very different key from most. Not rejecting emotions inherent in the subject, but transmitting them through facts and reasoned arguments. Not turning the tragedy of an entire generation into an opportunity to 'reconsider' the whole historical experience of a people and a country, but seeing in it the roots of the political struggle in today's Russia.

The puzzle of the collapse of the Soviet system at the beginning of the 1990s constantly bothered this observer from America. He argued that the disappearance of the USSR was not at all an inevitable result of objective laws of development, but rather it came about as the result of very specific political decisions. This argument constituted one more audacious and even heretical suggestion from Cohen; it challenged the consensus that had emerged during the last quarter century, not only among professional historians and political scientists, but also in public opinion. And indeed, any attempt to cast doubt on this consensus

was extremely inconvenient and undesirable from the point of view of too many influential people, who either participated in the dismantling of the Soviet system, or who rely on this dismantling for their own legitimacy.

But Stephen Cohen didn't simply fall by chance into the habit of going against the authorities – rather, his scholarly audacity and the insistent refusal to act in the tow of fashionable views are explained by his professional biography. He came to American Sovietology at a time when it was undergoing a fundamental transformation: instead of simply fill the role of providing ideological back-up to the US State Department, it now became an independent and aggressive branch of the humanities, with a predominantly left orientation arising out of the year 1968 and its global impact.

Stephen Cohen's atypicality as a researcher showed itself in his final series of articles and public pronouncements about the ever worsening US-Russian relations, where he tried to find a way to halt the slide into the abyss of a new Cold War. Cohen was critical-minded but refused to ever give up on his optimism. Did this outlook fit in with the prevailing mood, both in Russia and the West, concerning Donald Trump and Vladimir Putin? In the case of Trump, a negative answer is clear. The opponents of the American president subjected him to a crescendo of fierce abuse, while his friends and supporters defended him so clumsily that doing nothing would have been better. More or less the same can be said about President Putin: demonization of him personally has long ago surpassed all other arguments, so that any attempt at rational explanation of this or that political course is lost in a chorus of those who curse him vs. those who provide him official protection. In a word, a strange situation has grown

up around both these world leaders, with no evident way out: a flood of accusations is flung at them, but not a serious and substantive critique.

Alas, both in Russia and in the USA, those who come out with this kind of critique are hard to find. But among them was Stephen Cohen. And indeed, the historian was very much more severe and judgmental about his own president than about the Russian leader. He never wearied insisting that Russia under Putin 'lashed out' precisely because it had no other choice. The US administrations of Clinton, Bush and Obama had adopted a 'triumphalist' course and stubbornly refused to abandon the project of using the victory of the US in the Cold War to maximal advantage in order to weaken its most likely adversary – and never for a minute did they regard Russia as anything else. This was true even under President Yeltsin, in that bygone era of pretend friendship combined with an artificial show of confidence between the leaders of both countries.

Whatever issue Cohen took on, he never lowered himself to the cheap tricks of winking at his audience via obvious hints or transparent riddles. He remained loyal to the principle that is sacred to any historian: the primacy of the sources, of the evidence. This principle demands that the only method of conveying the opinion of the author be, not simply presenting an unadorned set of bare facts, but rather achieving a reconstruction of the whole picture, a reconstruction that provides a vivid and indeed almost tactile understanding of the recreated reality.

He loved Russia with his whole heart, suffered with her sufferings, and personally participated in its history. For over three decades he was a staunch partner of the Association of Researchers of Russian Society (AIRO-XXI), and supported in particular

its most important publishing project – ‘First Monograph’ – that provided a ticket into professional life for many of those who today set the tone in Russian historical science.

The loss of Stephen Cohen is an irreplaceable one for all Russians who care deeply about the history of their country. Among historians here in Russia, there is a widespread and rather condescending attitude toward our foreign colleagues: maybe they can do some useful note-taking in the archives, but penetrating the hidden in-and-outs of the Russian soul is (it is said) beyond their power. Maybe this attitude is sound enough in regard to this or that scholar – but certainly not in the case of Stephen Cohen. All his life he avoided easy and over-simplified value judgments; he regarded those he studied as first of all real persons, with all their problems, joys and sorrows. Indeed, he has been criticized for excessive personification in his research, thus allegedly preventing from seeing the context and from fitting the individual under investigation into this context. In other words, the charge is that Cohen studied our history in a way that was too Russian and too centered on real humans! A history that throughout its entire course – from the ancient Slavs right up to today’s Russia – has suffered from a clear deficit of human feeling.

We who were Cohen’s friends, family and colleagues consider it our duty to do all in our power to prevent his scholarly legacy to be swallowed up in the unpredictable and overpowering concerns of a world that is engulfed in its momentary concerns. Our task is to constantly remind both veteran scholars and those who are just beginning to master our history about the works of this American *rusist* (*Russianist*), this foreign specialist on our country, and to ensure that he does not drop out of active historiographical memory. Of course, the time will come when much

of what he has written will call for some rethinking and refinement. And this is entirely to be expected. Certainly an honest and principled researcher such as Cohen would only be too glad if his works met this fate: to serve as a signpost in the development of historical knowledge and as a foundation for its further achievements and its liberation from the chaff of passing partisan debate.

And there is no doubt that this was indeed Cohen's attitude toward his own work, since he was not only a great historian, but (a person) who literally felt a personal responsibility toward the past, almost as if he was creating it, and not as someone who simply viewed it and analyzed it from a comfortable distance. And this attitude toward one's own work and toward its results is one from which we can and should learn.

Published: Novaya gazeta. 2020, September 21.

Translated by Lars Lih.

Мой СТИВ (My Steve): A Personal Recollection of Stephen F. Cohen

Katrina vanden Heuvel*

I first «met» Steve through his 1977 essay «Bolshevism and Stalinism.» His cogent, persuasive, revisionist argument that there are always alternatives in history and politics deeply influenced me. And his seminal biography, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, challenging prevailing interpretations of Soviet history, was to me, and many, a model of how biography should be written: engaged and sympathetically critical. At the time, I was too accepting of conventional wisdom. Steve's work – and soon, Steve himself – challenged me to be critical-minded, to seek alternatives to the status quo, to stay true to my beliefs (even if they weren't popular), and to ask unpopular questions of even the most powerful. These are values I carry with me to this day as editorial director of *The Nation*, which Steve introduced me to (and its editor, Victor Navasky) and for which he wrote a column («Sovieticus») from 1982 to 1987, and many articles and essays beginning in 1979. His last book, *War with Russia?*, was a collection of dispatches (almost all posted at the nation.com)

---

* *Katrina vanden Heuvel* is editorial director and publisher of *The Nation*, America's leading source of progressive politics and culture. She served as editor of the magazine from 1995 to 2019.

distilled from Steve's weekly radio broadcasts – beginning in 2014-on The John Batchelor Show.

The experiences we shared in Moscow beginning in 1980 are in many ways my life's most meaningful. Steve introduced me to realms of politics, history, and life I might never have experienced: to Bukharin's widow, the extraordinary Anna Mikhailovna Larina, matriarch of his second family, and to his eclectic and fascinating circle of friends – survivors of the Gulag, (whom he later wrote about in *The Victims Return*) dissidents and free-thinkers – both outside and inside officialdom.

From 1985 to 1991, when we lived frequently in Moscow, we shared the intellectual and political excitement, the hopes and the great achievements of those perestroika years. We later developed a close friendship with Mikhail Gorbachev, a man we both deeply admired as an individual and as a political leader who used his power so courageously to change his country and the world. Gorbachev also changed our lives in several ways. Our marriage coincided with perestroika. In fact, Steve spent the very first day after our wedding, our so-called honeymoon, at the United Nations with Gorbachev and the news anchor Dan Rather (Steve was consulting for CBS News at the time). Then, on our first anniversary, in 1989, we were with President Bush (the first) and Gorbachev on Malta when they declared the end of the Cold War. And we think of our daughter, Nika, now 29 years old, as a perestroika baby because she was conceived in Russia during the Gorbachev years, made her first visit to Moscow in July 1991 and since then has been back some 40 times. In a moving moment, a year after Raisa Maksimovna died, Gorbachev remarked to Steve that our marriage and partnership reminded him of his with Raisa because we too seemed inseparable.

Steve has often regretted that many of the Russian friends he made after 1985 did not know about his earlier Moscow life. He first visited the Soviet Union in 1959. But it was those pre-perestroika years, 1975 to 1982, that gave Steve what he once told me was his «real education... Not only in Russian society but in Russian politics, because I began to understand the connection between trends in society, trends in the dissident movement, and trends in the nomenklatura.» They were «utterly formative years for me.» They also informed his writings, especially his pathbreaking book, *Rethinking the Soviet Experience*, which was published at the very time Gorbachev came to power. «There was a lot of tragedy,» Steve used to say, «but also a lot of humor and warmth when people had little more than personal friendships and ideas to keep them company.» From 1980, when I first traveled to Moscow with Steve, to 1982 when neither of us could get a visa (until 1985 when Gorbachev became leader), we lived in that Russia, spending many nights in friends' apartments and kitchens drinking into the night, and listening to uncensored, often pessimistic, thinking about the present and future of Russia.

I later became Steve's collaborator in smuggling samizdat manuscripts out of Russia to the West, and bringing samizdat books back to Russia and distributing them. By the time I joined him, Steve had managed to send dozens of such books to Moscow, and satisfying friends with a selection ranging from Aleksandr Solzhenitsyn, Varlam Shalamov, George Orwell, and Robert Conquest to the Kama Sutra and, of course, the samizdat version of Steve's own book on Bukharin. I learned from Steve that one had to keep forbidden documents and manuscripts on one's person at all times, knowing that the KGB frequently searched apartments and hotel rooms. At a certain point, Steve's

shoulder bag became so heavy that he developed a hernia on his right side. After surgery, he started carrying his bag on his left side, but developed a second hernia there, as well. He liked to say that the worst the KGB ever did to him was to cause him two hernias!

In fact, it was samizdat manuscripts that first brought us together. In 1978, Steve heard that I had a diplomatic passport, which would have exempted me from a customs search, and was about to travel to Moscow. (At the time my father was the United States representative to the United Nations in Geneva.) Through a mutual friend, Steve asked if I would bring out samizdat documents being held for him in Moscow. I would have been happy to do so, but Steve had been misinformed. I didn't have a diplomatic passport.

Steve could sometimes seem like a tough guy, but those who won his trust knew he was a person of great generosity, loyalty, and kindness. He was known in our New York City neighborhood on the Upper West Side as an impresario/organizer and long time supporter of basketball tournaments for local, often poor, kids. In the United States and Russia, Steve mentored and supported young scholars. In the last decade, he set up fellowships for young scholars of Russian history at the several universities where he'd studied and taught: Indiana University, Princeton, New York University, and Columbia. He lent his support to the establishment of Moscow's State Museum of the History of the Gulag – and to its young director and team.

Life with Steve was never boring. He was supremely independent, the true radical in our family, unfailingly going to the root of the problem. He spoke his mind. He had a CD with a dozen variations of «My Way» – from Billy Bragg to Frank Sinatra. And as *The Chronicle of Higher Education* subtitled its 2017 profile of Steve, he «was the most controversial Russia expert in America.»

Through all our years together, Steve was my backbone, fortifying me for the battles *Nation* editors must wage (often with their own writers, sometimes including Steve!), and giving me the personal and political courage to do the right thing. But never more so than when we entered what might be called the «Russiagate era.»

While Steve liked to say it's healthy to rethink, to have more questions than answers, there was a wise consistency to his political analysis. For example, as is clear from his many articles in *The Nation* in these last decades, he unwaveringly opposed

American Cold War thinking both during the Cold War and since the end of the Soviet Union. He was consistent in his refusal to sermonize, lecture, or moralize about what Russia should do. He preferred to listen rather than preach, to analyze rather than demonize. This stance was no recipe for popularity, which Steve professed to care little about. He was courageous and fearless in continuing to question the increasingly rigid orthodoxies about the Soviet Union and Russia. But in the last months, such criticism did take its toll on him. Along with others who sought to avert a new and more dangerous Cold War, Steve despaired that the public debate so desperately needed had become increasingly impossible in mainstream politics or media. Until his death he'd been working on a short article about what he saw as the «criminalization of détente.» The organization he established, the American Committee on East-West Accord, tried mightily to argue for a more sane US policy toward Russia.

He fared better than I often did confronting the controversies surrounding him since 2014, in reaction to his views on Ukraine, Putin, election interference, and more. Positions he took often elicited slurs and scurrilous attacks. How many times could he be labeled «Putin's puppet»? «Putin's No.1 American apologist»? Endlessly, it seemed. But Steve chose not to respond directly to the attacks, believing – as he told me many times when I urged him to respond – that they offered no truly substantive criticism of his arguments, but were merely ad hominem attacks. What he did write about – he was increasingly concerned about the fate of a younger generation of scholars – was the danger of smearing those who thought differently about US policy toward Russia, there by silencing skeptics and contributing to the absence of a needed debate in our politics, media, and academy.

Mikhail Gorbachev often told Steve how deeply influenced he was by his writings, especially his biography of Bukharin. Steve first met Gorbachev in 1987 at the Soviet Embassy in Washington. It was a reception for America's «progressive intelligentsia» – which Steve found funny, because he considered himself a maverick and didn't like labels. But he was there that day, and within a few minutes a Kremlin aide told Steve that the general secretary wanted to talk to him. Minutes later, Mikhail Sergeevich approached and asked Steve, assuming the author of Bukharin and the Bolshevik Revolution must be eminent and of a «serious» age: «Deistvitelno [really] – you wrote the book, or was it your father?»

Steve finally achieved that «serious» age Gorbachev spoke of! But his heart, spirit and mind remained youthful till the very end. Maybe it's because of his love of Jerry Lee Lewis's rock and roll, or New Orleans blues or Kentucky blue grass, or his passion for basketball (shared with our daughter Nika and his 16-year-old grandson, Lucas), or his quest for a good anecdote (his annual anecdote lectures at Princeton and later NYU drew large crowds). Maybe it's because we continued our walks in nearby Riverside Park for as long as was possible – walks full of loving and spirited argument and talk. Perhaps it's because, while Steve was a very serious person, he didn't take himself seriously.

On Saturday, Mikhail Gorbachev sent these words about Steve:

Dear Katrina, Please accept my sincere condolences on Steve's passing. He was one of the closest people to me in his views and understanding of the enormous events that occurred in the late 1980s in Russia and changed the world. Steve was a brilliant historian and a

man of democratic convictions. He loved Russia, the Russian intelligentsia, and believed in our country's future. I always considered Steve and you my true friends. During perestroika and all the subsequent years, I felt your understanding and unwavering support. I thank you both.

19.09.20

I asked Steve many years earlier why he had never attempted (even) a monograph about Gorbachev. He told me that he felt too close to Mikhail Sergeevich, he had become a friend – perhaps I am stating it crudely, but it was a real factor for Steve. Steve did have a file of personal correspondence with MS, and I am beginning to go through it, as well as organizing voluminous files and archive materials. By next year, I hope that Princeton will house Steve's archives.

For 40 years, Steve was my partner, companion, co-conspirator, best friend, fellow traveler, mentor, husband (for 32 years), co-author. I will be forever grateful to him for introducing me to *The Nation*, to Russia, for a life that has been full of shared adventure, friendship and passion, and for our beloved daughter, Nika.

Published: Опубликовано: The Nation. 2020. September 21. <https://www.thenation.com/article/world/stephen-cohen-obituary-russia/>

Мой Стив.

Личное воспоминание
о Стивене Ф. Коэне

Катрина ванден Хювел*

Впервые я «познакомилась» со Стивом на страницах его эссе 1977 года *Bolshevism and Stalinism*. Его ясно выраженная, убедительная, ревизионистская мысль о том, что в истории и политике всегда существуют альтернативы, глубоко поразила меня. А его основополагающая биография Бухарина, бросившая вызов традиционным трактовкам советской истории, стала для меня, как и для многих, образцом того, как нужно писать биографию: увлекательно и критически-сочувственно. В то время я была человеком, очень склонным разделять общепринятую точку зрения. Работы Стива – а вскоре и он сам – заставили меня смотреть на вещи критически, искать альтернативы существующему статус-кво, оставаться верной своим убеждениям (даже если они непопулярны) и подвергать сомнению чужие (даже самые устойчивые). Этим золотым правилам я следую и сегодня, будучи директором редакции *The Nation* – журнала, с которым (и его редактором Виктором Наваски) меня познакомил Стив и в котором он сам публиковался с 1979 г., а с 1982 по 1987 г. вел

---

* Катрина ванден Хювел – директор редакции и издатель журнала *The Nation*, в 1995–2019 годах – главный редактор журнала, вдова Стивена Коэна.

популярную колонку «Sovieticus». Последняя книга Стива *War with Russia?* была сборником статей (почти все опубликованы на *thenation.com*), ставших выжимкой его еженедельных (с 2014 г.) выступлений на радио в программе *The John Batchelor Show*.

Наши совместные поездки в Москву начиная с 1980 г. и то, что с нами там происходило, являются во многих отношениях самыми значимыми событиями моей жизни. Стив открыл передо мной миры – политики, истории и жизни, – каких я прежде не видывала. Он познакомил меня с удивительной Анной Михайловной Лариной, главой его «второй семьи», и эклектичным, но пленительно-интересным кругом друзей – пожилых гулаговцев (которым он позже посвятил книгу *The Victims Return* («Жизнь после Гулага»)), диссидентов, свободно мыслящих людей, в том числе, и из рядов советской номенклатуры.

В 1985–1991 гг., когда мы часто бывали в Москве, мы вместе со всеми переживали интеллектуальный и политический подъем тех лет, поддерживали великие надежды и свершения перестройки. Позже у нас сложились дружеские отношения с Михаилом Горбачёвым, которого мы оба глубоко уважали как человека и политического лидера, который не побоялся использовать свою власть для того, чтобы изменить свою страну и мир. Горбачёв изменил также и нашу жизнь. Наша женитьба со Стивом совпала с перестройкой. Следующий день после свадьбы – первый день нашего медового месяца – Стив провел в ООН с Горбачёвым и телеведущим Дэном Разером (Стив был тогда консультантом CBS News). А в первую годовщину нашей

свадьбы в 1989 г. мы были с Горбачёвым и Бушем (старшим) на Мальте, где они провозгласили конец холодной войны. Мы говорим про нашу дочь Нику, которой теперь 29 лет, что она «дитя перестройки», потому что была зачата в России при Горбачёве, впервые прилетела в Москву в июле 1991 г. и с тех пор побывала в ней едва ли не сорок раз. Однажды, в трогательную минуту откровения год спустя после смерти Раисы Максимовны, Горбачёв обмолвился Стиву, что наш с ним брак и партнерство напоминают ему его собственные отношения с Раисой: мы тоже выглядим как единое целое.

Стив часто сожалел о том, что многие из его русских друзей, появившихся после 1985 г., не знают о его прежней московской жизни. Впервые он попал в Советский Союз в 1959 г., но именно предперестроечные годы, с 1975 по 1982 г., дали Стиву то, что он в одном разговоре со мной назвал «подлинным образованием... не только в области российского общества, но и в области российской политики, поскольку я начал понимать взаимосвязь между различными течениями в обществе, в диссидентском движении и в номенклатуре». Это были «чрезвычайно важные для формирования моей личности годы». Те годы также вдохновляюще сказались на творчестве Стива, прежде всего на его прорывной книге *Rethinking the Soviet Experience* («Переосмысливая советский опыт»), которая вышла как раз в то время, когда Горбачёв пришел к власти. «Было много трагичного, – вспоминал Стив, – но и много юмора и тепла, когда чтобы сколотить компанию, достаточно было личных дружеских связей и идей». С 1980 г., когда я впервые приехала в Москву со Стивом, до 1982 г., когда мы оба не сумели получить визы (и были

Татьяна Баева и Катрина ванден Хювель. 1981 г.

Tatiana Baeva and Katrina vanden Heuvel. 1981.

невъездными до 1985 г., до Горбачёва), мы жили в той России. Много вечеров мы провели в квартирах и на кухнях наших друзей, пили далеко за полночь и слушали откровенные, бесцензурные, часто пессимистические рассуждения о настоящем и будущем России.

Позже я стала помощницей Стива в деле тайной переправки на Запад самиздатовских рукописей и в обратном направлении – книг тамиздата. К тому времени, когда я присоединилась к нему, Стив, удовлетворяя потребности своих друзей, умудрился провезти в Москву десятки книг, от Солженицына, Шаламова, Оруэлла и Роберта Конквеста до «Камасутры» и, естественно, тамиздатовской версии его собст-

венного «Бухарина». От Стива я узнала, что запрещенные документы и рукописи нужно все время носить с собой, потому что КГБ часто обыскивал квартиры и комнаты в отелях. В какой-то момент сумка Стива, которую он носил на плече, стала такой тяжелой, что у него в паху, с правой стороны, образовалась грыжа. После операции по ее удалению он начал носить сумку на левом плече и, в результате, заработал вторую грыжу слева. Стив любил повторять, что самая большая неприятность, которую ему доставил КГБ, это нажитые по его вине две грыжи.

Собственно говоря, именно самиздатовские рукописи стали причиной, по которой мы впервые встретились. В 1978 г. Стив прослышал, что у меня есть дипломатический паспорт, который избавляет от таможенного досмотра, и что я собираюсь ехать в Москву. (Мой отец в ту пору был представителем Соединенных Штатов в европейском отделении ООН в Женеве.) Через общего друга Стив связался со мной и спросил, не могла бы я привезти некоторые самиздатовские документы, которые были приготовлены для него в Москве. Разумеется, я бы с удовольствием это сделала, но Стив ошибся: у меня не было дипломатического паспорта.

Стив мог показаться кому-то жестким и бескомпромиссным, но те, кому повезло обрести его доверие, знают, что он был человеком огромной душевной щедрости, преданности и доброты. В нашем нью-йоркском, верхне-вестсайдовском, окружении он был известен как организатор и многолетний спонсор баскетбольных турниров для молодежи, часто из бедных афроамериканских семей. И в Соединенных Штатах, и в России Стив всегда старался оказывать помощь и под-

держку, в том числе материальную, молодым ученым. В последнее десятилетие он создал несколько грантов для молодых исследователей российской истории в ряде американских университетов, где сам преподавал: Индианском, Принстонском, Нью-Йоркском и Колумбийском. Он также способствовал основанию в Москве государственного музея истории Гулага и оказывал поддержку его молодому директору и его команде.

Со Стивом никогда не бывало скучно. Абсолютно независимый, в нашей семье он был настоящим радикалом, неизменно доходящим до корня проблемы. Он всегда говорил то, что думал. У него был CD с дюжиной вариаций песни «My Way», от Билли Брэгга до Фрэнка Синатры. А журнал американского высшего образования *The Chronicle of Higher Education* в 2017 г., представляя Стива, назвал его «самым противоречивым экспертом по России в Америке».

На протяжении всей нашей совместной жизни Стив был моей поддержкой и опорой. Он укреплял и подбадривал меня в сражениях, которые редакторам *The Nation* неизбежно приходится вести (часто со своими собственными авторами, включая порой и Стива!), и вселял в меня личное и политическое мужество совершать правильные поступки. Особенно сильно это проявилось, когда мы вступили в период, который можно назвать «эпохой Рашагейта» (Russiagate era).

Хотя Стив любил говорить о пользе переосмысления и преимуществе вопросов над ответами, в своей политической аналитике он демонстрировал мудрое постоянство. Например, как видно из его многочисленных статей, опубликованных в *The Nation* за последние десятилетия, он всегда был стойким противником американского мышления холодной

войны и выступал против его возвращения в политику в годы после конца Советского Союза. Он проявлял постоянство в своем отказе поучать, проповедовать или морализировать по поводу того, как должна вести себя Россия. Он предпочитал не проповедовать, а слушать, анализировать, а не демонизировать. Эта его позиция не рецепт популярности, которая Стива мало заботила. Из раза в раз он продолжал мужественно и бесстрашно атаковать всё более крепнущие ортодоксии, касающиеся понимания в США Советского Союза и России. Но увы, последние месяцы показали, как дорого эта борьба обошлась ему. Как и другие, кто так же, как и он, пытался предотвратить новую, еще более опасную, холодную войну, Стив с отчаянием взирал на то, как столь необходимая публичная полемика на эту тему в политике и СМИ становится всё более невозможной. До самой своей смерти Стив работал над статьей о том, что он называл «криминализацией разрядки». Созданная им организация, Американский комитет восточно-западного согласия (*American Committee on East-West Accord*), из всех сил старалась повернуть американскую политику по отношению к России в более здоровое русло.

Он лучше, чем я, умел противостоять полемической травле, сопровождавшей его с 2014 года как реакция на его взгляды на Украину, Путина, вмешательство в американские выборы и т. д. В ответ на высказываемые им мнения часто звучали оскорбления и грязные инсинуации. Сколько раз его клеймили «путинской марионеткой», «американским апологетом Путина № 1»? Бесчисленное множество. Но Стив никогда не реагировал на нападки, считая (как он не раз говорил мне, когда я просила его написать ответ), что в них

нет критики по существу его аргументов, а есть лишь «полемика с переходом на личности». Он предпочитал писать – поскольку его все больше волновала судьба молодого поколения историков и политологов – об угрозе полной дискредитации тех, кто думает иначе об американской политике по отношению к России, а без голосов скептиков не будет полноценной дискуссии, столь необходимой нашей политике, СМИ и академической сфере.

Михаил Горбачёв часто говорил Стиву, какое глубокое влияние оказали на него труды Стива, особенно его биография Бухарина. Стив впервые встретился с Горбачёвым в 1987 г. в советском посольстве в Вашингтоне, на приеме, устроенном в честь американской «прогрессивной интеллигенции». Стив считал это забавным, так как никогда не причислял себя ни к какой группе и терпеть не мог ярлыки. Но в тот день он оказался там, и уже через несколько минут к нему подошел кремлевский помощник и сказал, что с ним хочет поговорить генеральный секретарь. В разговоре Михаил Сергеевич, который полагал, что автор «Бухарина» должен быть солидным человеком «серьезного» возраста, спросил: «Действительно вы написали эту книгу или это был ваш отец?»

Стив в конце концов достиг того «серьезного» возраста, о котором говорил Горбачёв. Но сердцем, душой и умом он оставался молод до конца. Возможно, это из-за его любви к рок-н-роллу Джерри Ли Льюиса, новоорлеанскому блюзу или музыке кантри из Кентукки, а может, из-за страсти к баскетболу (разделяемой нашей дочкой Никой и его шестнадцатилетним внуком Лукасом) или равнодушия к хорошему анекдоту (его ежегодные лекции об анекдотах собирали толпы в Принстоне и в Нью-йоркском университете).

Может быть, причина в наших не прекращавшихся и во время болезни Стива прогулках в ближайшем Риверсайдском парке с их задушевными беседами и горячими спорами. А может быть, в том, что Стив, будучи очень серьезным человеком, никогда не воспринимал себя всерьез.

В субботу Михаил Горбачёв написал мне:

Дорогая Катрина,

Пожалуйста, прими мои искренние соболезнования по поводу смерти Стива. Он был одним из самых близких мне людей по взглядам и пониманию тех грандиозных событий, которые произошли в конце 1980-х годов в России и изменили мир. Стив был блестящим историком и человеком демократических убеждений. Он любил Россию, русскую интеллигенцию и верил в будущее нашей страны. Я всегда считал вас со Стивом своими настоящими друзьями. Во время перестройки и все последующие годы я чувствовал ваше понимание и неизменную поддержку. Я благодарен вам обоим.

Дорогая Катрина, я глубоко сочувствую твоему горю и скорбю вместе с тобой и Никой. Светлая память Стиву.

19.09.20

Когда-то давно я спросила Стива, почему он никогда даже не пытался написать монографию о Горбачеве. Он сказал, что чувствует слишком большую близость между ними, он стал ему другом – возможно, я излагаю не дословно, но для Стива это действительно было важно. У Стива была папка с личной перепиской с М[ихаилом] С[ергеевичем], и я начала разбирать ее, а также приводить в порядок огромный массив других документов и архивных материалов. Надеюсь, что в будущем году Принстон возьмет на хранение этот архив.

*У студенческого общежития. Принстонский университет. 2012 г.
Near a student dormitory of Princeton University. 2012.*

Сорок лет Стив был моим партнером, товарищем, компаньоном, соучастником, лучшим другом, наставником, мужем (тридцать два года) и соавтором. Я вечно буду благодарна ему за знакомство с *The Nation* и Россией, за жизнь, полную совместных приключений, взаимной дружбы и страсти, и за нашу любимую дочку Нику.

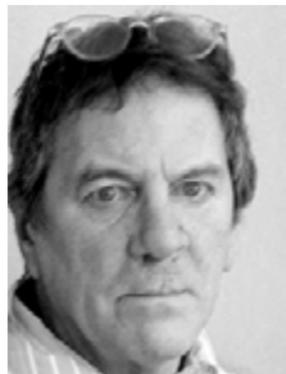
Опубликовано: *The Nation*. 2020. September 21. <https://www.thenation.com/article/world/stephen-cohen-obituary-russia/>

Перевод Ирины Давидян.

Four Elegies

Patrick Lawrence*

[...]

MY WELL-TRAVELED COLUMN was appearing in Salon by the spring of 2015, and my editor gave me all the space I wanted. I had begun to conduct lengthy Q & A exchanges with people I chose carefully for the interest and worthiness of their thinking. The Ukraine crisis had erupted with the American-cultivated coup a year earlier, and Russia had become a topic still hotter than it has long been among Americans. The Q & A pursuit led to a splendid place at that point: I arrived in late March at the Riverside Drive apartment of Stephen F. Cohen – he always insisted on the «F,» for Frand – the honored Russianist. We recorded for what must have been a solid two hours and change.

Steve was kind to me that day. He made sandwiches, having asked in advance what kind I preferred. I was so frightened of the new digital recorder I brought with me that we kept it going during our breaks. I'd announce to Michael Garofalo, who did the transcript, «Michael, We're pausing here. The tape will run on for a while before we resume.» It occurred to me afterward Michael was treated to a goodly amount of irreverent banter during those inter-

---

* *Patrick Lawrence* is a longtime columnist, essayist, critic, and lecturer. He was a correspondent abroad for the *Far Eastern Economic Review*, the *International Herald Tribune*, and *The New Yorker*. He has his own website.

ims. Steve and I spent them getting to know one another. I think this was important to him. He was beset with dreadful illiterates and know-nothings by this time – people critical of his views on Russia because they didn't match the orthodoxy – and bore a certain wariness. This was the beginning of our Scoundrel Time, as I look back upon it now. It wasn't an easy time for Steve, I knew even then. I never saw him flinch and am certain he never did.

As I sat a short time later to edit the transcript, it came to me this was more than a standard question-and-answer interview in the usual mold. We had produced a document of some consequence, some lasting value, it seemed to me. I cleaned up the transcript but edited out nothing. It ran to nearly ten thousand words in a two-part series.

Steve was very pleased. In a short time those two parts made it into several languages, not least Russian, and circulated widely for many months. A friendship kindled. Stevie, I came to call this distinguished man. He never objected, dear fellow.

One of Stevie's great gifts was one for making the people he met feel important when they were in his presence. This must have come natural to him for the simple reason those he met and spent time with were important to him. Katrina vanden Heuvel has just published in *The Nation* something more in the way of a love letter than an obituary. I marvel at Stevie's generosity now I've read it: I will speak for myself and no one else, but I was rather small beer when put against this larger-than-life man's many high deeds and eminent friends. Bless him all the more for the hand of friendship he extended to me.

[...]

When I heard in the summer that Stevie was ill I waited an interval and sent him a note. «How're you doing, Stevie?» I wrote. «Ever in my thoughts & those things called prayers.» Steve sent

back a message I'll always treasure: «Grateful for your well wishes, but also counting you will make your own voice heard in ways we need, bestest, Steve.» That was Stevie, ever encouraging of those around him.

Many others knew this side of Steve, even from a distance. «The death of Stephen Cohen is a huge loss to what little is left of public sanity in the United States,» Diana Johnstone, the celebrated Europeanist, wrote in a note from Paris when news of Stevie's death reached her. «His wisdom drew on knowledge but also on generosity of spirit, on his inherent capacity to regard the people he studied as fellow human beings.»

I cannot do any better and see no reason to try.

Some time before the end came last Friday, when Steve's chemotherapy was taking its awful toll and things seemed to turn for the worse, I sent him another note with a link to a recording. It was to Nat Cole's rendering of *Nature Boy*, which I have long treasured. «Something easeful, just coupla mins,» I wrote:

The greatest thing you'll ever learn
Is to love, and be loved in return.

I simply know from everything I knew of Steve Cohen that he understood this truth. One could detect this in the way he lived if one had a chance to look at all carefully.

[...]

Published: JOURNAL ENTRY #53 September 23, 2020 by Patrick Lawrence in Cú Chulainn / www.patricklawrence.us/journal-entry-53

Четыре элегии

Патрик Лоуренс*

[...]

Моя вдоволь покочевавшая по разным изданиям колонка весной 2015 года стала выходить в «Салоне»¹. Редактор предоставил мне сколько угодно места, и я стал публиковать длинные интервью с людьми, которых тщательно отбирал по принципу интересности и неординарности мышления. Годом раньше случился (не без помощи американцев) переворот на Украине и разразился украинский кризис, сделавший Россию еще более горячей темой в США, чем она была до этого. Погоня за интервью привела меня в чудесное место в этом смысле: в конце марта я оказался на Риверсайд-драйв, в квартире Стивена Ф. Коэна – он всегда настаивал на этом «Ф.», от Франд, – уважаемого россияеда. Интервью получилось на два с лишним часа.

Стив был добр ко мне в тот день. Он приготовил сэндвичи, спросив заранее, какие я предпочитаю. С собой у меня был новый цифровой диктофон, которого я так боялся, что не выключал его во время перерывов в интервью. Майкла Гарофало, который занимался расшифровкой записи, я предупредил: «Майкл, здесь у нас перерыв. Пленка какое-то

---

* *Патрик Лоуренс* – независимый американский журналист, бывший долгое время зарубежным корреспондентом таких изданий, как *International Herald Tribune* и *New Yorker*. В настоящее время эссеист, критик, редактор и пишущий автор.

¹ *Salon.com* – американский сетевой журнал. – *Прим. перев.*

время покрутится, а потом мы продолжим». Позже я подумал, что Майкл здорово повеселился, слушая бесцеремонные подколки, которыми мы со Стивом обменивались во время этих пауз. Так мы с ним узнавали друг друга. Думаю, для него это было важно. Окруженный со всех сторон чудовищными невеждами и незнайками – людьми, критиковавшими его взгляды на Россию, поскольку те не соответствовали общепринятой догме, – он проявлял определенную осмотрительность. Это было начало нашего «Времени негодяев»¹, как я теперь его называю. То, что для Стива это было непростое время, я знал уже тогда. Я ни разу не видел, чтобы он вздрагивал; думаю, ему это было несвойственно.

Когда чуть позже я сел править расшифровку, я понял, что передо мной нечто большее, чем обычное, стандартное интервью в духе «вопрос–ответ». Мне показалось, что мы произвели на свет документ, обладающий определенной значимостью, ценностью, причем не сиюминутной. Я немного подчистил текст, но править ничего не стал. Интервью получилось почти на десять тысяч слов и вышло в двух частях.

Стив был очень доволен. За короткое время обе части интервью были переведены на несколько языков, в том числе, что особенно важно, на русский, и многие месяцы циркулировали в Сети. Так родилась дружба, и я стал называть этого выдающегося человека просто Стиви. Он никогда не возражал, миляга.

У Стиви была уникальная способность: он умел сделать так, что люди в его присутствии чувствовали свою важность. Выходило это у него естественно и объяснялось просто: люди,

---

¹ Роман Лилиан Хеллман об эпохе маккартизма. – Прим. перев.

с которыми он встречался и проводил время, были важны для него. Катрина ванден Хювел недавно опубликовала в *The Nation* нечто более похожее на любовное письмо, чем на некролог. Читал его и поражался душевной щедрости Стиви: не буду говорить за других, но на фоне множества великих дел и влиятельных друзей этого невероятного человека я почувствовал себя мелкой сошкой. Тем более я благодарен ему за руку дружбы, которую он протянул мне.

[...]

Когда я летом узнал, что Стиви болен, я какое-то время выждал, а затем послал ему сообщение. «Здравствуй, Стиви, – написал я. – Думаю и, что называется, молюсь о тебе день и ночь». Стив ответил мне, и его ответ я никогда не забуду: «Спасибо тебе за добрые пожелания, но я также рассчитываю, что ты и вслух выскажешься нужным нам образом. Всего-всего, Стив». В этом был весь Стиви, вечно подталкивал и вдохновлял тех, кто вокруг него.

Об этой стороне Стива знали многие, даже не слишком близкие к нему люди. «Смерть Стивена Коэна – это огромная утрата для того немногочисленного, что осталось от общественного здравомыслия в Соединенных Штатах, – написала из Парижа прославленная европейстка Диана Джонстон, когда до нее дошла весть о смерти Стива. – Его мудрость проистекала из знания, а еще – из благородства духа, из его врожденной способности относиться к людям, которых он изучал, как к живым и знакомым».

Сам я не скажу лучше и даже не стану пытаться.

Незадолго до конца, наступившего в прошлую пятницу, когда химиотерапия отнимала у Стива последние силы и было видно, что дело идет к худшему, я послал ему еще одно

электронное сообщение со ссылкой на видеозапись. Это была песня *Nature Boy* в исполнении Нэта Коула, которую я очень люблю. «Кое-что для души, всего пара минут, – написал я:

Когда-нибудь ты узнаешь, что главное –
Это любить и быть любимым».

Просто я знаю – исходя из всего, что я знаю о Стиве Коэне, – что он понимал эту истину. Это было видно по тому, как он жил, достаточно было внимательно приглядеться.

[...]

Опубликовано 23 сентября 2020 г. в подборке под названием «Четыре элегии» на личной странице Патрика Лоуренса: www.patricklawrence.us/journal-entry-53/

Перевод Ирины Давидян.

In Memoriam
Stephen F. Cohen
(1938–2020)

Harriman Magazine
(Summer 2021)

HARRIMAN
INSTITUTE

Eminent historian, distinguished alumnus of the Russian Institute («69), and member of the Harriman Institute’s National Advisory Council, Stephen Cohen died at his home on Manhattan’s Upper West Side, on September 18, 2020. He was 81.

Cohen came to Columbia University and the Russian Institute for his Ph. D., after earning his master’s degree in Russian studies at Indiana University. In his interview for the Harriman Institute’s Oral History Project, Cohen recalls his time at the Russian Institute:

But about those years – and remember, I entered all this with the mind and eyes, despite having been to Russia and being semiworldly, of a young person who’d grown up in Kentucky. I don’t know exactly how Columbia gathered these people, but the happenstance of this array of scholars, personalities, and autobiographies was just perfect for me. Boy, I really was lucky... And then of course there were the events... They were bringing in for seminars, and as visiting scholars, authors of the books I was reading.

Reflecting on his time at the Russian Institute for the Institute’s 50th anniversary book, Cohen writes: «I recall, above all,

and value even more as the years pass, the wonderfully eclectic collection of senior scholars gathered at the Institute in the '60s – all of them devoted in their own ways to understanding and teaching about Russia, none of them instilling any orthodoxy in the students, and few of them afflicted by the cold-war passions of the time. I know of no academic institution that could have been a better place to study, then or now.»

Professor emeritus of politics at Princeton University and professor emeritus of Russian studies and history at New York University, Cohen was the author or editor of 10 influential books, a frequent contributor to the *Nation*, and a CBS-TV commentator. His first book, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938*, the first full-scale biography of the Soviet leader, had its beginnings as Cohen's Columbia dissertation; the book was published by Knopf in 1973 and named a finalist for the National Book Award. The Russian translation of Cohen's *Bukharin*, published by a small independent press in Ann Arbor, ended up in President Mikhail Gorbachev's hands, which led to an invitation to speak on Red Square on May Day 1989. Inclined to turn down the invitation, Cohen was urged by his Russian friends to accept, as he recounts in the oral history interview: «'This is your sud'ba, ' – your fate, your destiny.»

By this point Gorbachev had befriended Cohen and Katrina vanden Heuvel, his wife and intellectual partner, now currently editorial director of the *Nation*. Tellingly vanden Heuvel recounts «meeting» Cohen through his essay «Bolshevism and Stalinism» (1977) and his *Bukharin* biography, which, she writes, «challeng[ed] prevailing interpretations of Soviet history, and was to me, and many, a model of how biography should be written: engaged and sympathetically critical.» In that same personal

reminiscence, vanden Heuvel recalls the years the couple shared in Moscow beginning in 1980; the friendship with Bukharin's widow, Anna Larina, «matriarch of [Cohen's] second family»; and that their «marriage coincided with perestroika» (see vanden Heuvel's «Moi Stiv (My Steve)» on the Nation's website). Vanden Heuvel's essay ends with the letter of condolence on the death of her husband from Mikhail Gorbachev, in which he writes: «Steve was a brilliant historian and a man of democratic convictions. He loved Russia, the Russian intelligentsia, and believed in our country's future. I always considered Steve and you my true friends.»

Other important books include *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917* (Oxford University Press, 1985); *Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities* (Norton, 1985); *Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers*, written together with vanden Heuvel (Norton, 1989); *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia* (Norton, 2000); and *The Victims Return: Survivors of the Gulag after Stalin* (2010). His most recent book, *War with Russia? From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate*, was published in 2019.

Cohen was the recipient of numerous fellowships and honors: John Simon Guggenheim Memorial Fellowship (two); ACLS Grant (three); Rockefeller Foundation Humanitarian Fellowship; NEH Fellowship; Newspaper Guild Page One Award for Column Writing; Olive Branch Award for Magazine Writing; Indiana University Annual Distinguished Alumni Award, and the Harri-man Institute Alumnus of the Year Award.

To say that Cohen's impact on the field was «significant» would be an understatement – he was an extraordinarily influen-

tial Russian/Soviet historian, a thoughtful and enthusiastic mentor to graduate students, and a generous supporter of the Russian studies field across the academy – including at both Indiana University and Columbia as well as at the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. His passion for improving U.S. – Russian understanding and striving to improve the quality of debate and analysis in the United States has inspired countless observers.

Published: Harriman Magazine (Summer 2021): http://www.columbia.edu/cu/creative/epub/harriman/2021/summer/in_memoriam.pdf

Памяти Стивена Ф. Коэна (1938–2020)

*Журнал Гарримановского
института (лето 2021)*

Выдающийся историк, прославленный выпускник Русского института (1969 г.) и член Национального консультативного совета Гарримановского института, Стивен Коэн скончался 18 сентября 2020 года в своем доме в Верхнем Вестсайте на Манхэттене. Ему был 81 год.

В Колумбийский университет и Русский институт Коэн поступил, чтобы получить докторскую степень, после того как получил магистерскую по руссиеведению в Индианском университете. В интервью для проекта устной истории Гарримановского института Коэн так вспоминал свои годы в Русском институте:

Так вот, те годы... Не забывайте, что я пришел туда – несмотря на то, что уже побывал в России, и кое-чему научился, – будучи молодым человеком, выросшим в Кентукки, и смотрел на все его глазами... Я не знаю, как Колумбия подбирала этих людей, но так совпало, что именно тот состав собравшихся там ученых, персоналий, автобиографий оказался идеальным для меня. Боже, я действительно был счастлив... И потом, конечно, сами события... Они приходили на семинары, выступали в качестве приглашенных ученых, были авторами книг, которые я читал.

Размышляя о том времени для юбилейного сборника, выпущенного к 50-летию института, Коэн писал: «Больше всего я вспоминаю и со временем все больше ценю замечательно эклектичный состав старших преподавателей, собравшийся в институте в 1960-е годы. Все они были по-своему преданы изучению и преподаванию науки о России, никто из них не навязывал своим студентам никакой ортодоксии, и мало кто подвергся фобиям, характерным для эпохи холодной войны. Я не знаю ни одного научного института, который был бы лучшим местом для учебы, ни тогда, ни теперь».

Почетный профессор политологии Принстонского университета и почетный профессор россиеведения и русской истории Нью-Йоркского университета, Коэн был автором или редактором 10 влиятельных книг, ведущим рубрики и автором многочисленных статей в *The Nation*, комментатором телеканала CBS. Его первая книга «Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938», ставшая первой полномасштабной биографией этого советского лидера, начиналась как диссертация, которую Коэн

защитил в Колумбийском университете. В 1973 году книга была опубликована в издательстве Кнопфа и стала финалистом Национальной книжной премии. Русский перевод «Бухарина», изданный маленьким независимым издательством в Анн-Арборе, попал в руки президента Михаила Горбачева, что привело в итоге к приглашению выступить на Красной площади 1 мая 1989 года. Склонный поначалу отказаться, Коэн внял убеждениям своих русских друзей и принял приглашение. «Это была судьба», как выразился он в интервью для проекта устной истории.

К тому моменту Горбачев уже подружился с Коэном и Катриной ванден Хювел, его женой и интеллектуальным партнером, в настоящее время редакционным директором *The Nation*. По образному выражению ванден Хювел, «познакомилась» она с Коэном на страницах его эссе «Большевизм и сталинизм» (1977) и его биографии Бухарина, которая, пишет она, «бросила вызов традиционным трактовкам советской истории, [и] стала для меня, как и для многих, образцом того, как нужно писать биографию: увлекательно и критически-сочувственно». В том же личном воспоминании ванден Хювел пишет о годах, проведенных их парой совместно в Москве начиная с 1980 г.; о дружбе с вдовой Бухарина Анной Лариной – «главой второй семьи» Коэна; о замужестве, которое «совпало с перестройкой» (см. очерк ванден Хювел «Мой Стив» на сайте *The Nation*). Ванден Хювел заканчивает очерк письмом соболезнования, которое прислал ей по случаю смерти ее мужа Михаил Горбачев. Он, в частности, написал: «Стив был блестящим историком и человеком демократических убеждений. Он любил Россию, русскую интеллигенцию и верил в будущее нашей

страны. Я всегда считал вас со Стивом своими настоящими друзьями».

Среди других значимых книг Коэна – «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года» (*Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917*. – Oxford University Press, 1985); «Советикус: американское восприятие и советская действительность» (*Sovieticus: American Perceptions and Soviet Realities*. – Norton, 1985); «Голоса гласности: интервью с горбачевскими реформаторами», совместно с Катриной ванден Хювел (*Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers*. – Norton, 1989); «Провал крестового похода: Америка и трагедия посткоммунистической России» (*Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. – Norton, 2000) и «Жизнь после Гулага: возвращение сталинских жертв» (*The Victims Return: Survivors of the Gulag After Stalin*. – Exeter, NH: Publishing Works, 2010). Его последняя книга, «Война с Россией: от Путина и Украины до Трампа и Рашагейта» (*War with Russia: From Putin & Ukraine to Trump & Russiagate*), вышла в 2019 году.

Коэн был награжден множеством призов и почетных званий. Он был дважды удостоен стипендии Мемориального фонда Джона Саймона Гуггенхайма, трижды – гранта Американского совета научных обществ (ACLS), гуманитарной стипендии Фонда Рокфеллера, стипендии Национального целевого фонда для гуманитарных исследований (NEH), приза «Первой полосы» (Page One Award) Газетной гильдии за лучшую колонку, приза «Оливковая ветвь» (Olive Branch Award) за журнализм, ежегодного приза Индианского университета для выдающихся выпускников и приза «Выпускник года» Гарримановского института.

Сказать, что влияние Коэна на его область было «значительным», значит ничего не сказать: он был сверхвлиятельным специалистом в области российской/советской истории, мудрым и неравнодушным наставником студентов и щедрым спонсором руссиеведения в американской академической сфере, от Индианского и Колумбийского университетов до Ассоциации славянских, восточноевропейских и евроазиатских исследований. Его страстное желание добиться лучшего понимания в американо-российских отношениях и стремление улучшить качество полемики и анализа в Соединенных Штатах вдохновляли и продолжают вдохновлять бесчисленных приверженцев.

Опубликовано: Harriman Magazine (Summer 2021): http://www.columbia.edu/cu/creative/epub/harriman/2021/summer/in_memoriam.pdf

Перевод Ирины Давидян.

Stephen Cohen's Legacy Lives on in Group Fostering US-Russia Relations

*Katrina vanden Heuvel
and James Carden**

The late professor launched the first incarnation in 1974. A year after his death, his wife and colleagues are pressing forward under new name.

Last month, The Quincy Institute for Responsible Statecraft co-hosted a panel discussion with the American Committee for US-Russia Accord on the outcomes and implications of the Biden-Putin summit meeting in Geneva.

ACURA is not new – but our mission has been updated to reflect current realities in the US–Russia relationship. So we'd like to take this opportunity to say a few words about our group: who we are, and what we hope to achieve.

But first, perhaps, some history is in order.

The original Committee for East-West Accord was founded in 1974 to act as a counterweight to the then-growing backlash in Washington to the Nixon administration's policy of *detente*. At the time, a well funded and well connected cohort of neoconservatives had formed the Committee on the Present Danger which

---

* *James W. Carden* is a contributing writer for foreign affairs at The Nation. He served as a policy adviser to the Special Representative for Intergovernmental Affairs and the Office of Russia Affairs at the US State Department.

sought to drum up support for ever higher defense budgets by employing the overheated rhetoric of cold war alarmism. The first Committee for East-West Accord boasted such luminaries as the diplomat George F. Kennan; former Under Secretary of State George Ball; PepsiCo Chairman Donald Kendall; Harvard economist John Kenneth Galbraith; Notre Dame University president Fr. Theodore Hesburgh; and Princeton University Russian scholar [and my late husband] Stephen F. Cohen.

It was Steve who was the guiding force behind the Committee's re-emergence in 2015, this time as the American Committee for East-West Accord. As Steve noted at the time, «The old Committee, formed mainly by corporate CEOs, was well funded, had offices in Washington D.C., and had supporters in many places – in the media, in Congress, in the two political parties, in the State Department, etc. We have none of these advantages now. Our struggle is therefore much more difficult, but therefore also more important.»

It was also Steve who, far earlier than most, saw the danger of the new cold war that was forming in the mid 2000s and which reached its apex in the months and years immediately following the 2014 crisis in Ukraine. Steve observed with dismay that many journalists, scholars and foreign policy practitioners acted as though the risks of a prolonged East-West confrontation were negligible. In his view, this was the height of reckless irresponsibility. He knew, as we know now, that the inherent risks of a confrontation between the U.S. and Russia, each armed with roughly 1350 strategic nuclear warheads, and with our militaries nose to nose across east-central Europe, the Black Sea, and Syria, were enormous. The role of the West in fomenting rebellion against a democratically elected government in Kiev greatly exacerbated the risks of confrontation.

Steve's decision to re-establish the committee at the high point of what may fairly be characterized as a neo-McCarthyite stance toward Russia, was also very much in keeping with his character. In a *Chronicle of Higher Education* profile, the distinguished scholar Ronald Suny observed that Steve «tries to fight all windmills at once,» adding that he thought Steve «rather courageous» for covering «for more timid colleagues.»

Inspired by his example, we relaunched as the American Committee for US-Russia Accord (ACURA) in January of this year, with the goal of the goal of introducing civility and moderation to the increasingly toxic debate over U.S. policy toward Russia, and toward Russia itself, while emphasizing the legitimate interests of both the United States and Russia, and urging ethical fairness in the means of serving these interests.

Ours is a collaborative effort between distinguished scholars, businessmen, artists, activists and diplomats, who are searching for new ways to collaborate with people from across a wide spectrum on holding a real dialogue over the current problems bedeviling the U.S. – Russian relationship.

The Committee's current Board includes a wide range of distinguished citizens including former senator and presidential candidate Bill Bradley; Ronald Reagan's ambassador to the USSR, Jack Matlock; former Procter and Gamble CEO, John Pepper; the scholar Nicolai N. Petro; citizen diplomats Sharon Tennison and Cynthia Lazaroff; former UN ambassador Donald McHenry; and Quincy's own Anatol Lieven.

Our website includes original and curated material for those who seek different, alternative approaches. As we say in our Mission Statement which one can access at usrussiaaccord.org, «The primary mission of ACURA is to promote diplomacy, dialogue and cooperation with Russia. Our goal is to stimulate public

awareness regarding the dangers of a new Cold War by encouraging open, civilized, informed debate among Americans with different, even opposing, positions, perspectives, and proposals.»

ACURA believes the kind of world we leave to future generations hinges in large part on how we navigate the perilous shoals of the US-Russia relationship. With the help of grassroots activists and thoughtful, innovative centers of action, policy and scholarship like Quincy, we hope to affect much needed change and begin a new era of dialogue and diplomacy between the world's nuclear superpowers.

Published: <https://responsiblestatecraft.org/2021/07/07/stephen-cohens-legacy-lives-on-in-group-fostering-u-s-russia-relations/?fbclid=IwARoWohD3In3IompBmQkaOEx2k4d7jc6KcNh7sGAr-KNF63cMzzB4N3qgLa8>

Дело Стива Коэна продолжает жить в группе, выступающей за улучшение американо-российских отношений

*Катрина ванден Хювел
и Джеймс Карден**

Покойный профессор был инициатором первой инкарнации [этой группы] в 1974 году. Год спустя после его смерти вдова и коллеги продолжают его дело под другим названием.

---

* Джеймс Карден – международный обозреватель журнала The Nation. Работал политическим консультантом спецпредставителя по межправительственным делам и по делам России в госдепартаменте США.

В июне 2021 года Институт ответственного государственного управления Куинси вместе с Американским комитетом американо-российского согласия (АКАРС) провели круглый стол по итогам женеvского саммита Байден–Путин.

АКАРС не новая организация, но мы пересмотрели наши задачи в свете новых реалий во взаимоотношениях между США и Россией. Поэтому мы хотели бы воспользоваться возможностью немного рассказать о себе: кто мы и чего добиваемся.

Но сначала небольшой экскурс в историю.

Первый Комитет восточно-западного согласия был основан в 1974 году в качестве противовеса набиравшей тогда обороты в Вашингтоне негативной реакции на политику разрядки администрации Никсона. В то время пользовавшаяся большими связями и большой финансовой поддержкой когорты неоконсерваторов сформировала Комитет по существующей опасности, который должен был обеспечивать поддержку постоянно растущим оборонным бюджетам путем активной риторики в духе «холодно-военного» алармизма. В состав первого Комитета восточно-западного согласия вошли такие светила, как дипломат Джордж Ф. Кеннан, бывший заместитель госсекретаря Джордж Болл, глава компании «Пепсико» Дональд Кендалл, гарвардский экономист Джон Кеннет Гэлбрейт, президент университета Нотр-Дам Фр. Теодор Хесбург и советолог из Принстона Стивен Ф. Коэн.

Именно Стив стал главным вдохновителем идеи возрождения Комитета в 2015 году – тогда под названием Американский комитет восточно-западного согласия. Как отмечал в то время Стив, «старый комитет, сформированный в основном

исполнительными директорами корпораций, имел хорошее финансирование, офисы в Вашингтоне и сторонников во многих структурах: в СМИ, в конгрессе, в обеих политических партиях, в Госдепартаменте и т. д. Сегодня у нас таких преимуществ нет. Поэтому наша борьба сегодня гораздо более трудная, но и более важная, по этой же причине».

Также именно Стив гораздо раньше других увидел угрозу новой холодной войны, которая начала крепнуть в середине 2000-х годов и достигла своего апогея в месяцы и годы после украинского кризиса 2014 года. Стив с тревогой наблюдал за тем, как многие журналисты, ученые и деятели внешней политики ведут себя так, словно риски затянувшейся восточно-западной конфронтации ничтожны. Он считал, что это – верх безответственности и беспечности. Он знал, как и мы сейчас, что риски, присущие конфронтации между США и Россией, имеющими на вооружении примерно по 1350 стратегический ядерных боеголовок и военных, сталкивающихся нос к носу по всей Центральной и Восточной Европе, в Причерноморье и в Сирии, чрезвычайно высоки. А поведение Запада, спровоцировавшего выступление против демократически избранного правительства в Киеве, обострило эти риски еще больше.

Решение Стива воссоздать комитет в самый разгар того, что можно с полным правом назвать новым маккартизмом в отношениях с Россией, было еще и очень в его характере. В журнале *Chronicle of Higher Education* выдающийся ученый Рональд Суни написал, что Стив «пытается сражаться со всеми ветряными мельницами сразу», но добавил при этом, что считает Стива «очень храбрым», прикрывающим собой «более робких коллег».

Вдохновленные его примером, мы в январе этого года осуществили перезапуск Американского комитета американо-российского согласия (АКАРС) с целью привнесения формальной вежливости и умеренности во все более токсичную риторику, свойственную дебатам вокруг американской политики в отношении к России и вокруг самой России, и, одновременно, привлечения внимания к законным интересам обеих стран и призыва к соблюдению моральной справедливости в средствах реализации этих интересов.

В основе нашей инициативы – совместное усилие выдающихся ученых, бизнесменов, деятелей искусства, активистов и дипломатов, ищущих новые пути сотрудничества с представителями самого широкого спектра в деле поддержания реального диалога о проблемах, от которых страдают сегодня американо-российские отношения.

В состав руководящего совета нынешнего комитета вошли выдающиеся граждане, в том числе бывший сенатор и кандидат в президенты Бил Брэдли; посол в СССР при Рональде Рейгане Джек Мэтлок; бывший член руководства компании Procter and Gamble Джон Пеппер; ученый Николай Н. Петро; народные дипломаты Шарон Теннисон и Синтия Лазарофф; бывший посол в ООН Дональд Макгенри; представитель Куинси Анатолий Ливен.

Наш веб-сайт публикует оригинальные, а также специально подобранные нами материалы для тех, кто ищет иные, альтернативные, подходы к проблеме. Как сказано в нашем программном заявлении, с которым можно ознакомиться на сайте usrussiaaccord.org, «главная миссия АКАРС – продвижение дипломатии, диалога и сотрудничества с Россией. Наша цель – поддерживать публичные представления об

опасности новой холодной войны путем стимулирования открытых, цивилизованных и предметных дебатов между американцами с различными, даже противоположными позициями, взглядами и предложениями».

АКАРС убежден, что тот мир, который мы оставим будущим поколениям, во многом зависит от того, как мы сумеем справиться с многочисленными опасностями на пути американо-российских отношений. Мы надеемся, что с помощью неравнодушных людей и таких серьезных инновационных научно-практических центров, как Куинси, нам удастся добиться необходимых изменений и начать новую эру диалога и дипломатии между двумя мировыми ядерными супердержавами.

Опубликовано на сайте Института Куинси 07.07.2021 г.: <https://responsiblestatecraft.org/2021/07/07/stephen-cohens-legacy-lives-on-in-group-fostering-u-s-russia-relations/?fbclid=IwARoWohD3In3IompBmQkaOEx2k4d7jc6KCnh7sGAr-KNF63cM2zB4N3qgLa8>

Перевод Ирины Давидян.

III

THE LAST VISIT
TO MOSCOW (2018)
ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД
В МОСКВУ (2018)

The last visit to the capital by our friends and partners was busier than ever. Besides his working meetings and public appearances, there was celebration of Professor Cohen's 80th birthday.

Как никогда насыщенным был последний визит в столицу наших друзей и партнеров. Кроме рабочих встреч и выступлений, состоялось чествование профессора Коэна в связи с его 80-летием.

November 27 • 27 ноября

Stephen Cohen at the Roosevelt Foundation for the Study of the United States at the faculty of history, Moscow State University.

Стивен Коэн в помещении Фонда Франклина Рузвельта по изучению США на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

With Yuri Rogulev, director of the Roosevelt Foundation for the Study of the United States.

С директором Фонда Франклина Рузвельта по изучению США Ю.Н. Роголевым.

With director of the Roosevelt Foundation for the Study of the United States Yuri Rogulev and Gennady Bordyugov.

С директором Фонда Франклина Рузвельта по изучению США Ю.Н. Рогулевым и Г.А. Бордюговым.

At Moscow State University's library in the Shuvalovsky Building, where the guests had a chance to look at Professor Cohen's books and publications of the Roosevelt Foundation for the Study of the United States.

В Библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова в Шуваловском корпусе, где гости познакомились с книгами профессора Коэна и изданиями из Фонда Франклина Рузвельта по изучению США.

*The display of Professor Cohen's books.
Выставка книг профессора Коэна.*

At the history faculty of MGU with the participation of the Association of Researchers of Russian Society (AIRO-XXI) as part of the Academic Lectures, a discussion «The New Cold War: Reports from America.»

На историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова при участии Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI) в рамках Академического лектория состоялась дискуссия «The New Cold War: Reports from America.»

Deputy dean Dmitry Andreyev opens the meeting. Left to right: Stephen Cohen, Katrina vanden Heuvel, Professor Leonid Dobrokhotov, Professor Viktor Kuvaldin, Professor Olga Kazmina, president of AIRO-XXI Gennady Bordyugov.

Зам. декана Д.А. Андреев открывает встречу с гостями. Слева направо: С. Коэн, К. ванден Хювел, профессор Л.Н. Доброхотов, профессор В.Б. Кувалдин, профессор О.Е. Казьмина, президент АИРО-XXI Г.А. Бордюгов.

Stephen Cohen addressing students.

Стивен Коэн выступает перед студентами.

Head of Moscow State University Viktor Sadovnichy receives the guests. Left to right: Gennady Bordyugov, Vladislav Malkevich, Stephen Cohen, Katrina vanden Heuvel, Viktor Sadovnichy.

Гостей принял ректор Московского университета, академик В.А. Садовничий. Слева направо: Геннадий Бордюгов, Владислав Малькевич, Стивен Коэн, Катрина ванден Хювел, Виктор Садовничий.

Vladislav Malkevich, who served as a chairman of the Soviet Chamber of Industry and Commerce in 1988–1991, introduces to the guests the unique collection of pictures he gifted to Moscow State University.

Председатель Торгово-промышленной палаты СССР в 1988–1991 гг. В.Л. Малькевич познакомил гостей с уникальной коллекцией картин, переданных им в дар Московскому университету.

November 28 • 28 ноября

At «Novaya gazeta,» Stephen Cohen's friends and colleagues congratulate him warmly on the occasion of his anniversary.

В редакции газеты «Новой газеты» друзья и коллеги тепло поздравили профессора Коэна с юбилеем.

«Novaya gazeta's» editor-in-chief Dmitry Muratov presents Stephen Cohen with a painting called «A Red Village Librarian.» November 2018.

Главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов дарит Стівену Коэну картину «Красный избач». Ноябрь 2018.

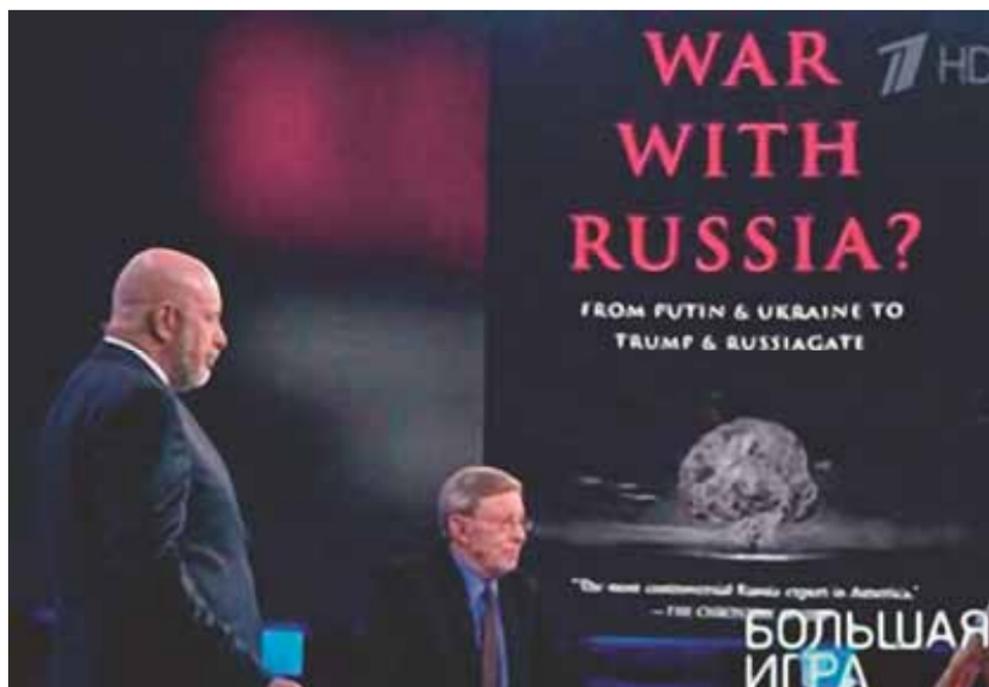

A cake for the special occasion.

Праздничный торт.

29 ноября • November 29

Stephen Cohen and Katrina vanden Heuvel take part in the popular talk show "Big Game" hosted by Vyacheslav Nikonov and Dimitri Simes on Channel One (Russia).

Стивен Коэн и Катрина ванден Хювел приняли участие в популярной программе Вячеслава Никонова и Дмитрия Саймса «Большая игра» на 1 канале.

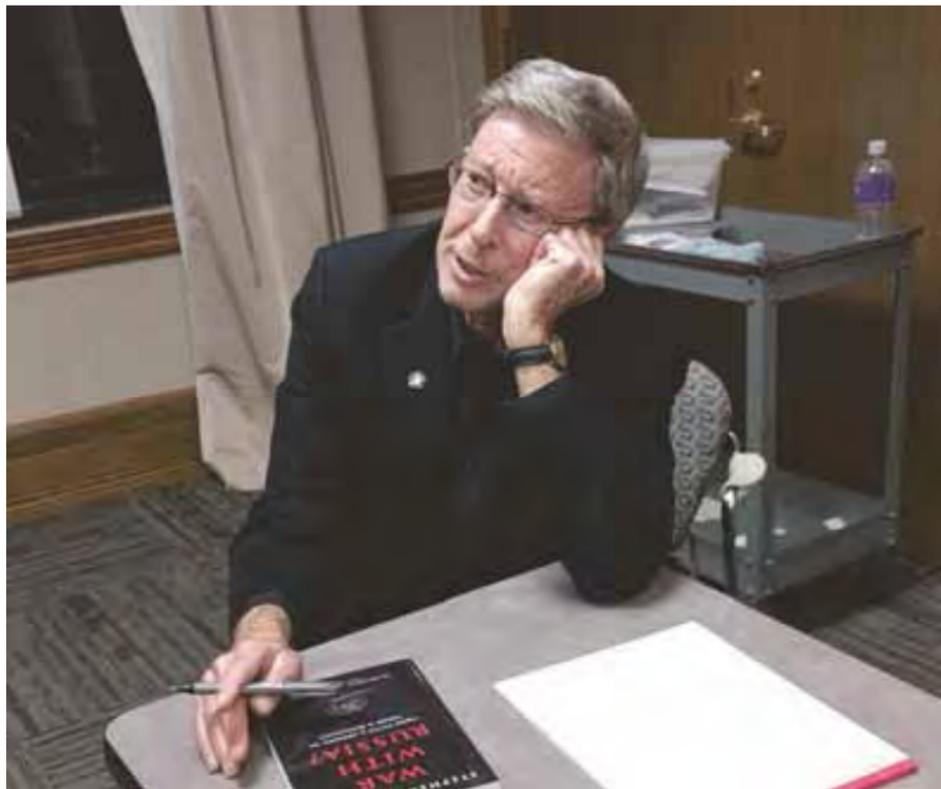
IV

THE LAST YEARS OF
HIS LIFE
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
ЖИЗНИ

July 2018.

Июль 2018 г.

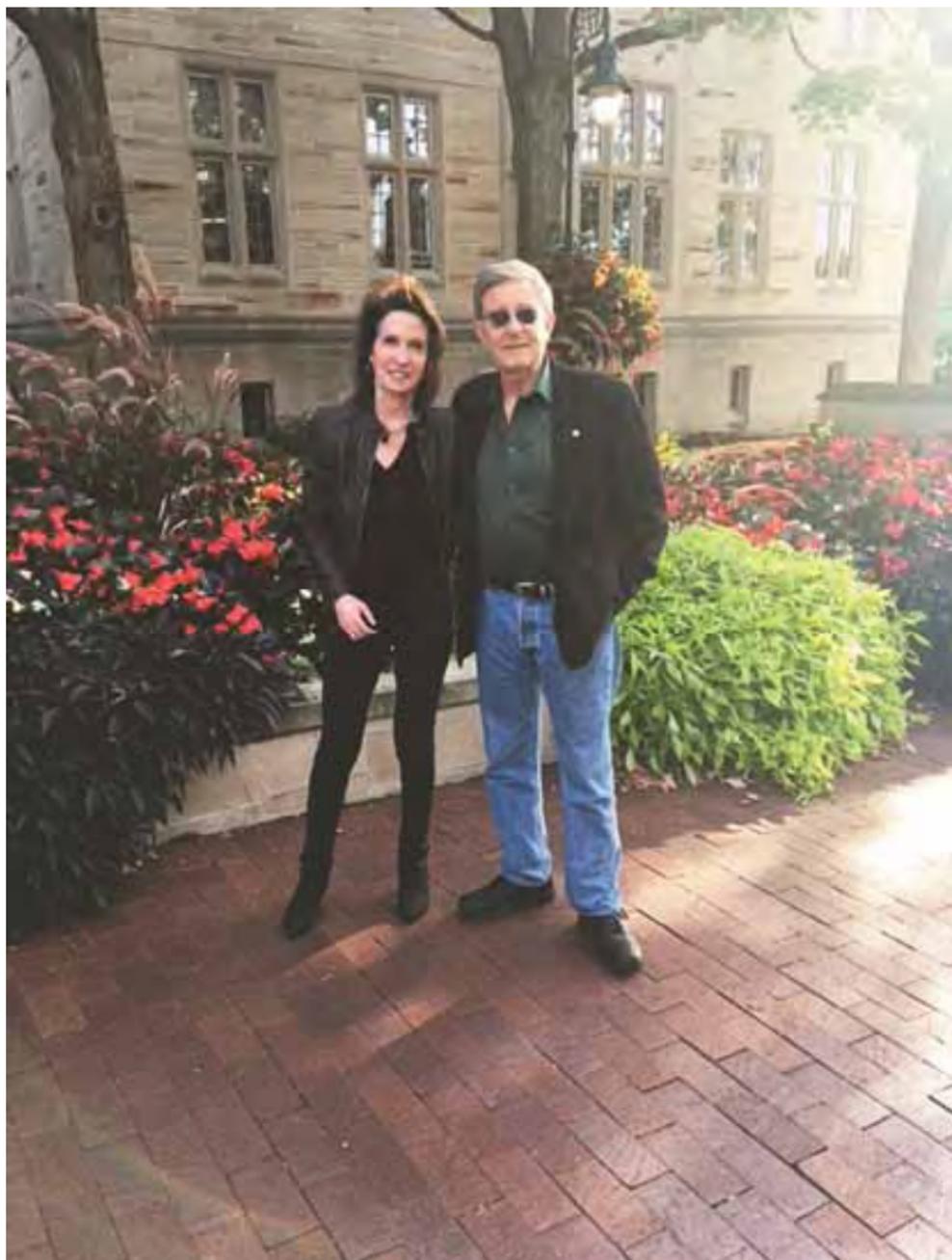
Janet Rabinowitch, Alex Rabinowitch, Stephen Cohen and Katrina vanden Heuvel. September 2019.

Джанет Рабинович, Алекс Рабинович, Стивен Коэн и Катрина ванден Хювел. Сентябрь 2019 г.

Katrina vanden Heuvel, Stephen Cohen, Alex Rabinowitch and Janet Rabinowitch. September 2019.

Катрина ванден Хювел, Стивен Коэн, Алекс Рабинович и Джанет Рабинович. Сентябрь 2019 г.

Bloomington, Indiana. September 2019.

Блумингтон, Индиана. Сентябрь 2019 г.

Steve's last healthy birthday. With Dusty, Nika and grandson Lucas. November 25, 2019.

Последний здоровый день рождения. С дочерьми Дастей, Никой и внуком Лукасом. 25 ноября 2019 г.

At his parents' cemetery, Ft Lauderdale, Florida, December 2019.

На могиле родителей. Форт Лодердэйл Флорида. Декабрь 2019 г.

With his beloved cat, Sox... she died one week before Steve did.

С любимой кошкой Сокс, которая умерла за неделю до ухода Стива.

Back from hospital – May 14, 2020. Advising Former Governor Jerry Brown on latest developments in US–Russia affairs.

Возвращение из госпиталя 14 мая 2020 г. Стив беседует с бывшим губернатором Джерри Брауном о последних событиях в американо-российских отношениях.

Riverside Park. May 2020.

Нью-Йорк, парк Риверсайд. Май 2020 г.

June 17, 2020. At home.

Дома. 17 июня 2020 г.

*Walking in Riverside Park, May 2020.
Нью-Йорк, Парк Риверсайд. Май 2020 г.*

Contents

Содержание

ЕГО ПУТЬ. Катрина ванден Хувел и Геннадий Бордюгов.....	3
HIS WAY. Katrina vanden Heuvel and Gennady Borydugov.....	6

I. CONDOLENCES

I. СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

Mikhail Gorbachev	
Михаил Горбачев.....	11
Sergey Lavrov	
Сергей Лавров.....	12
Andrew Cockburn	
Эндрю Кокберн.....	14
Leonid Dobrokhotov	
Леонид Доброхотов.....	16
Archibald (Archie) Brown	
Арчи Браун	17
Новая газета	
Novaya gazeta.....	22
Anatoly Antonov	
Анатолий Антонов	24
Padraic Kenney	
Порик Кенни	25
Paul T. Christensen	
Пол Кристенсен.....	27
David J. Remnick	
Дэвид Ремник.....	29
Todd Stanley Purdum	
Тодд Пурдум.....	31
Amitabh Pal	
Амитаб Пал.....	35
Семья Анны Лариной-Бухариной	
The family of Anna Larina-Bukharin.....	37

II. OBITUARIES, TRIBUTES AND REMINISCENCES

II. НЕКРОЛОГИ, ПАМЯТНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

The Man Who Knew Russia: A Tribute to Stephen F. Cohen	
Bill Bradley	43
Человек, который знал Россию: памяти Стивена Ф. Козна	
Билл Брэдли	46

Стивен Коэн: друг истины и друг России	
<i>Геннадий Зюганов</i>	50
Stephen Cohen: The Friend of Truth and the Friend of Russia	
<i>Gennady Zyuganov</i>	55
In Memoriam Stephen F. Cohen	
<i>Alex Rabinowitch</i>	60
Памяти Стивена Ф. Коэна	
<i>Александр Рабинович</i>	80
Мои встречи со Стивеном Коэном	
<i>Рой Медведев</i>	103
My meetings with Stephen Cohen	
<i>Roy Medvedev</i>	113
Dissent has its price	
<i>Ronald Suny</i>	122
Инакомыслие имеет свою цену	
<i>Рональд Суну</i>	129
Steve Cohen's Legacy: Some Personal Reflections	
<i>Lars T. Lih</i>	139
Наследие Стива Коэна: несколько личных соображений	
<i>Ларс Т. Ли</i>	146
National Figure	
<i>Yanni Kotsonis</i>	155
Фигура национального масштаба	
<i>Янни Коцонис</i>	159
Historian of Soviet Russia	
<i>Michael David-Fox</i>	166
Историк советской России	
<i>Майкл Дэвид-Фокс</i>	169
Stephen Cohen obituary	
<i>Jonathan Steele</i>	173
Некролог для газеты «Гардиан»	
<i>Джонатан Стил</i>	179
Stephen F. Cohen Helped Us Understand the Russian Revolution and Nikolai Bukharin	
<i>Kevin Murphy</i>	186
Стивен Ф. Коэн помог нам понять Русскую революцию и Николая Бухарина	
<i>Кевин Мерфи</i>	202
Он научил Горбачёва	
<i>Надежда Ажгихина</i>	222

He Taught Gorbachev <i>Nadezhda Azhgikhina</i>	225
Influential Historian of Russia <i>Robert D. McFadden</i>	229
Влиятельный историк России <i>Роберт Д. Макфадден</i>	236
Пытливый исследователь <i>Эмма Гурвич</i>	245
The Researcher with the Inquisitive Mind <i>Emma Gurvich</i>	250
Stephen Cohen Has Died. Remember His Urgent Warnings Against The New Cold War <i>Caitlin Johnstone</i>	255
Умер Стивен Коэн. Помните его настойчивые предупреждения об опасности новой холодной войны <i>Кэтлин Джонстон</i>	260
<i>Бросивший вызов стереотипам о Советском Союзе</i> <i>Иван Курилла</i>	266
American historian who helped redefine Soviet studies before becoming a pariah at home in the age of Putin <i>Ivan Kurilla</i>	273
<i>Он всегда с нами</i> <i>Михаил и Антонина Фадеевы</i>	280
He's Always With Us <i>Mikhail and Antonina Fadeyev</i>	282
Когда уходят друзья <i>Татьяна Баева</i>	284
When Friends Go Away <i>Tatiana Bayeva</i>	287
Его любили, и с ним было легко <i>Ирина Ключникова</i>	292
He Was Loved, and He Was Easy To Be With <i>Irina Klyushnikova</i>	294
Stephen Cohen, R.I.P <i>Marshall Auerback</i>	296
Покойся с миром, Стивен Коэн <i>Маршалл Ауэрбэк</i>	298
Выступление Стивена Коэна в Московском университете на его 80-летие <i>Дмитрий Андреев</i>	300

Stephen Cohen Speaks at MSU on His 80th Birthday <i>Dmitry Andreyev</i>	305
История не может быть предрешена <i>Екатерина Егорова</i>	310
History Cannot Be Predetermined <i>Yekaterina Yegorova</i>	315
Прошлое будущее <i>Геннадий Бордюгов</i>	319
The Future Through the Past <i>Gennady Bordyugov</i>	325
Мой Стив (My Steve): A Personal Recollection of Stephen F. Cohen <i>Katrina vanden Heuvel</i>	333
Мой Стив. Личное воспоминание о Стивене Ф. Коэне <i>Катрина ванден Хювел</i>	341
Four Elegies <i>Patrick Lawrence</i>	352
Четыре элегии <i>Патрик Лоуренс</i>	355
In Memoriam Stephen F. Cohen (1938–2020) <i>Harriman Magazine (Summer 2021)</i>	359
Памяти Стивена Ф. Коэна (1938–2020) <i>Журнал Гарримановского института (лето 2021)</i>	362
Stephen Cohen's Legacy Lives on in Group Fostering US-Russia Relations <i>Katrina vanden Heuvel and James Carden</i>	367
Дело Стива Коэна продолжает жить в группе, выступающей за улучшение американо-российских отношений <i>Катрина ванден Хювел и Джеймс Карден</i>	370
III. THE LAST VISIT TO MOSCOW (2018)	
III. ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД В МОСКВУ (2018)	375
IV. THE LAST YEARS OF HIS LIFE	
IV. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ	387

HIS WAY
Remembering
Stephen Cohen

ЕГО ПУТЬ
Вспоминая
Стивена Коэна

Creative Designer
Sergey Scherbina
Дизайн и вёрстка
Сергей Щербина

Creative Designer, Cover
Robert Best
Дизайн обложки
Роберт Бест

Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 19.08.2021
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 25.25
Зак.